

№ 1 (74)
2026

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
И. В. Никитенко,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

М. В. Бавсун,
доктор юридических наук, профессор;
А. М. Баранов,
доктор юридических наук, профессор;
А. С. Бахта,
доктор юридических наук, профессор;
С. С. Безруков,
доктор юридических наук, доцент;
В. Н. Борков,
доктор юридических наук, профессор;
Б. Б. Булатов,
доктор юридических наук, профессор;
В. Ф. Васюков,
доктор юридических наук, профессор;
С. И. Давыдов,
доктор юридических наук, доцент;
Е. В. Демидова-Петрова,
доктор юридических наук, доцент;
А. Н. Древал,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Н. Егоров,
доктор юридических наук, профессор;
Ю. И. Кулешов,
доктор юридических наук, профессор;
С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Е. Мерещкий,
доктор юридических наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Латыпов В. С. Консолидированная автономия процессуального статуса следователя в системе уголовно-процессуального доказывания / 5

Личидов А. А. Правовой статус участника уголовного процесса, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении / 14

Краснова А. В. Некоторые вопросы концептуальных основ отечественной доктрины уголовно-процессуального доказывания / 19

Уголовное право

Порайко В. В. Развитие принципа вины в советском уголовном законодательстве / 25

Вихарев Д. Д. Соотношение норм административного и уголовного права при нарушении фармацевтами правил отпуска рецептурных сильнодействующих лекарственных препаратов / 36

Кожевников И. И. Соотношение уголовной и административной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания / 40

Красовская О. Ю. Роль специальных правил назначения наказания несовершеннолетним в профилактике преступного поведения / 45

Криминология

Никитенко И. В. Механизм преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях с применением нейросетевых технологий / 50

Пяткова О. В., Жерновой М. В. Дипфейк-технологии как вызов системе уголовной юстиции: криминологические риски и направления совершенствования правового противодействия / 56

Степанов А. М. Актуальные проблемы профилактики преступлений в сфере незаконной миграции / 66

Уголовно-исполнительное право

Щербакова Д. С. Особенности правового положения осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания / 74

К. В. Муравьев,
доктор юридических наук, доцент;
А. А. Пупышева,
доктор юридических наук, доцент;
И. М. Середа,
доктор юридических наук, профессор;
А. Е. Чечетин,
доктор юридических наук, профессор;
С. В. Шевелева,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Г. Шурухов,
доктор юридических наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова
Корректор
Н. Б. Хохлова

Компьютерная верстка и дизайн
О. Ф. Вальченко

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Журнал отнесен к категории К2.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679
от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 31.03.2026.
Дата выхода в свет 07.04.2026.
Бум. офис. Формат 60×84^{1/8}.
Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз.
(1-й завод: 1–35 экз.). Заказ № 7.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России
имени И. Ф. Шилова.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
тел. (4212) 92-02-59

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2026

Криминалистика

Васюков В. Ф. Тактические основы осмотра криптокошелька при расследовании преступлений, связанных с обращением цифровых активов / **82**

Жердев П. А., Мерецкий Н. Е. Тактико-криминалистические аспекты расследования неправомерного доступа в компьютерную сеть / **90**

Галкин Д. В. О следственных ситуациях, требующих принятия специальных мер безопасности, их месте в криминалистической науке и дидактике / **97**

Ким С. С. Криминалистическая методика и тактические приемы при использовании искусственного интеллекта в цифровом судопроизводстве / **102**

Батоев В. Б. Использование систем видеонаблюдения в обеспечении транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры / **113**

Гольцов С. Е., Диянич В. Ю. Способы хищений денежных средств с банковских счетов как элемент их криминалистической характеристики / **119**

Абаринов А. Д. Отдельные аспекты криминалистической характеристики финансирования экстремистской деятельности / **128**

Судебно-экспертная деятельность

Купин А. Ф. Объекты и задачи криминалистического исследования документов в свете теории цифровизации судебно-экспертной деятельности / **136**

Становая О. В. Трасологическое исследование колото-резаных повреждений, образованных клинками ножей, на автомобильных шинах / **143**

Оперативно-розыскная деятельность

Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Обращения органов, не осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий / **153**

Информация для авторов / 162

№ 1 (74)
2026

VESTNIK

of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Editorial board:

Editor-in-Chief

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. N. Derjuga

Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary

E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:

M. V. Bavsun,

Doctor of Law, Professor;

A. M. Baranov,

Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,

Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,

Doctor of Law, Associate Professor;

V. N. Borkov,

Doctor of Law, Professor;

B. B. Bulatov,

Doctor of Law, Professor;

V. F. Vasyukov,

Doctor of Law, Professor;

S. I. Davydov,

Doctor of Law, Associate Professor;

E. V. Demidova-Petrova,

Doctor of Law, Associate Professor;

L. N. Dreval,

Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,

Doctor of Law, Professor;

Yu. I. Kuleshov,

Doctor of Law, Professor;

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Law, Professor;

N. E. Meretsky,

Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure law

Latypov V. S. Consolidated autonomy of the procedural status of the investigator in the criminal procedure evidence system / **5**

Lichidov A. A. The legal status of the participant in the criminal process, in respect of which the verification of the crime report is carried out / **14**

Krasnova L. V. Some issues of the conceptual foundations of the Russian doctrine of criminal procedural evidence / **19**

Criminal law

Poraiko V. V. Evolution of the principle of guilt in soviet criminal law / **25**

Vikharev D. D. The relationship between the norms of administrative and criminal law in case of violation by pharmacists of the rules of prescription of potent drugs / **31**

Kozhevnikov I. I. The relationship between criminal and administrative liability for violating the right to freedom of conscience and religion / **40**

Krasovskaya O. Yu. The role of special rules for sentencing minors in the prevention of criminal behavior / **45**

Criminology

Nikitenko I. V. The mechanism of criminal behavior in criminally unlawful acts using neural network technologies / **50**

Pyatkova O. V., Zhernovoy M. V. Deepfake technologies as a challenge to the criminal justice system: criminological risks and directions for improving legal countermeasures / **56**

Stepanov A. M. Current problems of crime prevention in the field of illegal migration / **66**

Penal enforcement law

Shcherbakova D. S. Features of the legal status of condemned persons with diseases / **74**

K. V. Muravyov,
Doctor of Law, Associate Professor;
L. A. Pupyshcheva,
Doctor of Law, Associate Professor;
I. M. Sereda,
Doctor of Law, Professor;
A. E. Chechetin,
Doctor of Law, Professor;
S. V. Sheveleva,
Doctor of Law, Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor

E. Yu. Kolobanova

Proofreader

N. B. Khokhlova

Typesetting and design

O. F. Valchenko

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties
5.1.4. Criminal law sciences (legal juridical sciences)

The journal is classified as K2.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 31.03.2026.
Issue: 07.04.2026.
Format 60×84 1/8. Size 18,8 printer sheets. Circulation 300 copies (1–50 copies).
Order 7. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
tel. (4212) 920-259

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, 2026.

Criminalistic

Vasyukov V. F. Tactical principles of crypto wallet inspection in investigation of crimes related digital asset handling / **82**

Zherdev P. A., Meretskiy N. E. Tactical and forensic aspects of investigation of illegal access to a computer network / **90**

Galkin D. V. On investigative situations requiring the adoption of special security measures, their place in criminalistics science and didactics / **97**

Kim S. S. Criminalistic techniques and tactics in the use of artificial intelligence in digital legal proceedings / **102**

Batoev V. B. The use of video surveillance systems in ensuring transport security at transport infrastructure facilities / **113**

Goltsov S. E., Diyanich V. Yu. Methods of stealing from bank accounts as an element of their forensic characteristics / **119**

Abarinov A. D. Certain aspects of the forensic characteristics of the financing of extremist activities / **128**

Forensic expertise activity

Kupin A. F. Objects and tasks of forensic document examination in light of the theory of digitization of forensic activities / **136**

Stanovaya O. V. Traceological study of stab and cut injuries on car tires caused by knife blades / **143**

Operative search activity

Semenchuk V. V., Larichev V. D. Appeals of the bodies that do not carry out operative-investigative activity as basis for conducting operative-investigative measures / **153**

Information for authors / 162

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 5–13.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 5–13.

Научная статья
УДК 343.13

КОНСОЛИДИРОВАННАЯ АВТОНОМИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Вадим Сагитьянович Латыпов

Уфимский юридический институт МВД России

Vadi-latypov@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3166-8527>

Аннотация. В статье осуществлен комплексный анализ процессуального статуса следователя как ключевого субъекта уголовно-процессуального доказывания. Автор констатирует наличие системного кризиса, выражающегося в противоречии между декларируемой процессуальной самостоятельностью следователя и реальным объемом его дискреционных полномочий, ограниченных институтом согласования с руководителем следственного органа. Сделан вывод о необходимости эволюционной трансформации статуса следователя в сторону публично-правового субъекта доказывания, ответственного за формирование объективной доказательственной базы. Стратегическими предложениями являются замена института согласования на уведомительный порядок, пересмотр системы профессиональной подготовки и разработка самобытной национальной доктрины доказывания, интегрирующей принцип публичности с современными стандартами защиты прав личности и усиленным судебным контролем.

Ключевые слова: следователь, уголовно-процессуальное доказывание, процессуальная самостоятельность, квалификационные требования, полномочия следователя, профессиональная подготовка, предварительное следствие, процессуальные решения

Для цитирования: Латыпов В. С. Консолидированная автономия процессуального статуса следователя в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Дальневосточного юридического института имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 5–13.

Original article

CONSOLIDATED AUTONOMY OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE INVESTIGATOR IN THE CRIMINAL PROCEDURE EVIDENCE SYSTEM

Vadim S. Latypov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Vadi-latypov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3166-8527>

Abstract. The article carries out a comprehensive analysis of the procedural status of the investigator as a key subject of criminal procedure evidence. The author states the existence of a systemic crisis, expressed in the contradiction between the declared procedural independence of the investigator and the real volume of his discretionary powers, limited by the institution of coordination with the head of the investigative body. The main conclusion of the study is the need for an evolutionary transformation of the status of the investigator towards a public legal subject of evidence responsible for the formation of an objective evidence base. The strategic proposals are to replace the institution of harmonization with a notification procedure, revise the training system and develop a distinctive national doctrine of evidence that integrates the principle of publicity with modern standards for the protection of individual rights and enhanced judicial control.

Keywords: investigator, criminal procedural evidence, procedural independence, qualification requirements, powers of the investigator, professional training, preliminary investigation, procedural decisions

For citation: Latypov V.S. Consolidated autonomy of the procedural status of the investigator in the system of criminal procedure evidence // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 5–13.

Следователь как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие, традиционно занимает центральное место в системе органов уголовного преследования. От его профессиональных качеств, уровня подготовки и умения эффективно реализовывать предоставленные законом полномочия напрямую зависят результаты расследования, а в конечном счете – возможность достижения назначения уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1, с. 69]. Однако в последние годы как в научной среде, так и среди практиков все чаще звучит критика в адрес современной модели следственной деятельности. Речь идет о снижении качества предварительного расследования, нарушениях прав участников процесса, недостаточной подготовке кадров и об ограничении реальной процессуальной самостоятельности следователя.

Исторический анализ показывает, что правовое положение следователя в России претерпело сложную эволюцию от относительно независимой фигуры судебного следователя по УУС 1864 г., который формально был близок к суду и обладал значительной самостоятельностью (ст. 278 УУС), к этатизированной модели советского периода, когда следователь стал органом уголовного преследования в рамках обвинительно-розыскной парадигмы [2, с. 96]. УПК РФ 2001 г., формально закрепив состязательные начала, сохранил эту внутреннюю противоречивость: следователь декларируется как самостоятельный субъект (ст. 38 УПК РФ), но включен в систему сторонников обвинения (гл. 6 УПК РФ). Таким образом, нынешний кризис статуса – это не новое явление, а следствие накопленных исторических противоречий между идеалом независимого исследователя и реальностью подчиненного исполнителя обвинительной функции [3, с. 80–81].

Актуальность исследования процессуального статуса следователя детерминирована не только внутренними противоречиями УПК РФ, но и глубинным кризисом теоретико-методологических основ отечественного досудебного производства. Как справедливо отмечается в современной доктрине, российское следствие пребывает в состоянии перманентного реформирования, характеризующегося «дисгармонией разворачивания судебно-правовой реформы», при которой досудебное производство в правовом развитии отстает от других институтов уголовного судопроизводства [4, с. 126]. Это порождает ключевой исследовательский вопрос: способна ли существующая гибридная («реформированно-розыскная») модель обеспечить независимое и объективное доказывание, или она воспроизводит системные дефекты, ведущие к «историческому обезличиванию процессуальной фигуры следователя» [5, с. 126] и падению качества следствия? Ответ на него требует выхода за рамки узкого догматического анализа ст. 38 УПК РФ и обращения к фундаментальным проблемам распределения власти над обвинением и доказыванием в уголовном процессе.

В данной статье предпринята попытка анализа следователя как субъекта доказывания через призму трех взаимосвязанных аспектов: требований к его профессиональной компетенции, содержания его процессуальных полномочий и реальных возможностей по их независимой реализации в условиях современного уголовного процесса.

Анализ современных публикаций (Б. Я. Гаврилова, А. А. Давлетова, Ю. В. Дерিশева, А. В. Ендольцевой, С. Б. Россинского, О. А. Чабукиани и других) позволяет выделить в современной научной дискуссии три основных концептуальных подхода к определению роли следователя в доказывании.

1. Ведомственно-управленческий подход, акцентирующий необходимость усиления процессуального контроля и надзора (включая прокурорский) для преодоления правового нигилизма и обеспечения качества следствия. В рамках этого подхода следователь рассматривается прежде всего как элемент правоохранительной системы, эффективность которого зависит от внешних сдержек и противовесов.

2. Функционально-процессуальный подход, развиваемый в русле теории следственной деятельности. Его сторонники предлагают выделить формирование доказательств в самостоятельную, четвертую функцию уголовного судопроизводства, что теоретически должно вывести следователя из-под дихотомии «обвинение – защита» и обосновать его особую, квазиюрисдикционную роль.

3. Властно-консолидирующий подход, который, отражая современные геополитические реалии, настаивает на укреплении «единства следственно-прокурорской власти» как основы национальной безопасности. В этой парадигме предварительное следствие рассматривается как главная ценность российской уголовно-процессуальной системы, а следователь – как ключевой субъект, концентрирующий власть над обвинением и доказыванием.

Уже само выделение данных подходов позволяет констатировать существование методологического напряжения между ними, что свидетельствует об отсутствии в науке консенсуса относительно парадигмальных основ статуса следователя.

Современное досудебное производство в России функционирует в рамках реформированно-розыскного типа процесса, характеризующегося устойчивым процессуальным противоречием между формально закрепленной состязательной идеологией и сохраняющими доминирование розыскными началами. Эта системная двойственность предопределяет противоречивость статуса следователя: он одновременно является органом уголовного преследования (гл. 6 УПК РФ) и субъектом, ответственным за всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Разрешение данного противоречия видится не в революционной смене парадигмы, а в стратегии эволюционной конвергенции – постепенном внедрении состязательных элементов при усилении судебного и государственного контроля как системообразующего начала. Как отмечает О. А. Малышева, такая двойственность

затрудняет однозначное определение роли следователя [6, с. 69]. В советский период подчеркивалась его обязанность по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела.

Для преодоления поверхностного анализа декларативных норм необходимо рассмотреть полномочия следователя через призму концепции «доказательно-обвинительного детерминизма», согласно которой «тот, кому принадлежит власть над обвинением, тот управляет процессом» [7 с. 374]. Власть над доказыванием является производной и решающей. Российская модель после реформы 2007 г., создавшей Следственный комитет Российской Федерации, осуществила значительную концентрацию этой власти именно в руках следователя и руководителя следственного органа. Однако, как отмечено выше, эта концентрация носит внутренне противоречивый характер: формально сосредоточенные у следователя полномочия на практике ограничены ведомственным контролем. Это противоречие можно интерпретировать как неразрешенный конфликт между двумя моделями власти: моделью процессуально-самостоятельного субъекта доказывания (наследие идеи судебного следователя) [8, с. 88; 9] и моделью подконтрольного субъекта следственно-прокурорской вертикали. Первая модель находит отражение в тезисе о необходимости обеспечить независимость следователя «от органов исполнительной власти и суда» для объективности расследования [10, с. 130]. Вторая модель реализуется через институт согласования, что нивелирует институт процессуальной самостоятельности. Таким образом, следователь оказывается в ситуации внутреннего конфликта процессуальных ролей: он обладает широкими полномочиями для воздействия на права граждан, но лишен автономии в ключевых решениях, что напрямую влияет на качество и объективность доказывания.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П разъяснил, что на следователя возлагается обязанность получать доказательства – как обвинительные, так и оправдательные*. Таким образом, функциональное назначение следователя в доказывании выходит за рамки узко понимаемой обвинительной деятельности. Он выступает субъектом, ответственным за формирование полной и объективной доказательственной базы, на основе которой в дальнейшем будет разрешаться вопрос о виновности. Эта роль сближает его с фигурой юрисдикционного органа в досудебном производстве. Некоторые ученые даже отмечают, что «следователь, в его сущности, на досудебной стадии выступает как бы судьей» [8].

Сущность деятельности следователя как субъекта доказывания раскрывается через структуру доказывания: сбор, проверка и оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ). При этом, как верно подчеркивает С. Б. Россинский, необходимо дифференцировать алгоритмы накопления доказательственного материала [12, с. 87–88]. Он выделяет два параллельных процессуальных алгоритма: 1) *формирование доказательств* (создание новых информационных продуктов через следственные и судебные действия – показания, протоколы, заключения эксперта) и 2) *приобщение доказательств к уголовному делу* (процессуальная легализация готовых информационных продуктов, поступивших извне – вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста) [13, с. 89]. Оба алгоритма являются формой реализации государственно-властных полномочий следователя. Приобщение доказательств – это не техническое подшивание документа, а властный акт, наделяющий предмет или документ статусом допустимого средства доказывания, что требует, по мнению автора, более четкой процессуальной регламентации, особенно на досудебных стадиях [14, с. 90–91].

Ключевой характеристикой субъекта доказывания является объем его дискреционных полномочий. Закон декларирует процессуальную самостоятельность следователя, который направляет ход расследования и принимает решения о производстве следственных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Однако эта самостоятельность существенно ограничена.

* По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

Во-первых, ряд важнейших решений требует судебного санкционирования (обыск в жилище, арест, контроль переговоров и др.), что является обоснованной гарантией прав граждан.

Во-вторых, и это вызывает наибольшую критику, многие полномочия следователь может реализовать только с согласия руководителя следственного органа (ч. 1 ст. 165 УПК РФ). Речь идет о возбуждении ходатайств перед судом об избрании мер пресечения (залог, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу), о производстве ряда следственных действий, что, как указывает О. А. Малышева, создает рассогласованность: с одной стороны, на следователя возлагается полная ответственность за расследование, с другой – его лишают права самостоятельно определять необходимость и момент производства ключевых процессуальных действий [15, с. 72]. Институт обжалования указаний руководителя (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) малоэффективен, так как не приостанавливает их исполнения.

Такая система, как отмечают И. В. Глазунова и В. А. Образцов, нивелирует институт процессуальной самостоятельности, заложенный еще в Уставе уголовного судопроизводства [16, с. 74]. Руководитель следственного органа, по сути, получает возможность влиять на внутреннее убеждение следователя, которое является основой оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Практика обязательного согласования постановлений, по словам О. А. Малышевой, «свидетельствует о принижении значения внутреннего убеждения следователя» [17, с. 73].

Авторы предлагают рассматривать полномочия следователя как социально ответственное должностное обязывание – модель должного процессуального реагирования на юридические факты в публичных интересах [18, с. 78]. Они справедливо критикуют узкое определение следователя в УПК РФ, связанное только с предварительным следствием, и предлагают более широкую трактовку, включающую и рассмотрение сообщения о преступлении [19, с. 76]. Это соответствует системному взгляду на его деятельность: от приема сообщения о преступлении (где он также осуществляет доказывание в форме проверки) до завершения предварительного следствия.

Для укрепления самостоятельности следователя в процессе доказывания предлагается заменить институт согласования с руководителем следственного органа решений о производстве действий, требующих судебного решения, на институт уведомления [20, с. 73]. Это позволило бы следователю оперативно реагировать на потребности расследования, отстаивая свою процессуальную позицию непосредственно перед судом, как это было исторически предусмотрено (ст. 285 УУС).

Проблема ведомственного контроля усугубляется на фоне данных, свидетельствующих о системной неэффективности досудебного производства. Так, статистика указывает на катастрофическое снижение «проходимости» уголовных дел: если в 1991 г. в суд направлялось 36 % возбужденных дел, то к 2021 г. этот показатель упал до 22 %. Одновременно с этим суды ежегодно прекращают до 250 тыс. дел по нереабилитирующим основаниям, что свидетельствует о фундаментальных изъянах в доказывании на ранних стадиях [21, с. 66]. Хотя эти показатели имеют поликаузальную природу, они коррелируют с ослаблением независимой процессуальной позиции следователя, вынужденного действовать в логике ведомственной отчетности и согласования.

В сравнительно-правовой перспективе поиск баланса между эффективностью и независимостью также остается вызовом. Предложения о переходе к «прокурорскому дознанию» по образцу романо-германских систем [22, с. 67] игнорируют институциональную укорененность предварительного следствия в России. Более продуктивным представляется не копирование, а осмысление базового принципа: подлинная независимость субъекта доказывания обеспечивается либо его судебным статусом (исторический французский следственный судья), либо жестким внешним судебным контролем при минимизации ведомственного влияния (германская модель). Российский же путь, определенный УПК РФ 2001 г., пытающийся совместить ведомственную подчиненность с декларацией самостоятельности, порождает системную дисфункцию.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует различные подходы к роли фигуры, аналогичной следователю. В германской модели (дознаватель прокуратуры – *Ermittlungsperson der Staatsanwaltschaft*, введенный в 2004 г.) ключевым субъектом досудебного производства является прокурор, а полицейский следователь действует под его прямым руководством и контролем суда, что минимизирует проблему самостоятельности, но создает иную – чрезмерную централизацию. Во французском процессе судебный следователь (*juge d'instruction*) исторически был магистратом, независимым от прокуратуры, что гарантировало беспристрастность, но вело к замедлению производства. Реформы последних десятилетий (например, сокращение его юрисдикции) отражают поиск баланса между эффективностью и гарантиями прав. Эти модели показывают, что не существует идеального решения, а выбор определяется приоритетами правовой системы: скорость и обвинительный уклон (Германия), независимость и расследование (традиционная Франция) или гибридная, но внутренне противоречивая модель (Россия).

Для нашей страны продуктивным могло бы стать не копирование иностранных конструкций, а учет базового принципа: независимость субъекта доказывания должна быть обеспечена либо его судебным/квазисудебным статусом (по образцу исторического *juge d'instruction*), либо жестким внешним судебным и прокурорским контролем, исключающим ведомственное влияние (приближение к германской модели). Однако оба пути требуют кардинальной перестройки процессуальной системы. В условиях сложившегося реформированно-розыскного типа эволюционно более оправданным является третий путь: сохранение следователя как властного субъекта досудебного производства, но с радикальным усилением реальных, а не декларативных гарантий его процессуальной самостоятельности и профессиональной независимости, что соответствует исторической традиции и социальным ожиданиям.

Отдельным вызовом для процессуальной самостоятельности следователя становится цифровая трансформация следствия. Новые технологии (цифровая криминалистика, анализ больших данных, искусственный интеллект в оценке доказательств) создают риски подмены профессионального внутреннего убеждения алгоритмическими решениями, а также усиливают зависимость следователя от внешних экспертных и технических ресурсов [23–25]. В связи с этим гарантии независимости должны включать не только процессуальный, но и технологический аспект: право следователя на выбор метода исследования цифровых доказательств, доступ к независимым экспертизам, судебный контроль за применением «цифровых» следственных действий (например, изъятия электронных носителей по ст. 164¹ УПК РФ).

Таким образом, анализ реального объема дискреционных полномочий следователя выявляет глубокий разрыв между законодательными декларациями и практикой ведомственного контроля. Этот разрыв напрямую влияет на качество принимаемых процессуальных решений.

Деятельность по доказыванию неразрывно связана с принятием процессуальных решений. Каждое следственное действие, каждая оценка доказательства, каждая выдвинутая версия – это цепь решений, определяющих вектор расследования. Качество этих решений напрямую зависит от профессиональной компетенции и процессуальной независимости следователя. Проблема заключается в том, что в условиях ограниченной самостоятельности следователь может принимать формальные, не всегда обоснованные решения. Особенно это касается решений о признании доказательств недопустимыми. В соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ следователь вправе признать доказательство недопустимым по собственной инициативе или по ходатайству стороны. Однако, как отмечает А. Т. Ульянова, такой порядок является несовершенным, так как не предусматривает вынесения мотивированного постановления и оставляет широкий простор для усмотрения самого следователя, который, возможно, и допустил нарушение [26, с. 40]. О. А. Малышева, ссылаясь на практику ЕСПЧ, предлагает передать разрешение таких ходатайств руководителю следственного органа для исключения конфликта интересов и снижения числа обращений в суд по ст. 125 УПК РФ [27, с. 71].

Таким образом, выявленная рассогласованность между ответственностью и полномочиями следователя, а также зависимость ключевых решений от ведомственного усмотрения обнажают методологический тупик современной модели следственной деятельности*. Преодоление данного системного противоречия видится не в простом расширении прав или ужесточении контроля, а в принципиальном пересмотре самой парадигмы самостоятельности следователя. В связи с этим видится необходимым формирование модели консолидированной автономии следователя.

Под консолидированной автономией понимается такой режим процессуальной деятельности, при котором самостоятельность следователя в принятии решений в ходе доказывания обеспечивается и одновременно сдерживается не ведомственными директивами, а системой внешних публично-правовых гарантий: судебным контролем, прокурорским надзором за законностью и профессиональными стандартами, укорененными в национальной доктрине. Такая модель должна предполагать следующее.

1. Принцип публичности и государственной ответственности за расследование, исключаящий делегирование функции доказывания частным лицам.
2. Процессуальную самостоятельность следователя, подкрепленную не только формальными гарантиями, но и системой профессиональной подготовки, этическими стандартами и материально-техническим обеспечением.
3. Судебный контроль на ключевых этапах производства как гарантию прав личности, но без дублирования функций следствия.
4. Интеграцию научных методов доказывания (включая цифровые технологии и специальные познания) [28] в процессуальную форму, что соответствует вызовам современной преступности [29].

При этом укрепление независимости следователя не должно вести к его автономизации от системы правосудия в целом. Напротив, необходима консолидация следственно-прокурорско-судебного механизма как единого контура обеспечения законности, где следователь является ключевым звеном, формирующим доказательственную основу для последующего судебного разрешения дела. Это предполагает не ослабление, а усиление роли прокурора как органа надзора за законностью расследования и суда как гаранта правовой оценки доказательств.

Важным аспектом концептуального осмысления роли следователя в уголовном судопроизводстве является необходимость формирования самобытной национальной модели досудебного производства, основанной на историко-правовых традициях России и отвечающей современным вызовам государственной безопасности и социальной стабильности. Как показывает анализ эволюции следственной деятельности, попытки механического заимствования иностранных процессуальных конструкций – будь то состязательная или смешанная модель – не учитывают специфики отечественной правовой культуры, роли государства в обеспечении правопорядка и социальных ожиданий общества в отношении справедливого и эффективного расследования преступлений.

На основании изложенного формулируем следующие выводы.

Системный кризис процессуального статуса следователя коренится в фундаментальном противоречии между его публично-правовой обязанностью по установлению объективной истины (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и положением подконтрольного субъекта в ведомственной вертикали. Исторически это противоречие является следствием незавершенной эволюции, породившей реформированно-розыскной тип процесса. Наиболее перспективным путем представляется стратегия эволюционной конвергенции – постепенное внедрение состязательных элементов при усилении системообразующей роли судебного и государственного контроля. Это требует глубинной трансформации статуса следователя. Он должен быть переосмыслен

* Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 553 с.

как публично-правовой субъект доказывания, чья основная функция заключается в формировании полной, сбалансированной и объективной доказательственной базы. Необходим кардинальный пересмотр системы его профессиональной подготовки и укрепление реальных гарантий процессуальной самостоятельности, в частности, через замену института согласования ключевых решений на институт уведомления.

Результаты исследования позволяют представить концепцию консолидированной процессуальной автономии следователя в рамках публично-правовой модели доказывания. Ее суть в том, что следователь должен позиционироваться как публично-правовой субъект доказывания, чья процессуальная автономия гарантирована и сбалансирована системой внешних публичных, а не ведомственных систем сдержек и противовесов. Реализация данной концепции требует стратегических изменений, а именно:

1) замены института согласования на уведомительный порядок для решений, требующих судебной санкции, с одновременным усилением судебного контроля;

2) рассмотрения вопроса о формировании единого независимого следственного аппарата с радикальным пересмотром его подчиненности;

3) разработки национальной доктрины уголовно-процессуального доказывания, интегрирующей исторический принцип публичности с современными стандартами защиты прав, и на ее основе коренной перестройки профессиональной подготовки следователей.

Такой подход позволит преобразовать следователя из подконтрольного в подлинно ответственного и профессионального субъекта уголовно-процессуального доказывания.

Список источников

1. Малышева О. А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 69–75.
2. Исмаилов Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2(108). С. 94–102.
3. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития: моногр. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2023. 528 с.
4. Деришев Ю. В. Актуальные проблемы теории современной следственной деятельности // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 125–131.
5. Там же.
6. Малышева О. А. Указ. соч.
7. Власов Д. А. Следователь и прокурор как субъекты обвинения и доказывания: российская уголовно-процессуальная модель // Аграрное и земельное право. 2024. № 4. С. 374–377.
8. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Указ. соч.
9. Ковтун Н. Н. О понятии и содержании термина «судебный следователь» (следственный судья) // Российский судья. 2010. № 5. С. 15–20.
10. Деришев Ю. В. Указ. соч.
11. Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. Вып. 4. С. 337–339.
12. Россинский С. Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 84–93.
13. Там же.
14. Там же.
15. Малышева О. А. Указ. соч.
16. Глазунова И. В., Образцов В. А. Следователь и его полномочия. Не пора ли обновить парадигму? // Государство и право. 2021. № 12. С. 73–82.
17. Малышева О. А. Указ. соч.
18. Глазунова И. В., Образцов В. А. Указ. соч.
19. Деришев Ю. В. Указ. соч.
20. Малышева О. А. Указ. соч.
21. Гаврилов Б. Я. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 65–72.
22. Там же.

23. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2025. 328 с.
24. Зайцев О. А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 8. С. 93–112.
25. Малышева О. А., Самсонов П. А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 2. С. 66–78.
26. Ульянова Л. Т. Следователь – субъект доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 38–41.
27. Малышева О. А. Указ. соч.
28. Латыпов В. С. Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1(17). С. 65–71.
29. Ендольцева А. В., Григорьева Н. В. Основные тенденции развития общих положений современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 91–98.

Информация об авторе

В. С. Латыпов – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

Information about the author

V. S. Latypov – Doctor of Law, Associate Professor, head of the department of criminal procedure.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 12.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 14–18.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 14–18.

Научная статья
УДК 343.1

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Александр Андреевич Личидов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
lichidov74@gmail.com, ORCID: 0009–0009–8072–1716

Аннотация. В рамках статьи автором предпринята попытка через призму прав, обязанностей и ответственности лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, определить правовой статус данного участника уголовного процесса. Анализируется точка зрения, в соответствии с которой уже на стадии возбуждения уголовного дела формируется подозрение в причастности к совершению преступления, о котором поступило сообщение.

Ключевые слова: обеспечение права на защиту, уголовное преследование, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, участник уголовного процесса

Для цитирования: Личидов А. А. Правовой статус участника уголовного процесса, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 14–18.

Original article

THE LEGAL STATUS OF THE PARTICIPANT IN THE CRIMINAL PROCESS, IN RESPECT OF WHICH THE VERIFICATION OF THE CRIME REPORT IS CARRIED OUT

Alexander A. Lichidov

Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Saint-Petersburg
lichidov74@gmail.com, ORCID: 0009–0009–8072–1716

Abstract. Within the framework of the article, the author attempts to determine the legal status of this participant, the position occupied in the criminal process, through the prism of the rights, duties and responsibilities of the person in respect of whom the crime report is being checked. The point of view is analyzed, according to which, already at the stage of initiation of a criminal case, suspicion is formed of involvement in the commission of a crime that has been reported.

Keywords: ensuring the right to defense, criminal prosecution, initiation of criminal proceedings, verification of a crime report, participant in the criminal process

For citation: Lichidov A. A. The legal status of a Participant in the criminal process, in respect of whom a crime report is being checked // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 14–18.

В научной литературе отмечается, что правовой статус участников уголовно-процессуальных отношений формируется из совокупности принадлежащих им прав, обязанностей, а также наличия ответственности, предусмотренной за несоблюдение возложенных обязанностей [1, с. 48]. При этом значимость правильного определения статуса лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, подчеркивается и со стороны правоприменительной практики*. Несмотря на это, нормы, посвященные статусу лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, содержатся лишь в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ и включают в себя указание на наименование субъекта и возможность пользоваться услугами защитника.

Вместе с тем в соответствующем разделе УПК РФ, посвященном участникам уголовного судопроизводства, данный участник отсутствует. В связи с этим не ясно, отнесен он к стороне защиты или к иным участникам уголовного судопроизводства. Одновременно законодатель именует указанного субъекта лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), тем самым включая его в группу лиц, участвующих в производстве процессуальных действий, производимых при проверке сообщения о преступлении (ч. 11 ст. 144 УПК РФ). Соответственно, перечень прав, содержащийся в ч. 11 ст. 144 УПК РФ (не свидетельствовать против себя, своего супруга, близких родственников; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ), обязанности (не разглашать данные досудебного производства в случае предупреждения об этом в соответствии со ст. 161 УПК РФ) и ответственность (за разглашение данных досудебного производства), на наш взгляд, в полной мере относятся и к лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Характер указанных прав, наряду с возможностью пользоваться услугами адвоката-защитника с момента осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка, дает основания полагать, что данный субъект относится к участникам со стороны защиты.

Незначительное количество прав, принадлежащих указанному субъекту, с одной стороны, объяснимо краткосрочностью стадии возбуждения уголовного дела, с другой стороны, их достаточность вызывает сомнения, поскольку, проверяя поступившее сообщение о преступлении, сотрудники правоохранительного органа уже на данном этапе могут получить доказательства, которые в последующем неизбежно будут использованы для обоснования выводов о виновности лица, что указывает на осуществление уголовного преследования данного участника процесса, а значит, количество прав, которые он потенциально может использовать для защиты, требует пересмотра.

По указанной причине, как представляется, к определению объема процессуальных прав, принадлежащих лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (учитывая, что данный участник отнесен к стороне защиты), следует подходить, принимая во внимание ст. 16 УПК РФ – защита от уголовного преследования возможна всеми не запрещенными способами и средствами.

Полагаем, основное достоинство этой идеи состоит в том, что сторона защиты наделена достаточно большой свободой выбора процессуального инструментария, который будет использован при защите от уголовного преследования, что позволит более эффективно реализовать избранную стратегию защитительной деятельности. Обозначенный подход позволяет

* См.: О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29.

более гибко подойти к вопросу определения совокупности правомочий, которые возможно использовать против неправомерного уголовного преследования, осуществляемого на стадии возбуждения уголовного дела. Именно поэтому позиции некоторых авторов о дополнении уголовно-процессуального закона новыми статьями, содержащими расширенный перечень прав для лица, в отношении которого происходит доследственная проверка, на наш взгляд, не имеют рационального обоснования*.

Принимая во внимание, что правовое положение участника уголовного судопроизводства определяется также посредством наличия у него определенных обязанностей, интересным представляется тот факт, что законодатель для лица, в отношении которого проводится проверка, предусмотрел лишь одну единственную обязанность – не разглашать сведения досудебного производства, для реализации которой он должен быть предупрежден об ответственности по ст. 310 УК РФ в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Детальный анализ указанных норм закона показывает, что возложение обязанности не разглашать данные досудебного производства является не более чем фикцией, поскольку, в случае неисполнения данной обязанности, каких-либо последствий, связанных с уголовным преследованием по ст. 310 УК РФ, не наступит. Таким образом, обязанность лица, в отношении которого ведется проверка, не разглашать данные досудебного производства, которые стали ему известны, абсолютно не подкреплена каким-либо механизмом, позволяющим обеспечить ее исполнение.

Диспозиция ст. 310 УК РФ предусматривает запрет на разглашение данных предварительного расследования, которое в силу ст. 156 УПК РФ начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление. Таким образом, диспозиция указанной статьи не содержит однозначного запрета на разглашение данных, которые были получены в стадии, предшествующей предварительному расследованию, – стадии возбуждения уголовного дела. Подобная непоследовательность законодателя в данном вопросе, учитывая невозможность применения уголовного закона по аналогии, на наш взгляд, вызывает необходимость внесения соответствующих изменений в редакцию ст. 310 УК РФ, в частности, изложения в ее диспозиции запрета на разглашение данных, полученных в досудебном уголовном производстве.

Практическая сторона вопроса, касающаяся правильного определения правового статуса лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, заключается в том, что предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство, с учетом стадий судопроизводства (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»).

В связи с этим представляется правильным, что в каждом случае при проведении доследственной проверки лицу, в отношении которого такая проверка проводится, необходимо разъяснять права, предусмотренные не только п. 6 ч. 3 ст. 49, но и ч. 11 ст. 144 УПК РФ. При этом разъяснение указанных прав должно быть осуществлено до выполнения первого процессуального действия с указанным участником.

Вторым, не менее важным вопросом, подлежащим обсуждению в рамках данной статьи, является вопрос соотношения статусов подозреваемого и лица, проверяемого на причастность к преступлению. Например, А. А. Давлетов считает, что «подозреваемым уголовно преследуемое лицо в стадии возбуждения уголовного дела называть нельзя во избежание путаницы с тем значением термина «подозреваемый», которое употребляется в уголовном процессе в соответствии со ст. 46 УПК РФ» [2]. Разделяя указанные процессуальные фигуры, он отмечает критерий их разделения, которым выступает способ наделения лица статусом

* Филимоненко И. А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 111.

подозреваемого, указанный в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. С такой позицией следует согласиться еще и потому, что данные участники действуют в различных процессуальных стадиях. Очевидно, что после принятия решения о возбуждении уголовного дела статус лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, существовать не может.

По мнению А. В. Головки, статус лица, в отношении которого проводится проверка, до сих пор переживает период становления, и речь здесь идет об участнике процесса, который формально не является подозреваемым, но против которого осуществляется уголовное преследование в связи с наличием данных о его причастности к совершению преступления [3, с. 356], то есть по сути подозрения. Соглашаясь с данной позицией, отметим, что парадокс заключается в том, что лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, процессуально не будучи наделенным статусом подозреваемого, находится под подозрением. В этом плане подозрение на стадии возбуждения уголовного дела по своей природе является ничем иным, как предположением органов предварительного расследования о причастности лица к совершению преступления.

Ю. В. Дерисhev и Е. И. Земляничин указывают, что «процессуальное положение лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка сообщения о преступлении, по своему содержанию схоже с процессуальным положением подозреваемого» [4, с. 97]. Подобное тождество, по нашему мнению, объясняется, прежде всего, тем, что как в отношении подозреваемого, так и исследуемого нами участника осуществляется уголовное преследование.

Важность понимания того, что представляет собой подозрение, подчеркнута А. А. Терегуловой. Раскрывая содержание указанного термина, автор отмечает, что подозрение – это только версия следователя (дознателя) о причастности лица к совершению преступления*. Справедливым будет суждение, что любая версия о причастности кого-либо к выполнению объективной стороны преступления или совершению иных действий, указанных в ч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ, должна быть проверена.

Рассуждая о нетождественности статусов подозреваемого и лица, в отношении которого проводится проверка, очень важно отметить, что природа уголовного процесса такова, что процессуальная деятельность всегда стремится к своему развитию и логическому движению от самой начальной стадии процесса – возбуждения уголовного дела к принятию итогового решения. В связи с этим осуществимым должно быть также и развитие процессуального статуса лица – от лица, в отношении которого проводится проверка (на стадии возбуждения уголовного дела), до подозреваемого (на стадии предварительного расследования), иной подход являлся бы крайне нелогичным и противоречил бы самой сути процессуальной деятельности.

Вывод о нетождественности процессуальных статусов подозреваемого и лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, находит свое подтверждение в результатах анкетирования прокурорских работников, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, – об этом сообщили 81, 3 % опрошенных**.

В завершение отметим, что отсутствие в соответствующем разделе уголовно-процессуального закона норм, которые бы детально регламентировали правовой статуса лица, в отношении которого проводится проверка, вызвано во многом невозможностью предусмотреть в тексте закона и, соответственно, урегулировать все возможные юридические ситуации, возникающие на данной стадии уголовного процесса. В противном случае текст нормативного акта утратил бы свою гибкость, а на практике мы бы лишились возможности усмотрения при реализации норм. Позволим себе утверждать, что оптимальным при определении правового

* Терегулова А. А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. С. 9.

** URL: https://docs.google.com/forms/d/1N5T8yfLoYyB_MzpFH1hSNWAqRxHXVCwAlxI5iksqmXY/edit#responses.

положения лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, является подход, согласно которому указанный участник уголовного процесса должен рассматриваться как самостоятельный (процессуально не тождественный подозреваемому), поскольку он имеет собственное наименование статуса и перечень прав, в том числе право на помощь адвоката-защитника. Главное, что дает ему самостоятельное место в уголовном процессе, – это то, что данный участник существует только на стадии возбуждения уголовного дела и в отношении его должностными лицами, проводящими следственную проверку, осуществляется уголовное преследование в связи с наличием данных о его возможной причастности к совершению преступления.

Список источников

1. Красильников А. В. К вопросу о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» в сфере уголовно-процессуальных правоотношений // Академическая мысль. 2020. № 3 (12).
2. Давлетов А. А. Проблема статуса заподозренного лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 61–67.
3. Головкин А. В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017.
4. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29).

Информация об авторе

А. А. Личидов – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Information about the author

A. A. Lichidov – postgraduate of the Department of criminal process and criminalistics.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 19–24.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 19–24.

Научная статья
УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Людмила Владимировна Краснова
Нижегородская академия МВД России
mila.krasnova.95@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуальных основ отечественной доктрины уголовно-процессуального доказывания. На основе критического анализа ключевых подходов российских ученых к определению понятия, сущности и содержания процесса доказывания обосновывается авторская позиция, трактующая доказывание как диалектическое единство гносеологического (познавательного) и праксеологического (практически-удостоверительного) аспектов. Доказывание рассматривается как строго формализованная, регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, направленная на установление объективной истины посредством собирания, проверки, оценки и обоснования доказательств. Особое внимание уделяется дискуссиям о природе доказательств, целях доказывания и его структурных элементах. Автор приходит к выводу, что сущность доказывания заключается в его способности обеспечивать баланс между познанием фактов объективной реальности и их процессуальной легализацией, гарантирующей справедливость правосудия.

Ключевые слова: доказывание, уголовный процесс, теория доказательств, гносеология, праксеология, объективная истина, процессуальная форма

Для цитирования: Краснова Л. В. Некоторые вопросы концептуальных основ отечественной доктрины уголовно-процессуального доказывания // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 19–24.

Original article

SOME ISSUES OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

Lyudmila V. Krasnova
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod
mila.krasnova.95@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the conceptual foundations of the Russian doctrine of criminal procedural evidence. Based on a critical analysis of the key approaches of Russian scientists to defining the concept, essence and content of the proof process, the author's position is substantiated, which interprets the proof as a dialectical unity of epistemological (cognitive)

and praxeological (practical-certifying) aspects. Proving is considered as a strictly formalized activity regulated by the criminal procedure law aimed at establishing objective truth through the collection, verification, evaluation and substantiation of evidence. Special attention is paid to discussions about the nature of evidence, the purposes of proof and its structural elements. The author comes to the conclusion that the essence of evidence lies in its ability to ensure a balance between knowledge of the facts of objective reality and their procedural legalization, which guarantees the fairness of justice.

Keywords: evidence, criminal procedure, theory of evidence, epistemology, praxeology, objective truth, procedural form

For citation: Krasnova L. V. Some issues of the conceptual foundations of the russian doctrine of criminal procedural evidence // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilov. 2026; 1 (74): 19–24.

Проблема понятия, сущности и содержания процесса доказывания в уголовном судопроизводстве России остается одной из центральных и наиболее дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Не случайно С. А. Шейфер называл доказывание «сердцевиной уголовного судопроизводства» [1, с. 7], а его точка зрения находит широкую поддержку среди ученых-процессуалистов [2, 3]. Актуальность исследования обусловлена непрекращающейся теоретической полемикой, а также практическими потребностями правоприменения, особенно в условиях цифровизации и новых вызовов для системы уголовной юстиции. Целью настоящей статьи является критический анализ основных концепций отечественной доктрины относительно понятия и сущности уголовно-процессуального доказывания, выявление их сильных и слабых сторон и обоснование авторской позиции, интегрирующей познавательные (гносеологические) и практически-удостоверительные (праксеологические) начала этой деятельности через призму их философско-правового осмысления.

Отечественная наука уголовного процесса предлагает различные трактовки понятия доказывания. Законодательное определение, закрепленное в ст. 85 УПК РФ, сводит доказывание к собиранию, проверке и оценке доказательств для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Однако доктринальные подходы значительно шире и отражают различные аспекты этой сложной деятельности.

Б. А. Миренский обращает внимание на комплексный характер доказывания, определяя его как «сложный процесс, пронизывающий всю уголовно-процессуальную деятельность и обеспечивающий осуществление задач уголовного судопроизводства путем установления истины по делу»*. Данная позиция верно подчеркивает системообразующую роль доказывания для всего уголовного процесса и его истинуустановительную цель. Однако, на наш взгляд, она несколько абстрактна и недостаточно раскрывает специфику процессуальной формы и практических механизмов этой деятельности.

Более детализированный и последовательный подход предлагает В. С. Балакшин, видящий в доказывании «основанную на уголовно-процессуальном законодательстве деятельность субъектов по собиранию, закреплению, проверке и оценке в процессуальном порядке любых сведений, относящихся к определенному уголовному делу, а также подтверждение наличия этих сведений от имени государства» [4, с. 11]. Сильной стороной этой концепции является четкая привязка к процессуальной форме и указание на удостоверительную функцию государства. Тем не менее, авторская позиция видится в том, что включение «закрепления» и «подтверждения от имени государства» как отдельных элементов несколько расширяет законодательное определение (ст. 85 УПК РФ), смешивая доказывание с фиксацией его результатов.

* Миренский Б. А. Теоретические основы разработки уголовного законодательства (на материалах независимых государств Средней Азии и Казахстана): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 13.

И. А. Грудинин развивает идею единства познавательного и удостоверительного моментов, определяя доказывание как «урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность, представляющую собой единство познавательного и удостоверительного моментов и осуществляемую субъектами доказывания для выявления всех обстоятельств предмета доказывания и в конечном счете установления объективной истины по делу путем собирания, проверки и оценки доказательств, а также их использования при обосновании версий события преступления и правомерности принятия уголовно-процессуальных решений»*. Этот подход представляется наиболее сбалансированным, так как он интегрирует познание, удостоверение, процессуальную форму и цель (установление истины). Критически можно отметить, что акцент на «использовании доказательств при обосновании версий» сужает понятие, так как обоснование касается не только версий, но и окончательных выводов.

С. А. Лубин предлагает взгляд через призму цели, утверждая: «Доказывание – это поиск и представление, с соблюдением правил и процедур уголовно-процессуального закона, фактических данных о познанной сущности, заключенной в следах преступления. Цель доказывания по уголовному делу – это формирование системы доказательств, которая позволяет принять обоснованное уголовно-процессуальное решение»**. Данная позиция верно выделяет целенаправленность и системообразующий характер доказывания для принятия решений. Однако, с нашей точки зрения, она несколько редуцирует доказывание к поиску и представлению, упуская из виду глубинные процессы проверки, оценки и логического обоснования, которые являются неотъемлемой частью этой деятельности.

На основе критического осмысления приведенных подходов считаем возможным сформулировать понятие доказывания как строго формализованную, регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда при участии иных субъектов судопроизводства, направленную на познание и удостоверение фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, посредством собирания, закрепления (фиксации), проверки и оценки доказательств в целях установления объективной истины и решения задач уголовного судопроизводства. Ключевым признаком здесь является законодательная регламентация, исключающая использование непроцессуальных форм познания.

Сущность доказывания, по нашему мнению, раскрывается через его диалектическую двойственность, заключающуюся в неразрывном сочетании двух аспектов: гносеологического (познавательного) и праксеологического (практически-удостоверительного). Философской основой этого разделения служат гносеология и праксеология.

Гносеология (теория познания) исследует природу, методы, источники и границы познания объективной реальности, вопросы истины и достоверности знания. В праве гносеология фокусируется на специфике познания юридически значимых фактов и интерпретации норм.

Праксеология (теория эффективной деятельности) изучает принципы оптимальной организации человеческой деятельности для достижения целей, минимизации ошибок и рационального использования ресурсов. В праве праксеология анализирует эффективность правоприменительных процедур и процессуальных технологий.

В контексте уголовно-процессуального доказывания гносеологический аспект представляет собой познание объективной реальности события преступления. Это ядро доказывания, направленное на реконструкцию произошедшего через обнаружение, исследование и логическую обработку информации (следов преступления). Гносеологический аспект базируется на следующих принципах научного познания, адаптированных к процессуальной сфере.

* Грудинин И. А. Средства доказывания в уголовном производстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 15.

** Лубин С. А. Формирование системы обвинительных доказательств по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 18.

- Логичность (соответствие законам формальной и диалектической логики – тождества, противоречия, достаточного основания) [5, с. 139]. Нарушение логики между доказательствами и выводами может стать основанием для отмены приговора (п. 3 ст. 389.15 УПК РФ).

- Аргументированность (системное использование доводов и контраргументов, обеспечивающее состоятельность сторон, – ст. 15 УПК РФ).

- Методичность (поэтапность процесса, установленная в ст. 73–88 УПК РФ: сбор, проверка, оценка, обеспечивающая системность и полноту) [6].

- Проверяемость (возможность верификации утверждений участниками процесса и вышестоящими инстанциями, достигаемая через повторяемость действий (ст. 207 УПК РФ), перекрестный допрос (ст. 281 УПК РФ) и принцип непосредственности (ст. 240 УПК РФ)).

Цель гносеологического аспекта заключается в установлении объективной истины (ст. 73 УПК РФ), понимаемой как максимально точная реконструкция реальных событий в рамках человеческих возможностей познания.

Праксеологический аспект в теории уголовно-правового доказывания следует определять как практическую деятельность по легализации и использованию полученных знаний в строго установленной процессуальной форме. Он обеспечивает преобразование информации о фактах в доказательства, обладающие юридической силой, и их эффективное использование для обоснования решений. Этот аспект подчинен следующим критериям эффективности правоприменения.

- Процессуальная легализация знаний: соблюдение законодательных требований допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ), надлежащей фиксации доказательств (протоколы следственных действий), принципа состоятельности (ст. 15 УПК РФ). Без этого аспекта любое знание о факте остается вне рамок уголовно-процессуальной формы.

- Оптимизация процессуальной деятельности: структурирование процесса на стадии (собирающие, проверка, оценка), применение институтов процессуальной экономии (преюдиции – ст. 90 УПК РФ, презумпции), критика доказательств сторонами для минимизации судебных ошибок и рационального использования времени и ресурсов.

- Гарантийная функция: обеспечение прав участников процесса при получении и использовании информации (судебный контроль – ст. 165 УПК РФ, право на защиту).

Цель праксеологического аспекта заключается в достижении процессуальной истины, то есть легитимности познания и принимаемых решений через неукоснительное соблюдение установленной законом уголовно-процессуальной формы и гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Именно диалектическое единство и взаимопроникновение этих аспектов – познания факта (гносеология) и его процессуального оформления и использования (праксеология) – составляют, по нашему убеждению, сущность доказывания. Гносеология без праксеологии рискует вылиться в неправовые формы познания (нарушающие права граждан), а праксеология без гносеологии превращается в формальную, бессодержательную процедуру, не способную установить истину. Исторические примеры дисбаланса подтверждают это: советская доктрина, абсолютизируя гносеологию через формулу истины как «объективной данности», достигаемой любыми средствами, недооценивала праксеологию (гарантии прав, состоятельность), что вело к «мифологизации» всемогущества органов предварительного расследования. Современные тенденции «процессуального прагматизма» (особенно при уголовном производстве в особом порядке) иногда сводят доказывание к формальному удостоверению, подменяя глубокое познание упрощенной процедурой, что также искажает сущность доказательственного процесса. С нашей точки зрения, необходимо признание того, что истинность знания (гносеология) и его процессуальная эффективность (праксеология) взаимно обуславливают обоснованность и справедливость итоговых процессуальных решений по уголовному делу. Нарушение этого баланса неизбежно ведет либо к «обвинительному

уклону» и нарушениям прав (гипертрофия гносеологии), либо к формализму и судебным ошибкам (гипертрофия праксеологии). В условиях ускоренной цифровизации и информатизации уголовного процесса этот баланс приобретает несколько новое прочтение: гносеология требует разработки методов познания «цифровых следов», а праксеология – создания адекватных процессуальных стандартов использования новых технологий (прежде всего, ИИ-аналитики и электронных доказательств) с сохранением критериев допустимости доказательств по уголовному делу.

Таким образом, нам видится, что дуалистическая модель обладает неоспоримым научным и правоприменительным превосходством. Информационная модель игнорирует императивы ст. 75 УПК РФ и правовую позицию Конституционного Суда о недопустимости «анонимного» правосудия (Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 33-П). Фактологическая модель, нашедшая свое распространение в отечественной доктрине уголовного процесса, подменяет процессуальную деятельность умозрительными конструкциями, нарушая принцип непосредственности, сформулированный в ст. 240 УПК РФ. Дуализм же обеспечивает необходимый баланс между познавательной функцией и гарантиями прав личности, исключая как формализм, так и субъективизм, что подтверждается и в условиях цифровизации процесса.

Отметим, что динамика уголовного процесса носит нелинейный итеративный характер: так, оценка доказательств может потребовать возврата к стадии их сбора или к повторной проверке [7, с. 26], что обеспечивает его адаптивность как к новым познавательным данным, так и к выявленным процессуальным пробелам или нарушениям.

В связи с этим цель доказывания по уголовному делу представляется нам как сложная двуединая задача: установление объективной (материальной) истины (гносеологическая цель) и достижение процессуальной (формальной) истины (праксеологическая цель). Этот синтез соответствует принципам справедливого суда и отражает диалектику онтологического и гносеологического [8, с. 92], где закон выступает и «рамкой» познания (праксеология), и гарантом его достоверности и легитимности.

Проведенный в рамках настоящей статьи анализ позволяет сделать следующие выводы относительно понятия и сущности уголовно-процессуального доказывания в российской доктрине.

1. Доказывание представляет собой сложную, многоаспектную деятельность, являющуюся системообразующим элементом уголовного судопроизводства. Его понятие, несмотря на законодательное определение (ст. 85 УПК РФ), остается предметом научной дискуссии, отражающей различные акценты ученых на познавательных, удостоверительных, процессуальных или целевых компонентах.

2. Сущность доказывания раскрывается через его диалектическую природу как единство гносеологического (научно-познавательного, направленного на установление объективной истины) и праксеологического (практически-удостоверительного и оптимизирующего, обеспечивающего легализацию знаний в процессуальной форме и эффективное их использование для обоснования решений) аспектов. Философской основой этого единства являются теория познания (гносеология) и теория эффективной деятельности (праксеология). Исторический опыт (советский этатистский гносеологизм и современный процедурный редукционизм) демонстрирует пагубность нарушения этого баланса. Именно диалектическое взаимодействие познания факта и его процессуального оформления/использования придает доказыванию специфику и отличает его от иных форм познания, обеспечивая легитимность правосудия.

3. Содержание процесса доказывания образует динамичную систему взаимосвязанных стадий (собирающие, проверочные, оценочные, обосновательные доказательства), каждая из которых реализует задачи как гносеологического (познание, установление достоверности), так и праксеологического (соблюдение формы, обеспечение допустимости, оптимизация) характера.

4. Дуалистическая концепция доказательства как единства сведений о фактах и их процессуальной формы (источника) наиболее адекватно отражает требования уголовно-процессуального закона (ст. 74, 75, 88 УПК РФ) и обеспечивает баланс между познавательной функцией и гарантиями прав личности.

5. Цель доказывания по уголовному делу следует описать как синтез установления объективной истины о событии преступления и достижения процессуальной истины через соблюдение законной формы. Отказ от любой из этих целей подрывает легитимность и справедливость судопроизводства по уголовному делу.

Таким образом, процесс доказывания в российском уголовном судопроизводстве предстает как законодательно регламентированная, диалектически сложная деятельность, синтезирующая познание объективной реальности (гносеология) и ее процессуальное удостоверение и эффективное использование (праксеология). Понимание его сущности как единства гносеологии и праксеологии является ключом к эффективному и справедливому применению норм доказательственного права в современных условиях, включая вызовы цифровизации, требующие развития как методов познания новых форм доказательств, так и адекватных процессуальных механизмов их легализации и проверки.

Список источников

1. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории правового регулирования: моногр. М.: Норма, 2024. 256 с.
2. Россинский С. Б. О собирании, формировании, исследовании и использовании доказательств в уголовном процессе (продолжая дело профессора С. А. Шейфера) // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 112–118.
3. Лазарева В. А. С. А. Шейфер: концепция формирования доказательств // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 119–125.
4. Балакшин В. С. Гносеологическая основа теории доказывания // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 138–144.
5. Там же.
6. Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 2. С. 85–91.
7. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовного судопроизводства: моногр. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2018. 320 с.
8. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: моногр. М.: Проспект, 2018. 192 с.

Информация об авторе

Л. В. Краснова – адъюнкт.

Information about the author

L. V. Krasnova – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 15.10.2025.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 15.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 25–30.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 25–30.

Научная статья
УДК 343.2

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ВИНЫ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Василий Вячеславович Порайко

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Хабаровск
porayko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3278-5028

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития принципа вины в советском уголовном законодательстве с конца 1917 г. до распада СССР. Анализируются нормативные акты данного периода, обращается внимание на трансформацию представлений о вине как основании уголовной ответственности. Уточняется, что, несмотря на формальное закрепление виновного вменения, его реализация в условиях идеологизированного правоприменения нередко носила противоречивый и репрессивный характер. Подчеркивается, что историко-правовое осмысление опыта советского уголовного права имеет большое значение для укрепления современных правовых гарантий, недопущения объективного вменения и утверждения справедливой уголовной юстиции.

Ключевые слова: принцип вины, советское уголовное право, умысел, неосторожность, виновное вменение, объективное вменение, история уголовного законодательства

Для цитирования: Порайко В. В. Развитие принципа вины в советском уголовном законодательстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 25–30.

Original article

EVOLUTION OF THE PRINCIPLE OF GUILT IN SOVIET CRIMINAL LAW

Vasily V. Poraiko

Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk

porayko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3278-5028

Abstract. The article examines the process of formation and development of the principle of guilt in Soviet criminal legislation from the end of 1917 until the collapse of the USSR. The author analyzes the legal acts of this period, paying special attention to the transformation of ideas about guilt as the basis for criminal liability. It is shown that, despite the formal establishment of guilty imputation, its implementation in the context of ideologically driven law enforcement was often contradictory and repressive. It is emphasized that the historical and legal analysis of the experience of Soviet criminal law is of great importance for strengthening modern legal guarantees, preventing objective imputation, and establishing fair criminal justice.

Keywords: principle of guilt, soviet criminal law, intent, negligence, guilty imputation, objective imputation, history of criminal legislation

For citation: Poraiko V. V. Evolution of the principle of guilt in soviet criminal law // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 25–30.

Исследование вопросов развития принципа вины в советском уголовном законодательстве в настоящее время сохраняет высокую актуальность как в теоретико-правовом, так и в прикладном отношении. Это обусловлено рядом ключевых обстоятельств, имеющих значение как для осмысления исторического опыта, так и для укрепления современного правового государства, в качестве которого Россия провозглашена в ст. 1 Конституции РФ.

Принцип вины – один из базовых и универсальных правовых принципов, который обеспечивает индивидуализацию уголовной ответственности, служит гарантией недопустимости объективного вменения, защищает личность от произвола правоохранительных органов и суда. Анализ советского опыта позволяет понять, к каким правовым деформациям может привести практика отступления от принципа вины в угоду политической целесообразности. Исследование закономерностей выхолащивания правовых институтов призвано выработать механизмы правовой защиты личности, способные воспрепятствовать подобным злоупотреблениям в будущем. Современное уголовное право Российской Федерации формально базируется на принципе вины (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УК РФ). Однако на практике не исключены случаи отступления от данного принципа, в частности, при расширительном толковании понятий «умысел» и «неосторожность».

Исследование развития принципа вины в советском уголовном праве важно и в методологическом отношении как элемента правовой герменевтики, позволяющего реконструировать эволюцию юридических категорий, проанализировать влияние идеологии на содержание уголовно-правовой материи, выявить механизмы подмены юридического дискурса политическим.

Таким образом, изучение развития принципа вины в советском уголовном законодательстве не только не утратило актуальности, но и приобретает особую значимость в условиях новейших вызовов, связанных с попытками ревизии правовых стандартов, усилением репрессивных тенденций и деформацией презумпции невиновности. Изучение опыта прошлого способствует укреплению уголовно-правовых гарантий защиты прав и свобод граждан, предупреждению институциональной деградации уголовной юстиции, развитию устойчивых демократических правовых механизмов, исключающих произвол и возвращение к практике объективного вменения.

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовая категория вины приковала внимание законодателя еще с момента становления советской государственности. Так, уже в нормативных актах конца 1917 г. вина фигурировала как неотъемлемый элемент правовой оценки общественно опасного поведения. Например, в Положении о рабочем контроле, принятом ВЦИК и СНК РСФСР 10 декабря 1917 г., указывалось на необходимость привлечения к ответственности тех, кто умышленно скрывает материалы или продукцию, нарушает порядок ведения отчетности и допускает иные противоправные действия в сфере хозяйственного управления. Прямое упоминание виновности демонстрирует, что законодатель стремился к персонализации наказания. В свою очередь, в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» устанавливалось, что ответственность наступает в отношении лиц, виновных в совершении деяний, посягающих на общественные интересы. Особо подчеркивалась тяжесть наказания для представителей «имущих классов», использующих взятки в целях сохранения своих привилегий. К ним применялись наиболее суровые виды трудового наказания с обязательной конфискацией имущества.

Подобным же образом в Декрете от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» ответственность за экономические преступления была прямо увязана с виновностью. В преамбуле и последующих пунктах документа (10 пунктов из 13 начинались с указания на виновного субъекта) отражена законодательная установка на личную ответственность за деяния, совершаемые в форме спекулятивной деятельности. Устанавливалось, что виновные в незаконной торговле или скупке продовольствия, подлежащего государственной монополии, подлежат уголовному наказанию в виде не менее 10 лет лишения свободы, сопряженного с принудительным трудом и полной конфискацией имущества.

Постановление СНК от 19 сентября 1918 г. «Об усилении уголовной репрессии за незаконную перевозку писем, денег и мелких посылок» также обозначало виновность как неперемное условие уголовной ответственности. Перевозка подобных предметов в обход почтового ведомства в промысловых масштабах влекла за собой не менее года лишения свободы с дополнительными мерами наказания в виде трудовых обязательств и имущественных санкций.

Таким образом, формулировки нормативных актов первых лет советской власти лишь частично соответствуют современному пониманию принципа вины в уголовном праве и имеют существенные расхождения с ним, что обусловлено идеологическими, политическими и правовыми установками и реалиями того времени. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, «первоначальные акты советского уголовного законодательства следует характеризовать как довольно противоречивые» [1, с. 100].

Следует отметить, что законодатель правильно увязывал уголовную ответственность с виновностью. В ряде декретов прямо указывается на то, что наказание может быть применено только к виновным в совершении общественно опасного деяния лицам. Это соответствует ключевому положению современного уголовного права, согласно которому нет наказания без вины (ст. 49 Конституции РФ, ст. 5, 14 УК РФ).

Нормативные акты конца 1917–1918 г. формально отражают стремление к индивидуализации уголовной ответственности, что также соотносится с современным пониманием субъективной стороны преступления (наличие умысла или неосторожности). Однако степень виновности при назначении наказания была поставлена в зависимость от критерия, явно подрывающего принцип равенства всех перед законом (в частности, положение о более тяжком наказании для представителей «имущих классов» в случае получения и дачи взятки).

Отличительная черта данного периода – классовый подход к виновности и назначению наказания, который имел явно неправовой, более того, антиправовой характер [2, с. 213–215]. Закрепление повышенной ответственности по социальному признаку (например,

принадлежность к буржуазии) противоречит как сути права в целом, так и уголовного права как его отрасли. Социальный статус лица не может и не должен обуславливать виновность или же определять степень и характер общественной опасности совершенного им деяния.

Также следует обратить внимание на то, что в источниках права рассматриваемого периода отсутствовала четкая граница между виной и объективным вменением. Использование термина «виновный» без его конкретизации открывало путь к расширительному и произвольному толкованию уголовного законодательства.

Институты вины и уголовного наказания имели явную идеологизированную окраску. Принудительные меры применялись, наряду с прочим, в целях устрашения, перевоспитания, подавления политических противников, что явно несовместимо с правозащитной функцией принципа вины, призванного обеспечивать защиту личности от произвола государства.

В связи с этим, несмотря на декларативное признание концепции виновной ответственности, реализация принципа вины в уголовном праве первых лет советской власти явно не соотносится с его правовой сутью и значением. Советское правотворчество и тем более правоприменение исходили не столько из универсальных правовых начал, сколько из задач борьбы с «врагами революции» и классовыми противниками. Хотя законодатель оперировал терминами «вина» и «виновность», принцип вины фактически искажался, что способствовало расширению репрессий и разрушению гарантий прав личности.

В Руководящих началах по уголовному праву, утвержденных Постановлением Наркомюста РСФСР 12 декабря 1919 г., отсутствует норма, посвященная вине. Поэтому, как справедливо отмечает Р. Р. Мирасов, можно говорить «о категорическом отказе от форм вины. Это связано с тем, что Советское государство в начале своего развития стремилось исключить из употребления акты и нормы, действовавшие в Российской империи» [3, с. 105]. Вместе с тем анализ текста данного нормативного акта позволяет выделить ряд терминов, имеющих отношение к субъективной стороне преступления («умысел», «намерение»). Кроме того, в Руководящих началах имеется косвенное указание на необходимость учета форм вины при установлении наказания. Так, в п. «в» и «з» ст. 12 подчеркивается важность индивидуального подхода к оценке степени общественной опасности деяния. Предлагается различать, действовал ли субъект с осознанием возможных последствий, либо его поведение определялось невежеством или отсутствием понимания, а также было ли преступное поведение следствием заранее продуманного намерения или совершено под воздействием аффекта (состояния запальчивости).

Таким образом, несмотря на отсутствие в Руководящих началах системной доктринальной концепции вины, сам факт использования законодателем терминов, отражающих внутреннее психическое отношение субъекта к содеянному, позволяет вести речь о признании значимости субъективной стороны преступления в раннем советском уголовном праве [4, с. 14; 5, с. 24].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. отказался от использования термина «виновные» в пользу формулировки «лица, которые». В ст. 11 гл. II «Общие начала применения наказания» было установлено, что к уголовной ответственности могут привлекаться исключительно те лица, чьи действия подпадают под определенные субъективные критерии. В частности, речь шла о тех, кто совершил деяние умышленно, предвидя его последствия и либо стремясь к их наступлению, либо осознанно допуская их, а также о тех, кто проявил неосторожность: либо чрезмерно полагаясь на предотвращение негативных последствий своих поступков, либо вовсе не предвидя их, несмотря на обязанность и возможность предусмотреть такие последствия.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не внес принципиальных изменений в концептуализацию категории вины. Понятие «вина» по-прежнему отсутствовало в тексте закона, равно

как и в определении преступления. Вместе с тем законодателем были закреплены традиционные формы вины – умысел и неосторожность (ст. 10 разд. III «Общие начала уголовной политики РСФСР»).

Концепция виновного вменения получила дальнейшее развитие в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Одним из ключевых нововведений стало официальное закрепление отказа от применения аналогии закона в уголовном праве, что ознаменовало важный этап в формировании принципа вины [6, с. 35]. Кроме того, в ст. 3 было впервые четко установлено, что основанием уголовной ответственности может служить лишь виновное деяние, то есть совершенное умышленно либо по неосторожности. Формулировка умысла была представлена в ст. 8 и трактовалась как осознание лицом общественной опасности своих действий (или бездействия), предвидение вредных последствий и желание их наступления либо сознательное допущение их наступления. Тем самым законодатель четко разделил прямой и косвенный умысел, придавая значимость внутреннему отношению субъекта к результатам своих действий.

Преступление признавалось совершенным по неосторожности, если виновное лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но безосновательно рассчитывало на их предотвращение (самонадеянность), либо не предвидело таких последствий, хотя с учетом обстоятельств дела должно было и могло их предвидеть (небрежность).

Таким образом, в Основах 1958 г. был осуществлен качественный переход к нормативно ясной и строго сформулированной концепции вины, получившей системное оформление и исключившей возможность привлечения к уголовной ответственности без установления субъективной стороны преступления.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. уже содержал определение умышленного преступления, согласно которому деяние признавалось таковым, если совершивший его субъект осознавал общественно опасную природу своих действий (или бездействия), предвидел их возможные вредные последствия и либо стремился к их наступлению, либо сознательно допускал их реализацию (ст. 8). В целом, как поясняет А. В. Наумов, «различие понятий вины как признака преступления и принципа уголовной ответственности впервые в отечественной теории уголовного права было осуществлено в 1950 г.» [7, с. 40].

Несмотря на отсутствие в тексте уголовного закона дифференциации умысла на виды, имевшаяся формулировка фактически создавала концептуальные основания для различения прямого и косвенного умысла.

Завершающей вехой в развитии уголовного законодательства в период существования Советского Союза стало принятие 2 июля 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик. Введение этого нормативного акта в действие было запланировано на июль 1992 г. (за исключением ст. 40, касающейся смертной казни, которая вступала в силу с момента опубликования), однако распад Советского государства помешал реализации этих планов. Тем не менее, с научной точки зрения указанный документ представляет собой значимый этап в развитии правового оформления института вины, особенно в контексте умышленных форм совершения преступлений.

Статья 11 Основ 1991 г. давала четкое нормативное определение форм умысла, разграничивая их на прямой и косвенный. В частности, преступление признавалось совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественно опасный характер содеянного, предвидело его последствия и желало их наступления. Косвенный умысел формулировался как такое психическое отношение к деянию, при котором лицо предвидело наступление вредных последствий, не желало, но сознательно допускало их возможность. В отличие от Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., в Основах 1991 г. законодатель прямо предполагал закрепить деление умысла на его разновидности и представил их в форме юридических дефиниций, что свидетельствовало о существенном шаге вперед в развитии теории вины.

Таким образом, в советский период развитие принципа вины носило противоречивый характер. С одной стороны, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., а затем и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. формально предусматривали вину как условие уголовной ответственности. С другой стороны, реальная правоприменительная практика в условиях господства идей «революционного правосознания», карательной направленности уголовной политики и массовых репрессий 1930-х гг. деформировала саму уголовно-правовую природу вины. В условиях, когда интересы государства превалировали над правами личности, принцип вины нередко подменялся политической целесообразностью, а объективное вменение де факто рутинизировалось в правоприменении.

Существенный поворот в сторону подлинного утверждения принципа вины произошел в постсоветский период, начиная с конца 1980-х гг. и особенно после принятия УК РФ 1996 г. Новый Уголовный кодекс стал своеобразным итогом гуманизации и демократизации уголовного законодательства, ориентированного на международно-правовые стандарты. Принцип вины был четко сформулирован и приобрел системное значение, проникнув в конструкцию всех институтов уголовного права – от квалификации деяния до назначения наказания.

Список источников

1. Илidgeв А. А., Соколов О. В. Особенности формирования Общей части советского уголовного законодательства как элемента системы уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 95–102.
2. Нерсесянц В. С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992. 349 с.
3. Мирасов Р. Р. Развитие форм вины в российском законодательстве // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 99–110.
4. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к 100-летию со дня принятия) / под общ. ред. А. Н. Савенкова, науч. ред. и рук. автор. кол. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2023. 240 с.
5. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета, 2019. № 4. С. 24–31.
6. Родин С. Г. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от развития виновного вменения в отечественном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 2 (60). С. 32–37.
7. Наумов А. В. Вина как признак преступления и принцип Уголовного кодекса РФ // Российский следователь. 2022. № 5. С. 39–42.

Информация об авторе

В. В. Порайко – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса.

Information about the author

V. V. Poraiko – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 21.08.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 31–39.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 31–39.

Научная статья

УДК 343.5+342.9

СООТНОШЕНИЕ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА ПРИ НАРУШЕНИИ ФАРМАЦЕВТАМИ ПРАВИЛ ОТПУСКА РЕЦЕПТУРНЫХ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

Данил Дмитриевич Вихарев

Нижегородская академия МВД России

Danil19–92@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009–0007–5395–3592>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу норм административного и уголовного права, охраняющих общественные отношения в области оборота сильнодействующих веществ и лекарственных препаратов, содержащих данные вещества. Проанализирована правоприменительная практика и определены особенности и разграничения рассматриваемых норм. Сделаны выводы о необходимости применения специальной нормы административного права в связи со специфичностью предмета правонарушения. Указано на неопределенность законодательства и правоприменительной практики в области разграничения уголовной и административной ответственности фармацевта при незаконном отпуске сильнодействующего лекарственного препарата без соответствующего рецепта. Предложены изменения, необходимые для внесения в праворазъяснительные акты, в целях унификации законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: сильнодействующие лекарственные препараты, незаконный сбыт, нарушение правил отпуска, аптечная наркопреступность

Для цитирования: Вихарев Д. Д. Соотношение норм административного и уголовного права при нарушении фармацевтами правил отпуска рецептурных сильнодействующих лекарственных препаратов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 31–39.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NORMS OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LAW IN CASE OF VIOLATION BY PHARMACISTS OF THE RULES OF PRESCRIPTION OF POTENT DRUGS

Danil D. Vikharev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Danil19-92@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5395-3592>

Abstract. The article is devoted to the consideration and analysis of the norms of administrative and criminal law that protect public relations in the field of trafficking in potent substances and medicines containing these substances. The law enforcement practice is analyzed and the features and distinctions of the norms under consideration are determined. Conclusions are drawn about the need to apply a special rule of administrative law in connection with the specificity of the subject of the offense. The uncertainty of the legislation is indicated and law enforcement practice in the field of distinguishing between criminal and administrative liability of a pharmacist in the case of illegal release of a potent medicinal product without a corresponding prescription. The amendments necessary to introduce explanatory acts into the law are also proposed in order to unify legislation in the field under consideration.

Keywords: potent drugs, illegal sale, violation of the rules of release, pharmacy drug crime

For citation: Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 31–39.

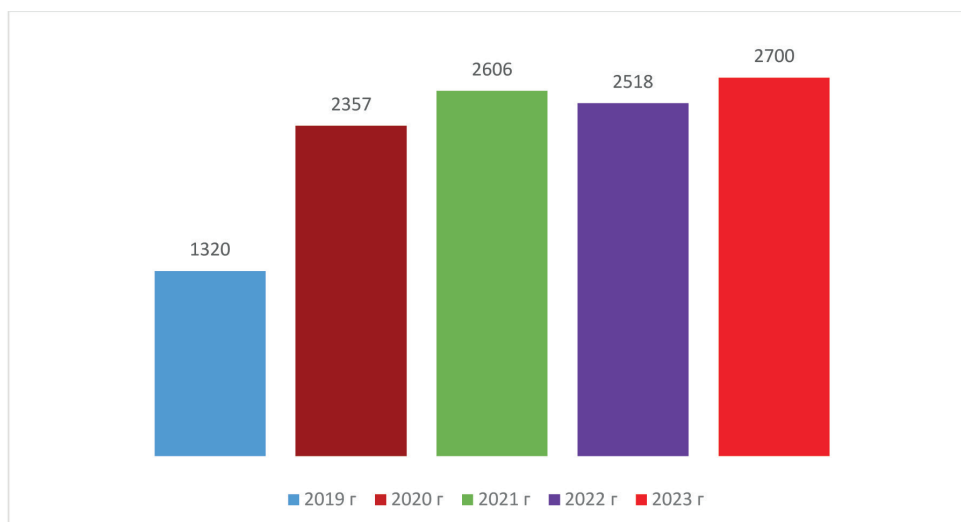
Согласно Федеральному закону от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в Российской Федерации разрешено несколько видов деятельности, где наркотические средства и психотропные вещества, внесенные в соответствующие перечни*, используются легально. В число таких сфер входит медицинская и фармацевтическая деятельность, речь идет о различных лекарственных препаратах. При этом государственный контроль охватывает не только наркотические и психотропные лекарственные препараты, но и лекарства, содержащие сильнодействующие вещества. Сильнодействующими являются вещества, внесенные в соответствующие списки**, свободный оборот которых ограничен и нарушение которого влечет уголовную или административную ответственность. Таким образом, сильнодействующие вещества выступают отдельной категорией, отличительной от наркотических средств или психотропных веществ. Но их оборот также подконтролен государству, и их немедицинское потребление влечет негативные последствия для самого человека и общества в целом.

Преступные действия, связанные с незаконным сбытом сильнодействующих веществ, квалифицируются по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ. При этом часть преступлений совершают субъекты их легального оборота – лица, занимающиеся медицинской или фармацевтической деятельностью и часто имеющие законный доступ к обороту данных веществ. Так, в 2022 г. в г. Нижнем Новгороде были задержаны директор аптеки и несколько фармацевтов, незаконно сбывающих сильнодействующие лекарственные препараты***. В 2023 г. в г. Москве полицейскими

* Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (с изм. и доп. по сост. на 11.06.2025).

** Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 (с изм. и доп. по сост. на 10.04.2023).

*** Сетевое издание «Государственный интернет-канал «Россия». URL: <https://vestinn.ru/news/society/199931/> (дата обращения: 11.08.2025).

Динамика зарегистрированных преступлений по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ с 2019 по 2023 г.*

установлена сеть аптек и задержаны фармацевты, незаконно сбывающие аналогичные препараты**. В 2024 г. в г. Москве задержали двух владельцев аптек за организацию незаконного сбыта сильнодействующих препаратов***.

Административная деятельность государства в области регулирования законного оборота сильнодействующих веществ, а также недопущения совершения уголовно наказуемых деяний в этой сфере представлена осуществлением контрольно-надзорных функций различными органами и подразделениями, в том числе Министерством здравоохранения, Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), прокуратурой и правоохранительной системой. Наиболее эффективными и результативными являются мероприятия, проводимые различными ведомствами совместно и согласованно. В процессе совместной проверки аптечных организаций каждый участник выявляет ошибки по своему направлению и готовит итоговый отчет [1].

Считаем необходимым в рамках данного исследования провести сравнительный анализ норм административного и уголовного права, охраняющих общественные отношения в сфере оборота лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества. Определить их различия и сформулировать разъясняющую позицию относительно допустимости, относимости и законности применения каждой из норм. Анализируя судебную-следственную практику, мы выделили четыре нормы, чаще всего используемые при квалификации противоправных действий в рассматриваемой сфере: ч. 1–3 ст. 234 УК РФ, ст. 14.1, 14.2, 14.4² КоАП РФ.

Для квалификации действий лица по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ (незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих веществ) необходимо оперативно-следственным путем установить, знало ли лицо о запрете свободного оборота лекарственного препарата в связи с содержанием в нем сильнодействующего вещества, а также имело ли лицо цель на сбыт такого препарата. При этом надо понимать, что при совершении данного преступления нарушаются общественные отношения именно в области оборота сильнодействующих веществ.

* Данные ГИАЦ МВД России. Информационный портал МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.08.2025).

** Электронный ресурс ООО «Медиа новости». URL: <https://www.bfm.ru/news/521140> (дата обращения: 11.08.2025).

*** Электронный ресурс «Москва 24». URL: <https://www.m24.ru/news/proisshestviya/23122024/755084> (дата обращения: 25.08.2025).

Самым распространенным случаем в судебно-следственной практике является незаконный сбыт лицом, не являющимся субъектом легального оборота сильнодействующих веществ, но имеющим корыстную цель в виде обогащения как результата незаконного сбыта. Так, приговором Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода в 2021 г. К. признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 234 УК РФ, а именно незаконного сбыта 56 капсул сильнодействующего лекарственного препарата*.

При расследовании подобных уголовных дел у правоприменителя не возникает сомнений в правильности квалификации действий лица, так как лицо неправомочно, осознавая противоправный характер своих действий, незаконно приобретает и хранит сильнодействующие вещества в целях сбыта или непосредственно сбывает их. Более сложным для правоприменителя является вопрос квалификации действий лица, совершившего сбыт сильнодействующего лекарственного препарата, если при этом лицо является субъектом его легального оборота и в чьи обязанности входит непосредственный сбыт (продажа, отпуск, реализация) данных веществ. Например, действия фармацевта-провизора при продаже лекарственного препарата в помещении аптеки, имеющей лицензию на фармацевтическую деятельность и оборот сильнодействующих лекарственных препаратов. Здесь нормы уголовного права граничат с нормами административного права. Связано это с тем, что объективная сторона ч. 1–3 ст. 234 УК РФ представлена такими действиями, как незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт. При этом у аптечной организации, имеющей лицензию, любые действия с сильнодействующим лекарственным препаратом являются законными. Кроме того, сама цель аптечной деятельности направлена на отпуск и продажу лекарственных препаратов, что идентично понятию сбыта.

До настоящего времени в юридической практике нет единого подхода к оценке действий сотрудников аптек, незаконно продающих сильнодействующие препараты. Российские суды дают разные правовые оценки таким ситуациям [2]. В связи с этим в правоприменительной практике, на наш взгляд, имеет место субъективность в принятии решения при разграничении уголовного и административного деяния. Так, в ходе анализа оперативно-следственной деятельности и судебной практики рассмотрения и разрешения дел по фактам незаконного оборота подконтрольных лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, нами были установлены случаи применения разных норм административного законодательства.

Приведем пример. Решением арбитражного суда г. Москвы от 14 апреля 2017 г.** ООО «Аптека на Елецкой» привлечено к административной ответственности по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ за осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией). В ходе изучения материалов дела нами установлено, что сотрудниками отделения по контролю в сфере легального оборота наркотиков и отдела по контролю за оборотом наркотиков УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве было проведено оперативно-розыскное мероприятие «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», а именно помещения данной аптеки, осуществляющей фармацевтическую деятельность на основании лицензии, выданной Департаментом здравоохранения г. Москвы. В результате проверки установлено неучтенное хранение лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету*** (далее – ПКУ), таких как «Лирика» (прегабалин) в количестве более 50 блистеров с капсулами и «Тропикамид» в количестве 28 флаконов, а также сильнодействующего лекарственного препарата «Редуксин» в количестве 180 капсул. В фармацевтической деятельности контроль за обращением отдельных групп лекарственных препаратов осуществляется

* URL: <https://судебныерешения.рф/62442493/extended> (дата обращения: 25.08.2025).

** Информационный портал СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/НyuYh6SJFPJQ/> (дата обращения: 12.08.2025).

*** Об утверждении перечня лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету: приказ Минздрава России от 01.09.2023 № 459н.

посредством ПКУ – регистрации любых операций, при которых изменяется количество и (или) состояние лекарственных препаратов, в специальных журналах учета утвержденной формы, что относится к необходимым лицензионным требованиям для осуществления фармацевтической деятельности [3]. Указанные препараты не были учтены в соответствующих журналах, то есть журналы не содержали сведений о поступлении, об отпуске и остатках данных препаратов. Также не было обнаружено специальных рецептурных бланков (формы № 148–1/у-88), дающих право на отпуск (приобретение) данных лекарственных средств.

Суд расценил действия ООО «Аптека на Елецкой» как грубые нарушения, связанные с невыполнением лицензиатом требований*, предусмотренных Положением о лицензировании фармацевтической деятельности**, выразившиеся в несоблюдении правил отпуска лекарственных средств, подлежащих ПКУ.

В данной ситуации суд применил часть 4 ст. 14.1 КоАП РФ – осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), за исключением случаев, предусмотренных ч. 11 ст. 14.42 КоАП РФ. Под грубым нарушением понимается невыполнение лицензиатом одного из требований, предусмотренных п. 6 Положения о лицензировании фармацевтической деятельности, повлекшее последствия, указанные Федеральным законом «О лицензировании отдельных видов деятельности». В данном пункте названы различные лицензионные требования, которым должен соответствовать лицензиат, а также установлены правила, в том числе хранения, перевозки и отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения; отпуска наркотических средств и психотропных веществ, зарегистрированных в качестве лекарственных препаратов; правила регистрации операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения, включенных в перечень лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих ПКУ в специальных журналах учета операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения; правила ведения и хранения специальных журналов учета операций, связанных с обращением лекарственных средств для медицинского применения. То есть, при осуществлении легального оборота сильнодействующих веществ в фармацевтической или медицинской сфере, при нарушении хотя бы одного из указанных правил наступает административная ответственность по указанной части статьи.

Но, анализируя ситуацию, можно с уверенностью указать на то, что, да, аптека имела лицензию на фармацевтическую деятельность, но при этом не вела отчетность. Данные обстоятельства могут указывать не на грубое нарушение правил в области предпринимательской деятельности, а на прямой умысел на незаконный сбыт сильнодействующих веществ в целях незаконного обогащения. Хотя действия аптеки по хранению сильнодействующих препаратов законны и факты незаконного сбыта не задокументированы, считаем, что имелись достаточные основания полагать, что деятельность провизоров направлена на покушение на незаконный сбыт сильнодействующих веществ. Так как обнаруженное количество лекарственных препаратов, пользующихся большим спросом у «аптечных наркоманов», а также полное отсутствие документального оформления поступления, движения препаратов и их отпуска должны свидетельствовать о незавершенном преступлении, а именно о приготовлении к незаконному сбыту (ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 234 УК РФ) или о покушении (ч. 3 ст. 30, ч. 1–3 ст. 234 УК РФ).

* Требования, невыполнение которых являлось грубым нарушением, были указаны в Постановлении Правительства РФ от 22.12.2011 № 1081 «О лицензировании фармацевтической деятельности», которое в настоящее время утратило свою юридическую силу, его сменило Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности».

** Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности: постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 (ред. от 06.11.2024).

Полагаем, что данный пример свидетельствует о явно недостаточной работе оперативных подразделений по сбору, фиксации и закреплению комплекса доказательств, указывающих на конечную цель преступного умысла, а именно организацию незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества.

Необходимо указать, что на момент принятия судом решения препараты «Лирика» и «Тропикамид» являлись лекарственными препаратами, подлежащими ПКУ, но не входили в списки лекарств, содержащих сильнодействующие вещества, а «Редуксин» уже являлся сильнодействующим лекарственным препаратом. На повсеместное нарушение аптечными организациями правил отпуска препаратов, подлежащих ПКУ, отреагировал законодатель, и с 1 декабря 2019 г. «Лирика» и «Тропикамид» стали сильнодействующими лекарственными препаратами*. Считаем, что данная мера государства была направлена на ужесточение правил оборота данных лекарственных препаратов в целях дальнейшего применения норм именно уголовного права при установлении нарушений в области их оборота.

Следующий пример касается применения ст. 14.2 КоАП РФ. В 2022 г. сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Нижегородской области при проведении комплекса оперативно-розыскных мероприятий, включающих наблюдение, опрос, наведение справок, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, была установлена аптека с действующей лицензией на фармацевтическую деятельность, где под руководством и согласно указаниям директора, два фармацевта-провизора незаконно, без использования кассового аппарата и без получения рецептурных бланков сбывали сильнодействующие лекарственные препараты.

В отношении установленных лиц были проведены проверочные закупки. Без рецепта и без кассового аппарата фармацевтами-провизорами были сбыты покупателям без вторичной упаковки (картонная упаковка препарата) отдельные блистеры с сильнодействующим лекарственным препаратом. По результатам проведения проверочных закупок были возбуждены уголовные дела по ст. 234 УК РФ, указанные лица были задержаны и допрошены в качестве подозреваемых, ими даны признательные показания по фактам организации в аптеке незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества. Также были дополнительно установлены и допрошены в качестве свидетелей лица, незаконно приобретающие в данной аптеке сильнодействующие лекарственные препараты. Однако в ходе расследования уголовного дела подозреваемые изменили свои показания и согласно новой тактике защиты стали указывать на то, что они не имели умысла на незаконный сбыт сильнодействующих лекарственных препаратов, а продали их случайно, тем самым нарушив административное законодательство, а не уголовное. При этом продавались без рецепта не целые упаковки, а отдельные блистеры и только за наличные денежные средства, которые не вносились в кассу. Кроме того, не осуществлялось внесение информации об отпуске сильнодействующих препаратов, подлежащих ПКУ, в журнал движения препаратов.

В итоге органом предварительного расследования в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием в деяниях состава преступления. Уголовное преследование лиц было прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Действия фармацевтов-провизоров были переквалифицированы на административное правонарушение, предусмотренное ст. 14.2 КоАП РФ «Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена».

Анализируя названную административную норму, необходимо обратиться к ст. 129 Гражданского кодекса РФ, в которой указано, что товарами, свободная реализация которых

* О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964: постановление Правительства РФ от 27.05.2019 № 667.

запрещена, признаются объекты, изъятые из гражданского оборота. К ограниченно оборотоспособным объектам относятся такие объекты, реализация которых допускается по специальному разрешению (лицензии) и только определенными участниками оборота, при соблюдении соответствующих требований законодательства. Согласно Указу Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 (ред. от 17.03.2020) «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» в данную сферу внесены: вооружения, боеприпасы, военная техника, яды, наркотические средства и психотропные вещества, спирт этиловый, взрывчатые вещества, шифровальная техника, рентгеновское оборудование, отходы радиоактивных материалов и др. Однако сильнодействующие вещества не упоминаются.

Таким образом, решение органа предварительного расследования считаем незаконным и необоснованным по двум причинам.

1. Если орган предварительного расследования в деяниях директора аптеки и двух фармацевтов-провизоров не установил наличия признаков уголовно наказуемого деяния, а усмотрел лишь признаки административного правонарушения, то, по общему правилу, в случае коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, должна применяться специальная норма. Специальной нормой по отношению к ст. 14.2 КоАП РФ, при совершении нарушения правил отпуска лекарственных препаратов, является ч. 11 ст. 14.42 КоАП РФ «Нарушение законодательства об обращении лекарственных средств». В связи с этим, определив действия лиц как административное правонарушение, органы предварительного расследования должны были применить указанную норму и квалифицировать деяние как нарушение установленных правил отпуска лекарственных препаратов, подлежащих ПКУ, выразившееся в отпуске указанных лекарственных препаратов без рецепта, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Правила регламентированы Федеральным законом от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» и приказом Минздрава России от 24 ноября 2021 г. № 1093н*.

2. Изученные нами материалы уголовного дела позволили сделать однозначный вывод о том, что действия подозреваемых были направлены именно на корыстное осуществление незаконного сбыта сильнодействующих лекарственных препаратов и не имели разовый, случайный характер. Более того, согласно имеющимся в материалах уголовного дела результатам оперативно-розыскной деятельности, установлен устойчивый характер преступных действий. Подозреваемые использовали определенные методы конспирации совершения незаконного сбыта, полученные преступные доходы распределялись между ними. Все это в совокупности может указывать на организованный преступный характер совершаемых действий.

Полагаем, что органами предварительного расследования указанное решение было принято в связи с незначительной судебной-следственной практикой направления уголовных дел в суд и их судебного рассмотрения по фактам обвинения в незаконном сбыте сильнодействующих лекарственных препаратов лиц, являющихся субъектами их легального оборота и на законных основаниях осуществляющих отпуск данных препаратов. Кроме того, на законодательном уровне отсутствуют какие-либо разъяснения относительно разграничения уголовной и административной ответственности за нарушения правил отпуска (сбыта) лекарственных

* Об утверждении Правил отпуска лекарственных препаратов для медицинского применения аптечными организациями, индивидуальными предпринимателями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, медицинскими организациями, имеющими лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, и их обособленными подразделениями (амбулаториями, фельдшерскими и фельдшерско-акушерскими пунктами, центрами (отделениями) общей врачебной (семейной) практики), расположенными в сельских поселениях, в которых отсутствуют аптечные организации, а также Правил отпуска наркотических средств и психотропных веществ, зарегистрированных в качестве лекарственных препаратов для медицинского применения, лекарственных препаратов для медицинского применения, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, в том числе Порядка отпуска аптечными организациями иммунобиологических лекарственных препаратов: приказ Минздрава России от 24.11.2021 № 1093н (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022).

препаратов, содержащих сильнодействующие вещества, совершенных субъектами их легального оборота. Правовая неопределенность, как считают некоторые авторы, предreshает возможность деструктивных явлений, характеризующихся как злоупотребление правом [4].

В подтверждение данных выводов приведем следующий пример из судебной практики. В 2020 г. сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Челябинской области в отношении фармацевта-провизора, работающего в аптеке, осуществляющей фармацевтическую деятельность на основании лицензии, было проведено оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка», по результатам которого обнаружилось, что фармацевт-провизор в помещении аптеки осуществил продажу (сбыт) медицинского препарата «Омнадрен 250», содержащего сильнодействующее вещество, без предъявления рецепта. По данному факту было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.4² КоАП РФ*. Правоприменитель в данной ситуации усмотрел административное правонарушение в сфере обращения лекарственных препаратов, а не уголовно наказуемое деяние в области незаконного сбыта сильнодействующих веществ. Указанная норма представлена тремя составами, объективная сторона которых выражается в нарушении установленных правил и требований, а именно: оптовой торговли лекарственными средствами и порядка розничной торговли лекарственными препаратами (ч. 1); отпуска лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 1¹); в части установления цен (ч. 4).

Рассмотренные нами примеры свидетельствуют о неопределенности в правоприменении при квалификации действий фармацевтов при ненадлежащем отпуске рецептурного сильнодействующего препарата. В научных исследованиях часто утверждается, что фармацевты, обладая специальным образованием и знанием порядка отпуска лекарств, сознательно нарушают требования специальных правил, продавая сильнодействующие препараты без рецепта врача, что должно рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [5]. Мы с данным мнением согласны, но все же считаем, что необходимо какое-либо документальное закрепление позиции государства в данном вопросе.

Проведя анализ судебно-следственной и административной практики, а также опрос действующих сотрудников оперативных подразделений и органов предварительного расследования, специализирующихся на выявлении, раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемой категории, нами определен признак, который разграничивал бы административную и уголовную ответственность при квалификации действий аптечного работника при отпуске рецептурного сильнодействующего лекарственного препарата, выражающийся в установлении негативных последствий в виде перехода сильнодействующего вещества из законного оборота в незаконный или в отсутствии таких последствий.

В связи с этим, в целях дальнейшего исключения неправомерной, на наш взгляд, подмены уголовной ответственности административной за незаконный сбыт сильнодействующих лекарственных препаратов и нарушение правил их оборота, считаем необходимым дополнить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. и доп. по сост. на 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» уточнением о том, что норма административного права может быть применена только в тех случаях, когда сильнодействующее вещество не перешло из легального оборота в нелегальный, то есть когда лицо, которое сбыло, и лицо, которое приобрело лекарственный препарат, являются субъектами его легального оборота, но при этом сбывшим лицом были нарушены правила оборота лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующее вещество (их отпуск без рецепта). Во всех иных случаях в действиях лица должны усматриваться

* Центральный районный суд г. Челябинска дело № 12–47/2020. URL: <https://centr-chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.08.2025).

признаки уголовно наказуемого деяния, то есть, когда при нарушении правил оборота с сильнодействующими лекарственными препаратами их неправомерный сбыт повлечет причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, а именно при переходе сильнодействующего вещества из законного оборота в незаконный.

Дополнительным итогом проведенного исследования считаем вывод о том, что унифицированной специальной нормой, охраняющей общественные отношения в области оборота ограниченных к свободному обороту лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества и являющихся препаратами, подлежащих ПКУ, при нарушении данного оборота (их безрецептурный отпуск) является только одна норма – часть 1¹ ст. 14.4² КоАП РФ. При этом законодатель в данной норме привел ее разграничение с уголовно наказуемым деянием (ч. 1–3 ст. 234 УК РФ), указав на то, что административная норма применима лишь в тех случаях, когда действия лица не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Именно таким признаком, на наш взгляд, необходимо считать установление перехода сильнодействующего вещества из законного оборота в незаконный.

Список источников

1. Виноградова Е. В., Жуковский В. И., Довголюк Н. В. «Аптечная наркомания»: дифференциация ответственности и организация работы в отношении аптечных учреждений, допускающих безрецептурный отпуск лекарственных препаратов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (51). С. 88–94.
2. Гурулев Д. В. Несовершенство ст. 234 УК РФ, влекущее необоснованное освобождение работников аптек от уголовной ответственности // Законность. 2012. № 12 (938). С. 46–49.
3. Малева А. Б., Занина И. А., Ивановская Н. П. Актуальные вопросы обращения лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Химия. Биология. Фармация. 2024. № 2. С. 94–103.
4. Трепель В. Г., Шишов М. А., Варданян Г. В. Актуальные медицинские аспекты уголовного права и процесса // Уголовное право. 2012. № 4. С. 114–119.
5. Маркина А. Н. Незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества: анализ причин и современное положение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4 (61). С. 49–53.

Информация об авторе

Д. Д. Вихарев – преподаватель кафедры предварительного расследования.

Information about the author

D. D. Vikharev – lecturer of the Department of preliminary investigation.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 21.10.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 21.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 40–44.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 40–44.

Научная статья
УДК 343.42

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Игорь Игоревич Кожевников

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова
ikozhevnikovvvvvv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам соотношения уголовной и административной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания, закрепленного в ст. 28 Конституции РФ. Автор рассматривает коллизии между нормами ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, связанные с неопределенностью в квалификации деяний, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих. Особое внимание уделено вопросам умысла, публичности, а также дифференциации составов преступления и административного правонарушения. Анализ судебной практики демонстрирует наличие неоднозначности в применении указанных норм, что порождает риск нарушения принципа справедливости и законности. Предлагаются пути совершенствования законодательства, направленные на обеспечение баланса между защитой религиозных ценностей и соблюдением конституционных прав граждан.

Ключевые слова: свобода совести, свобода вероисповедания, уголовная ответственность, административная ответственность, оскорбление религиозных чувств, умысел, публичность, конкуренция норм

Для цитирования: Кожевников И. И. Соотношение уголовной и административной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 40–44.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATING THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

Igor I. Kozhevnikov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov
ikozhevnikovvvvvv@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the relationship between criminal and administrative liability for violating the right to freedom of conscience and religion enshrined in Article 28 of the Constitution of the Russian Federation. The author examines normative collisions between Part 1 of Article 148 of the Russian Criminal Code and Part 2 of Article 5.26

of the Code of Administrative Offenses related to the lack of clarity in qualifying acts aimed at offending religious feelings. Special attention is paid to issues of intent, public nature of the act, and differentiation between criminal offences and administrative violations. Judicial practice demonstrates ambiguity in the application of these norms, leading to potential violations of the principles of fairness and legality. The paper proposes ways to improve legislation to ensure a balance between the protection of religious values and the observance of constitutional rights of citizens.

Keywords: freedom of conscience, freedom of religion, criminal liability, administrative liability, insult to religious feelings, intent, public nature of the act, norm collision

For citation: Kozhevnikov I. I. The relationship between criminal and administrative liability for violating the right to freedom of conscience and religion // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 40–44.

Религиозные и этнокультурные аспекты, традиционно занимая значимое место в социально-правовой системе российского общества, требуют системного правового регулирования, направленного на обеспечение конституционных гарантий свободы совести и вероисповедания, закрепленных в ст. 28 Конституции РФ. Данная норма, декларируя право каждого индивида исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, а также распространять религиозные или атеистические убеждения, формирует основу для балансирования интересов как верующих, так и неверующих лиц. Однако практика применения норм административного и уголовного права, обеспечивающих защиту указанных отношений, демонстрирует значительные коллизии, требующие детального правового анализа и концептуального переосмысления.

В целях обеспечения охраны конституционно значимых отношений, связанных с реализацией права на свободу совести и вероисповедания, законодатель ввел как уголовно-правовые, так и административные меры ответственности. Вместе с тем применение данных норм в правоприменительной практике сталкивается с рядом существенных трудностей, одной из которых является конкуренция норм – как внутри УК РФ, так и между нормами УК РФ и КоАП РФ.

Отметим, что в научной литературе неоднократно указывалось на терминологическую невыдержанность и избыточность уголовно-правовых норм, в том числе на неоправданно большое количество оценочных признаков, а также несогласованность между собой отдельных положений уголовного законодательства с другими законодательными актами [1].

В рассматриваемых случаях законодатель не установил четкой дифференциации между соответствующими составами административных правонарушений и преступлений, а также не определил критериев, позволяющих однозначно отграничить указанные деяния друг от друга. Такая неопределенность проявляется, в частности, в сравнении положений ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ с положениями ч. 1 и 2 ст. 5.26 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него и за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики, либо их порчу или уничтожение.

Кроме того, в описании анализируемых составов отмечается высокая степень семантического и конструктивного сходства, что порождает риск неоднозначного толкования и применения рассматриваемых норм. На практике это проявляется в том, что при формальном соответствии деяния признакам состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, но при наличии обстоятельств, свидетельствующих о его малозначительности, суды нередко прибегают к квалификации такого деяния по статье КоАП РФ. Например, Тверской суд Москвы признал Д. виновной по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ за публикацию в социальной сети своего фото

в полубожаженном виде на фоне Московского Кремля. При этом суд не усмотрел в этом действиях, направленных на оскорбление чувств верующих и образующих состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ*.

Подобная практика основывается на принципе целесообразности – уголовная ответственность должна применяться лишь в тех случаях, когда менее строгие меры воздействия оказались недостаточными для предотвращения повторной противоправной активности лица, а также когда имеются достаточные основания полагать наличие устойчивой общественной опасности личности виновного.

Не менее важным представляется вопрос о соотношении конкретных составов – ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ и ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ. Некоторые действия, указанные в административно-правовой норме, могут быть интерпретированы как объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, что ставит перед правоприменителем дополнительные задачи: во-первых, выяснить, какие именно действия, помимо перечисленных в ч. 1 ст. 5.26 КоАП РФ, могут быть отнесены к числу преступных; во-вторых, определить цели, которые преследуют лица, совершающие данные действия, и, соответственно, установить, в какой мере они направлены на оскорбление религиозных чувств верующих.

Следует также обратить внимание на умысел в действиях лица, поскольку совершение публичного акта осквернения религиозной святыни, особенно в условиях общественного внимания, предполагает наличие ясного понимания характера и последствий своих действий. Таким образом, если лицо сознательно направляет свои действия на публичное выражение неуважения к религиозным символам, то можно с уверенностью говорить о наличии прямого умысла, а также об осознании того, что такие действия оскорбляют религиозные чувства как присутствующих граждан, так и широкой общественности, получившей информацию о данном поступке через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети.

Подчеркнем, что в действующей системе юридической ответственности часть 2 ст. 5.26 КоАП РФ фактически выполняет функцию резервной нормы, которая применяется в тех случаях, когда невозможно достоверно установить наличие специальной цели – оскорбления религиозных чувств верующих. При этом возникает парадоксальная ситуация: действия, сопряженные с порчей или уничтожением религиозных атрибутов, квалифицируются как административное правонарушение, тогда как аналогичные действия, не включающие физического повреждения объектов, могут быть расценены как уголовно наказуемое деяние.

Такая дифференциация, основанная исключительно на наличии или отсутствии материального ущерба, вызывает серьезные сомнения в плане ее теоретической обоснованности и практической целесообразности. Следовательно, конструкция рассматриваемых норм позволяет допускать различную квалификацию одного и того же деяния в зависимости от индивидуальных усмотрений следователей, прокуроров и судей, что, в свою очередь, противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Одной из главных, на наш взгляд, правоприменительных сложностей является разграничение ст. 148 УК РФ с такими нормами, как ст. 213 УК РФ (хулиганство), ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти) и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ (осквернение религиозных атрибутов). Как отмечает И. А. Жамурзов, конкуренция норм обусловлена неоднозначностью критериев публичности и умысла, например действия, направленные на оскорбление религиозных чувств, могут одновременно содержать признаки хулиганства (нарушение общественного порядка) или экстремизма (ст. 282 УК РФ) [2, с. 72].

* Архив Тверского районного суда г. Москвы. Дело № 05–2247/2021. Постановление № 05–2247/2021 от 02.11.2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/admin/details/48ee22b0-3bb8-11ec-8996-bd079e318d2a> (дата обращения: 29.05.2025).

Анализ судебной практики показывает, что признак «явного неуважения к обществу», используемый в диспозиции ст. 148 УК РФ, часто интерпретируется слишком широко, что приводит к квалификации по данной статье деяний, которые могли бы быть рассмотрены в рамках административного законодательства. Например, комментарий в соцсети был признан уголовно наказуемым, несмотря на отсутствие очевидной связи между высказыванием и физическим проявлением оскорбления [3, с. 102].

Следует особо отметить, что законодатель, формулируя состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, использует термин «оскорбление», который в других составах преступлений (например, по ст. 297, 319 УК РФ) применяется для характеристики объективной стороны деяния. В данном же случае его использование направлено на описание цели преступного поведения, то есть на характеристику субъективной стороны правонарушения, что делает данную конструкцию специфической и отличающейся от общепринятой практики уголовно-правового описания составов преступлений.

Не менее значимым представляется и тот факт, что понятие «оскорбление» закреплено также и в административном законодательстве – в частности, как правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ. Согласно данной норме, под оскорблением понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме либо иным способом, противоречащим общепринятым нормам морали и этикета. Такая формулировка применяется не только в административно-правовой практике, но и при квалификации аналогичных действий в рамках уголовного права, что указывает на необходимость дифференциации подходов к трактовке данного понятия в зависимости от характера и тяжести совершенного деяния.

Некоторые авторы отмечают, что в правоприменительной практике недостаточно учитывается следующий аспект. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ, по замыслу законодателя, направлено не на посягательство на личные неимущественные блага конкретного лица (честь и достоинство), как это имеет место при административном оскорблении, а на религиозные ценности и объекты культа, обладающие самостоятельным значением и существующие независимо от индивидуальных чувств и отношения к ним со стороны верующих [4, с. 54]. В случаях же, когда унижение затрагивает честь и достоинство конкретного лица, исповедующего определенную религию, ответственность должна наступать в соответствии с положениями ст. 5.61 КоАП РФ. Если же оскорбление выражено в форме дискриминации либо явно связано с религиозной принадлежностью потерпевшего, то в зависимости от наличия или отсутствия у виновного лица ранее наложенного административного взыскания за аналогичное противоправное деяние может применяться либо статья 282 УК РФ, либо статья 20.31 КоАП РФ, что предполагает различный правовой режим ответственности в зависимости от тяжести совершенного деяния и его мотивации.

На наш взгляд, наиболее существенным недостатком ч. 1 ст. 148 УК РФ следует признать то, что она устанавливает неравные условия правовой охраны, предоставляя уголовно-правовую защиту исключительно религиозным чувствам верующих, в то время как иные, не менее значимые для общества и личности духовные и моральные ценности, в том числе атеистические убеждения либо светские мировоззренческие позиции, остаются вне поля правового регулирования.

Кроме того, возникают сомнения в том, что предусмотренное данной нормой деяние действительно представляет собой общественно опасное посягательство, достаточное для квалификации его в рамках уголовного права, что может рассматриваться в качестве одного из дополнительных аргументов в пользу изменений конструкции ст. 148 УК РФ.

Список источников

1. Антонова Е. Ю. К вопросу о научной обоснованности уголовно-правовой политики // Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы междунар. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения В. С. Комиссарова. Бишкек, 28–29 марта 2023 г. М.: Проспект, 2025. С. 43–48.

2. Жамурзов И. А. Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповедания и принцип равенства прав и свобод человека и гражданина // Теория и практика общественного развития. 2019. № 6 (136). С. 71–73.
3. Астапов С. Н. Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12(1). С. 98–103.
4. Иванчин А. В., Силантьев С. А. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 52–57.

Информация об авторе

И. И. Кожевников – начальник адъюнктуры.

Information about the author

I. I. Kozhevnikov – head of the post-graduate school.

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 03.12.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 03.12.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 45–49.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 45–49.

Научная статья
УДК 343.24

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Оксана Юрьевна Красовская

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов
krasovskaya_oks@mail.ru, ORCID: 0000–0001–9792–8849

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей назначения наказания несовершеннолетним. Рассмотрены теоретические представления о началах назначения наказания несовершеннолетним и обстоятельствах их назначения, проанализированы положения уголовного закона об общих и специальных правилах назначения наказания несовершеннолетним. Автор приходит к выводу о наличии проблем в регламентации и применении норм, регулирующих назначение наказания несовершеннолетним, что затрудняет профилактику преступного поведения. Общие правила назначения наказания не включают положений об индивидуализации наказания, в связи с этим нарушается индивидуальный подход к личности несовершеннолетнего. Предлагается расширить перечень обстоятельств, перечисленных в ст. 89 УК РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетний, предупреждение преступлений, общие начала назначения наказания, особенности назначения наказания, обстоятельства назначения наказания

Для цитирования: Красовская О. Ю. Роль специальных правил назначения наказания несовершеннолетним в профилактике преступного поведения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 45–49.

Original article

THE ROLE OF SPECIAL RULES FOR SENTENCING MINORS IN THE PREVENTION OF CRIMINAL BEHAVIOR

Oksana Yu. Krasovskaya

Saratov State Law Academy, Saratov,
krasovskaya_oks@mail.ru, ORCID: 0000–0001–9792–8849

Abstract. The article is devoted to the study of issues of the peculiarities of sentencing minors. The theoretical concepts of the principles of sentencing minors and the circumstances of their appointment are considered, the provisions of the criminal law on general and special rules for sentencing minors are analyzed. The author comes to the conclusion that there are problems

with the regulation and application of norms governing the imposition of punishment on minors, which makes it difficult to prevent criminal behavior. The general rules for sentencing do not include provisions on the individualization of punishment, and therefore an individual approach to the personality of a minor is violated. It is proposed to expand the list of circumstances listed in Art. 89 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: minor, crime prevention, general principles of sentencing, features of sentencing, circumstances of sentencing

For citation: Krasovskaya O. Yu. The role of special rules for sentencing minors in the prevention of criminal behavior // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 45–49.

Институт назначения наказания несовершеннолетним демонстрирует гуманное отношение к ним, а также позволяет профилировать их преступное поведение. Ввиду несформированности личностных характеристик ребенка, достигшего возраста уголовной ответственности, но совершившего преступление, ему назначается наказание, включая условную форму, позволяющее изменить негативные установки, для чего «в процессе профилактической работы с несовершеннолетними необходимо учитывать возрастные и психологические особенности» [1, с. 379].

Особенности назначения наказания несовершеннолетним закреплены в ст. 89 УК РФ. Анализ этих положений позволяет заключить, что к несовершеннолетним применяется институт назначения наказания согласно гл. 10 УК РФ с дополнениями, указанными в ст. 89 УК РФ. Однако в этих нормах нет положений об индивидуализации наказания.

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего можно выяснить, собирая данные о его родителях, об учебе (работе), о быте семьи, о том, как он проводит свободное время, о его интересах, поведении. Также необходимо знать о состоянии здоровья несовершеннолетнего, как физического, так и психического. Комплексная психолого-педагогическая экспертиза может установить возрастные особенности психики несовершеннолетнего. Как отмечает Е. Н. Холопова, судебно-психологическая экспертиза, определяя индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних, позволит установить предпосылки обстоятельств, которые повлияют на ответственность (ст. 61 и 63 УК РФ); на определение причин и условий, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ); на назначение наказания и его индивидуализацию (ч. 3 ст. 60 УК РФ)*.

Таким образом, суд обязан назначать для выяснения индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетнего психолого-педагогическую экспертизу. Если же судом такая экспертиза не назначается, то это говорит о нарушении установленной законодателем обязанности по ее проведению, о принятии решения без мнения экспертов.

В правоприменительной практике для изучения личности несовершеннолетнего преступника используются только характеристики с места жительства, с места учебы (работы), а этого явно недостаточно для всестороннего изучения личности несовершеннолетнего, а значит, и назначения справедливого наказания.

Представляется необходимым включение в перечень обстоятельств, установленных в ст. 89 УК РФ, такие обстоятельства, как поведение несовершеннолетнего в различных ситуациях, степень усвоения образовательной программы, особенности свободного времени, препровождения, его окружение, импульсивность, склонность к фантазированию и т. д.

Как отмечает Е. Г. Арфинкина, индивидуализация наказания несовершеннолетним позволяет учесть характер и степень общественной опасности совершенного преступления,

* Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 31.

особенности личности виновного, включая уровень его психического развития, условия его жизни и воспитания, характер влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства*.

В настоящее время отмечается факт расширения общих начал наказания в отношении несовершеннолетних. Так, суд при назначении наказания учитывает состояние здоровья несовершеннолетнего как обязательное обстоятельство. Выясняется, имеются ли у несовершеннолетнего хронические заболевания, травмы, инвалидность, состоит ли он на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансере и т. д. При рассмотрении дела суд, как важное обстоятельство, должен выяснить характер взаимоотношений несовершеннолетнего со взрослыми лицами, а именно их влияние на него.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что для того, чтобы назначить несовершеннолетнему справедливую меру наказания, необходимо достаточно полно изучить его индивидуальные психобиологические и социальные особенности. Следует учитывать, что несовершеннолетний – это психологически неустоявшаяся личность. Он может совершать порой необдуманные действия, принимать спонтанные либо навязанные другими лицами решения.

Как считает Е. Н. Кунц, «уголовные наказания должны быть ориентированы на исправление несовершеннолетних» [2, с. 215], при этом в ряде случаев суд может постановить приговор с условным осуждением. Условное осуждение (ст. 73 УК РФ) является распространенной мерой воздействия на осужденных, когда исправление последних возможно без реального отбывания наказания. При этом на несовершеннолетнего могут быть возложены обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, перечень которых неисчерпывающий. При возложении на несовершеннолетнего осужденного обязанностей суд должен руководствоваться принципом рациональности. Обязанности должны быть реальными, исполнимыми для несовершеннолетнего. При наложении на условно осужденного несовершеннолетнего определенных обязанностей суду необходимо помнить о том, что основной задачей таких обязанностей должно стать исправление несовершеннолетнего. При назначении обязанностей суд должен руководствоваться особенностями конкретной личности, принимать во внимание его круг общения, положение в семье.

Условное осуждение возможно без возложения на несовершеннолетнего обязанностей. Не все ученые согласны с такой позицией законодателя. Например, Е. А. Редькина считает, что не имеет смысла применять этот вид условного осуждения, т. к. на практике отмечается высокий уровень повторных преступлений, совершенных условно осужденными несовершеннолетними, если на них не налагались обязанности [3, с. 106]. По мнению А. Х. Валеева, «суды, применяя к несовершеннолетним норму об условном осуждении, делают это, не опираясь на надежный прогноз вероятности совершения нового преступления»**.

Анализ практики применения условного осуждения позволяет сделать вывод как о частоте его применении судами, так и о динамике снижения. В России несовершеннолетние осуждались к лишению свободы (иным видам наказаний) условно: в 2015 г. – 9467 (296), в 2016 г. – 9310 (378), в 2017 г. – 7916 (332), в 2018 г. – 7244 (280), в 2019 г. – 6350 (208), в 2020 г. – 5790 (201), в 2021 г. – 5786 (158), в 2022 г. – 5263 (153), в 2023 г. – 4190 (109), в 2024 г. – 3777 (78)***.

* Арефинкина Е. Г. Индивидуализация назначения наказания несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

** Валеев А. Х. Условное осуждение несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 21.

*** Отчет об осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2008–2024 годы. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 31.07.2025).

Вместе с тем, как отмечает Е. Н. Кожевникова*, институт условного осуждения несовершеннолетних позволяет без реального отбывания наказания сформировать навыки правопослушного поведения у несовершеннолетних, что может реализоваться в период испытательного срока.

Согласно ч. 3 ст. 73 УК РФ, при назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление.

В юридической литературе авторами высказываются различные точки зрения относительно продолжительности испытательного срока условного осуждения несовершеннолетних. Так, О. В. Полосухина указывает на то, что «испытательный срок для условно осужденных несовершеннолетних целесообразно устанавливать продолжительностью два года ... Более длительный испытательный срок вызывает у осужденного привыкание к контролю и снижает его воспитательно-профилактическое значение»**.

Следует обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе Российской Федерации нет нормы о порядке назначения условного осуждения несовершеннолетним. При назначении условного осуждения суд руководствуется положениями общей уголовно-правовой нормы об условном осуждении. В целях устранения данного пробела ряд ученых высказывается о необходимости включения в гл. 14 УК РФ ст. 89¹, которая бы регламентировала порядок применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, при назначении наказания несовершеннолетнему применяются общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), специальные правила (ст. 89 УК РФ), которые согласуются с международными документами, например, с Пекинскими правилами***. Вместе с тем в нормах указанных статей УК РФ не закреплено конкретного понятия об индивидуализации наказания несовершеннолетних. В связи с этим на практике суды руководствуются лишь перечисленными обстоятельствами, что приводит к нарушению индивидуального подхода к личности несовершеннолетнего при назначении наказания. Считаем необходимым расширить перечень обстоятельств, перечисленных в ст. 89 УК РФ, в целях индивидуализации наказания несовершеннолетнему.

Список источников

1. Кунц Е. В. Наказание, предупреждение и защита прав как направления борьбы с преступностью несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 4(64). С. 374–381.
2. Кунц Е. В. Проблемы назначения и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сб. тезисов выступлений и докладов участников междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (Рязань, 31 октября – 1 ноября 2024 г.). Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2024. С. 212–215.
3. Редькина Е. А. К вопросу об эффективности условного осуждения несовершеннолетних // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 106–107.

* Кожевникова Е. Н. Формирование жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2017. С. 9.

** Полосухина О. В. Условное осуждение к лишению свободы в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 12.

*** Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739166>.

Информация об авторе

О. Ю. Красовская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.

Information about the author

O. Yu. Krasovskaya – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of criminal and criminal executive Law.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 50–55.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 50–55.

Научная статья
УДК 343.9

МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЯХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Илья Викторович Никитенко

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
ORCID: 0009–0006–7406–7998, Researcher ID: KJM-5058–2024

Аннотация. В статье рассмотрены особенности моделирования механизма преступного поведения при совершении уголовно-противоправных деяний с использованием нейросетевых технологий. Представлен краткий аналитический обзор накопленных в современной криминологии знаний о механизме преступного поведения вообще и, в частности, с позиций выявления его особенностей в уголовно-противоправных деяниях, совершаемых посредством использования криминогенного потенциала электронно-информационных технологий, способных генерировать новую информацию в электронно-цифровой форме (digital content). Исследование механизма преступного поведения в связи с использованием нейросетевых технологий для совершения преступлений проводилось через рассмотрение криминогенного потенциала подобных программных ресурсов и возможностей их использования в криминальных целях.

Ключевые слова: генеративные технологии, дипфейки, нейросетевые технологии, контент, криминогенные факторы, механизм преступного поведения, преступления, цифровой обман

Для цитирования: Никитенко И. В. Механизм преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях с применением нейросетевых технологий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 50–55.

Original article

THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR IN CRIMINALLY UNLAWFUL ACTS USING NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES

Ilya V. Nikitenko

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk

ORCID: 0009-0006-7406-7998, Researcher ID: KJM-5058-2024

Abstract. The article discusses the features of modeling the mechanism of criminal behavior when committing criminally unlawful acts using neural network technologies. A brief analytical overview is presented of the knowledge accumulated in modern criminology about the mechanism of criminal behavior in general, and from the perspective of identifying its features in criminally unlawful acts committed through the use of criminogenic potential of electronic information technologies capable of generating new information in electronic and digital form (digital content), in particular. The study of the mechanism of criminal behavior in connection with the use of neural network technologies for committing crimes was conducted through consideration of the criminogenic potential of such software resources and the possibilities of their use for criminal purposes.

Keywords: generative technologies, deep fakes, neural network technologies, content, criminogenic factors, mechanism of criminal behavior, crimes, digital deception

For citation: Nikitenko I. V. The mechanism of criminal behavior in criminally unlawful acts using neural network technologies // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 50–55.

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) вообще и генеративных технологий в частности ставит перед государством и научным сообществом множество этических, организационных и правовых задач, связанных с обеспечением информационной безопасности личности, общества и государства, интересов и свобод граждан. В связи с этим в научном сообществе разворачиваются дискуссии о правовом статусе ИИ, включая его генеративные свойства, основным проявлением которых является воспроизводство новой информации в интересах тех, кто ставит подобные задачи перед электронно-информационной системой. Тем более что генерация подобных информационных ресурсов может осуществляться в преступных целях и использоваться как средство реализации преступных намерений либо повышать возможности преступника оставаться инкогнито, а соответственно, и уклоняться от уголовного преследования.

Из большинства информационных источников следует, что в самом общем смысле ИИ – это электронно-цифровая система, решающая некоторые интеллектуальные задачи, такие как распознавание языков и образов, аналитика полученных данных, обучение и т. п. Однако ИИ с генеративным ресурсом представляет собой более сложный уровень моделирования программного обучения, способный производить новый контент, соответствующий исходным запросам лиц, использующих нейросеть.

Таким образом, можно предположить, что уголовную ответственность за совершение преступлений с использованием генеративных возможностей ИИ должны нести те лица, которые непосредственно взаимодействовали с соответствующей программой при постановке задач в преступных целях. Вероятно и то, что подобное злонамеренное использование генеративных возможностей ИИ должно следовать из конкретных формулировок, используемых при постановке упомянутых задач.

Основываясь на материалах правоприменительной практики по делам о мошенничествах с использованием нейросетевых технологий, можно прийти к выводу, что в адресованном к генеративному ИИ запросу можно не увидеть прямой и непосредственной связи с объективной стороной преступления, в котором используется вновь сгенерированный контент [1]. Сам процесс формулирования и размещения в нейросетевых чатах запросов можно расценивать лишь как приготовление к тому или иному преступлению. Однако использование вновь сгенерированного контента для обмана потенциальной жертвы, запугивания или шантажа, при определенных уголовным законодательством обстоятельствах можно расценивать в качестве действий, образующих объективную сторону отдельных преступлений против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка [2]. Не вызывает сомнений и то, что при выявлении подобных фактов имеются все основания для их уголовно-правовой оценки.

Целесообразно отметить, что данная работа не предполагает описание технических аспектов взаимодействия преступника с нейросетью. Вероятно, что реализация подобной задачи возможна с позиций криминалистики, исследующей механизмы совершения различных преступлений, имеющие значение для совершенствования методики выявления, собирания, фиксации и исследования следов преступлений, приемов и методов раскрытия и расследования преступлений.

Относительно же механизма преступного поведения, необходимо сосредоточиться на основных криминологических свойствах этого явления, которые проявляются через взаимодействие личности потенциального преступника с объективной реальностью, что может стать основой для возникновения различных криминогенных ситуаций. Данные обстоятельства часто рассматриваются в криминологии с позиций причин и условий, приводящих к совершению тех или иных преступлений. Поэтому концепт механизма преступного поведения представляет собой наиболее сложную теоретическую парадигму современной криминологии.

В теоретической модели механизма преступного поведения основное внимание уделяется детерминантам (причинам и условиям) формирования подобного поведения, которые в современной криминологии часто рассматриваются как криминогенные факторы. К наиболее распространенным и укоренившимся в криминологии криминогенным факторам относят: социальные (социальную среду, в которой находится личность), экономические (материальную нужду и бедность, безработицу, неблагоприятные условия проживания и т. п.), политические (политическая и правовая нестабильность), культурные (господствующая в обществе система идеалов и морально-нравственных ценностей), психологические (индивидуальные особенности личности, психологические проблемы и иные обстоятельства, влияющие на нормальное развитие личности человека). Совокупность же таких факторов образует понятие факторного комплекса, влияющего на формирование преступного поведения. Содержание данной работы нацелено на краткое описание факторного комплекса, влияющего на формирование механизма преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях с использованием нейросетевых технологий.

Следуя логике исследования, целесообразно еще раз прибегнуть к этимологии понятия «механизм преступного поведения». В самом общем смысле значение понятия «механизм» можно выразить как обусловленную целеполаганием систему последовательных взаимодействий, направленных на достижение определенного результата. Экстраполируя такое понимание механизма на человеческое поведение в общем и преступное поведение в частности, можно констатировать, что эти явления, как правило, рассматриваются через призму взаимодействия объективных факторов и соответствующих этим факторам субъективных процессов, что само по себе весьма логично, так как осознанное поведение индивида представляет собой субъективное отображение объективной реальности.

Рассматривая механизм преступного поведения как систему взаимодействующих факторов, детерминирующих совершение уголовно наказуемого деяния, В. Н. Кудрявцев определил ряд элементов механизма умышленного преступления: мотивацию, планирование, исполнение и преступный результат [3]. Необходимо признать, что данная модель стала теоретическим основанием для дальнейших исследований, связанных с моделированием механизмов преступного поведения относительно умышленных уголовно-противоправных деяний.

В развитие данного теоретического концепта В. В. Лунеев отмечал, что мотивации предшествует формирование потребности в совершении преступления, которая под воздействием внешних факторов оказывает влияние на формирование преступной мотивации. Мотивы умышленного преступления взаимосвязаны с определением преступных целей и возможностей их достижения. Далее, по мнению ученого, может последовать мыслительный процесс, связанный с прогнозированием возможного преступного результата, что в итоге оказывает влияние на принятие решения реализовать преступные намерения [4]. Вероятно, что следующие компоненты, определяющие содержание механизма преступного поведения, обуславливают взаимосвязь интеллектуального и волевого аспектов в реализации преступных намерений, так как решение совершить преступление воплощается в конкретном преступном деянии. Заключительным компонентом механизма преступного поведения, по В. В. Лунееву, является так называемое посткриминальное поведение преступника [5].

Из содержания данной модели видно, что она, по сути, лишь раскрывает предложенную академиком В. Н. Кудрявцевым концепцию, за исключением, пожалуй, заключительного этапа, который следует за осознанием преступником результата уголовно наказуемого деяния. Относительно же посткриминального поведения преступника необходимо отметить, что в криминологии, как и в уголовном праве, рассматриваются два варианта такого поведения: позитивное, то есть направленное на снижение общественной опасности совершенного преступления, и негативное, которое может заключаться в действиях по уклонению от уголовной ответственности либо в другом посткриминальном поведении, отягчающем ответственность.

Выдвинутые учеными концепции по смыслу весьма напоминают описание стадий развития субъективной стороны умышленного преступления: формирование намерения совершить преступление, преступная мотивация и определение целей, которые могут сопровождаться обнаружением умысла, что в теории уголовного права часто называют конкретизацией или направленностью умысла. В связи с этим целесообразно отметить, что в работах В. В. Лунеева предложенная им модель часто называется механизмом индивидуального преступного поведения в умышленном преступлении. Вероятно, что аналогичный механизм в неосторожном преступлении выглядел бы иначе, особенно когда речь идет о преступлениях с так называемой двойной (сложной) формой вины либо о преступлениях со смешанной виновностью. Как известно, в таких вариантах умышленная вина возможна лишь по отношению к самому деянию, которое, по мнению законодателя, является предикатным относительно последствий.

Краткий аналитический обзор теоретических аспектов, раскрывающих содержание понятия «механизм преступного поведения», позволяет перейти к моделированию возможного преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях с применением нейросетевых технологий.

Решая поставленную задачу, прежде всего целесообразно отметить, что сгенерированная через использование нейросетевых технологий цифровая продукция может быть представлена в форме графических изображений, звуков, текстов, их сочетаний и комбинаций. Очевидно и то, что генерация подобных цифровых продуктов делает возможным их использование в преступных целях. Необходимо обратить внимание и на те объективные факторы, которые влияют на формирование преступной заинтересованности и решимости совершения различных преступлений, в которых криминогенный потенциал таких технологий имеет определяющее значение. Какие же преступления имеются в виду? В экспертном сообществе

сложилось устойчивое мнение, что большинство из преступлений, совершаемых через криминальное применение генеративных возможностей нейросетевых технологий, совершаются посредством так называемого цифрового обмана. К наиболее распространенным формам цифрового обмана относят дипфейки (цифровое клонирование образов и звуков), генерацию фальшивых голосовых сообщений, фишинговые сайты и т. п. [6]. В обобщенном виде перечисленные формы цифрового обмана есть не что иное, как преднамеренное использование вновь созданного (синтезированного) контента для введения в заблуждение потенциальной жертвы преступного посягательства.

Судя по материалам отечественной и зарубежной правоприменительной практики, посредством цифрового обмана кроме наиболее распространенного цифрового мошенничества могут быть совершены любые преступления, когда ложное восприятие объективной реальности способствует достижению преступного результата, на который рассчитывает преступник. Кроме преступлений против собственности (преимущественно мошенничества, кражи, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) цифровой обман может быть использован в любых преступлениях, где он является средством реализации преступных намерений. Это, прежде всего, преступления, связанные с распространением информации, заведомо ложной, порочащей и иной, способной причинить существенный вред либо создать угрозу причинения такого вреда интересам личности, общества и государства.

Несомненно, эффективное противодействие таким преступлениям возможно при условии четкого представления механизма формирования и реализации преступных намерений. Вместе с тем следует обратить внимание на завершающие компоненты в механизме преступного поведения при совершении рассматриваемых деяний, такие как оценивание преступного результата и выбор возможных вариантов посткриминального поведения.

С опорой на накопленные теоретические и прикладные знания о криминологической парадигме механизма преступного поведения логично предположить, что посредством анализа объективных и субъективных криминогенных факторов, которые влияют на развитие индивидуальной преступной деятельности, можно смоделировать механизм преступного поведения относительно любого умышленного преступления. Относительно же преступлений, совершаемых с использованием нейросетевых технологий, необходимо отметить ряд особенностей в реализации их объективной стороны, которые существенно отличают эти деяния от иных умышленных преступлений, имеющих сопоставимые признаки.

Очевидно, что преступники, использующие «цифровой обман» для реализации преступных намерений, не контактируют с потенциальными жертвами непосредственно, как это имеет место при совершении обычных преступлений, объективная сторона которых также состоит из обмана или злоупотребления доверием, но в обычной, не связанной с использованием цифрового контента форме. Подобное опосредованное взаимодействие преступников и жертв значительно повышает скрытность деяний и осложняет выявление первых, что существенно повышает их возможности избежать уголовного преследования. Это же способствует и формированию стойкого убеждения безнаказанности и мнимой отстраненности от преступных событий, которые происходят вне традиционных причинно-следственных связей. Известно, что многие из рассматриваемых преступлений совершаются с использованием так называемых чат-ботов – специальных программ, которые в режиме «инкогнито» совершают телефонные звонки неопределенному кругу лиц по принципу случайной выборки. Такой способ выявления потенциальных жертв среди случайных абонентов значительно расширяет криминальный потенциал телефонных мошенников и других преступников, использующих подобные цифровые технологии. Кроме того, эти программные комплексы способны анализировать значительные объемы сведений, выявляя слабые места в системах обеспечения информационной безопасности для получения доступа к персональным данным.

Массовость, скрытность, безнаказанность и широкая вариативность реализации криминальных задач при совершении преступлений с использованием нейросетевых технологий существенно влияют на механизм преступного поведения при совершении таких уголовно-противоправных деяний. Есть основания полагать, что эти криминогенные факторы значительно усиливают влияние на формирование преступной мотивации и решимости совершать подобные деяния. При этом первый из компонентов механизма индивидуального преступного поведения, а именно потребность в совершении рассматриваемых преступлений, может оставаться неизменной ввиду органичной взаимосвязи с коренными причинами (детерминантами) тех или иных преступлений, безотносительно способов их совершения.

Факторы, влияющие на формирование потребности совершить и обычное мошенничество, и мошенничество с применением цифрового обмана, могут быть схожими. Это связано с тем, что потребность совершения любого корыстного преступления вызвана стремлением удовлетворить индивидуальные материальные запросы за счет противоправного присвоения чужого имущества. То же отмечается в отношении иных преступлений, совершение которых может быть связано с применением нейросетевых технологий (преступления против личности, общественного порядка и общественной безопасности, государственной власти и т. д.). Известно, что потребность совершения упомянутых преступлений формируется под влиянием основных криминогенных факторов, вне зависимости от средств либо способов их совершения. Так, например, факторы, влияющие на формирование потребности совершить преступление против жизни и здоровья, – зависть, ревность, месть – не имеют значения для того, как именно будут реализованы преступные намерения. Однако известно и то, что часто в качестве отягчающих ответственность обстоятельств рассматриваются те преступные способы и средства, которые способны повысить общественную опасность преступных деяний. Очевидно, что целенаправленное использование криминальных возможностей нейросетевых технологий при совершении тех или иных преступлений может рассматриваться с позиций усиления мер уголовной ответственности.

Список источников

1. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Анализ судебной практики установления обстоятельств в случаях противоправного распространения генеративного контента, созданного с помощью технологий искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2024. № 1.
2. Калашников Н. А., Козлова О. Е. Анализ и выявление экстремистских рисков в работе нейросетей // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов I междунар. науч.-практ. конф.: В 6 т. Казань, 23 сентября 2022 г. / под ред. И. Р. Бегешева [и др.]. Казань: Познание, 2022. Т. 4. С. 280–284.
3. Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии: учеб. пособие. М.: Юрист, 2017. 188 с.
4. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
5. Там же.
6. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 26–41.

Информация об авторе

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

I. V. Nikitenko – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of the Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 16.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 56–65.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 56–65.

Научная статья

УДК 343.9

ДИПФЕЙК-ТЕХНОЛОГИИ КАК ВЫЗОВ СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Оксана Владимировна Пяткова¹, Михаил Васильевич Жерновой²

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург

² Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, Владивосток

¹ vladivostok.80@mail.ru, ORCID: 0000–0003–4905–2154

² artemdvgu@ya.ru.

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу угроз, порождаемых распространением дипфейк-технологий. В условиях правового вакуума и технологического совершенствования синтетического контента возникает беспрецедентная эскалация рисков в сфере киберпреступности. На основе анализа зарубежного и отечественного опыта авторы выявляют ключевые направления криминального использования дипфейков (сексуальная эксплуатация, финансовое мошенничество, информационные манипуляции) и систематизируют проблемы для правосудия: подрыв авторитета правоохранительных органов, процессуальные сложности доказывания, технические риски фальсификации доказательств. В заключение обосновывается необходимость комплексного подхода к противодействию, включающего криминализацию преступного использования дипфейков, развитие медийно-информационной грамотности и международное сотрудничество.

Ключевые слова: дипфейки, правовое регулирование, генеративный искусственный интеллект, цифровое доверие, медийно-информационная грамотность, киберпреступность, детекция контента, дезинформация, цифровая безопасность

Для цитирования: Пяткова О. В., Жерновой М. В. Дипфейк-технологии как вызов системе уголовной юстиции: криминологические риски и направления совершенствования правового противодействия // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 56–65.

Original article

DEEPPFAKE TECHNOLOGIES AS A CHALLENGE TO THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM: CRIMINOLOGICAL RISKS AND DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGAL COUNTERMEASURES

Oksana V. Pyatkova¹, Mikhail V. Zhernovoy²

¹ Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia

² Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov, Vladivostok

¹ vladivostok.80@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4905-2154

² artemdvgu@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the criminological analysis of threats generated by the spread of deepfake technologies. In the context of a legal vacuum and the technological improvement of synthetic content, an unprecedented escalation of risks in the field of cybercrime is emerging. Based on the analysis of foreign and domestic experience, the authors identify the main areas of criminal use of deepfakes (sexual exploitation, financial fraud, information manipulation) and systematize the problems for justice: undermining the authority of law enforcement agencies, procedural difficulties of proof, and technical risks of evidence falsification. In conclusion, the necessity of a comprehensive counteraction approach is substantiated, including the criminalization of the criminal use of deepfakes, the development of media and information literacy, and international cooperation.

Keywords: deepfakes, generative AI, digital trust, media literacy, legal regulation, cybercrime, content detection, disinformation, digital security

For citation: Pyatkova O. V., Zhernovoy M. V. Deepfake technologies as a challenge to the criminal justice system: criminological risks and directions for improving legal countermeasures // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 56–65.

Современный этап развития цифровых технологий характеризуется беспрецедентной эскалацией угроз, связанных с использованием дипфейков. 2024 год стал переломным моментом, когда технология искусственного интеллекта достигла такого уровня совершенства, что позволяет создавать практически неотличимые от реальности поддельные видео-, аудио- и графические материалы*. Проблема исследования заключается в том, что существующие правовые механизмы оказываются недостаточно эффективными для противодействия рискам, связанным с распространением дипфейк-контента. Как показывает анализ текущего законодательства, в Российской Федерации, как и во многих других юрисдикциях, отсутствует комплексное регулирование вопросов ответственности за вред, причиняемый использованием данных технологий.

На наш взгляд, представляет интерес проведенное группой ученых исследование, которые первоначально идентифицировали 1355 научных публикаций по теме дипфейков. Финальная выборка составила 44 наиболее релевантных исследования. Географический анализ публикаций показал доминирование исследований, посвященных системе правосудия США (68 % работ). Значительно меньшее количество исследований охватывает правовые системы

* Smith S. (Dec 30, 2024). The Year Of The Deepfake: Combating Digital Deception In 2024 And Beyond Forbes Tech Council. URL: <https://www.forbes.com/councils/forbestechcouncil/> (дата обращения: 03.08.2025).

Великобритании (19 %) и других стран (13 %). Тематический анализ выявил три основных направления преступной деятельности с использованием дипфейков: сексуальная эксплуатация (порнографический контент и материалы насилия – 42 % случаев), финансовое мошенничество (33 %) и информационные манипуляции (25 %) [1]. Авторами сформулированы ключевые проблемы для системы правосудия, которые структурированы по трем категориям:

1) подрыв авторитета судебных и правоохранительных органов, девальвация концепции объективной истины;

2) проблемы процессуального характера (трудности атрибуции, сложности в построении доказательной базы);

3) технические риски (фальсификация и манипуляция цифровыми доказательствами).

Все перечисленное усугубляется такими факторами, как низкий уровень технологической грамотности участников процесса, высокая доступность генерации дипфейков, отсутствие стандартизированных методов верификации.

Необходимость разработки эффективных механизмов противодействия дипфейкам становится императивом современной цифровой эпохи. Современные технологии искусственного интеллекта создают фундаментальный парадокс: с одной стороны, ИИ-агенты становятся неотъемлемой частью экономики (к 2028 г. они будут участвовать в 33 % корпоративных решений), с другой – их распространение подрывает традиционные механизмы доверия. Исследования подтверждают прямую связь между уровнем доверия и экономическим ростом: увеличение доверия на 10 % дает прирост ВВП на 0,5 %. Однако в цифровую эпоху привычные модели формирования доверия (личный опыт, репутация) перестают работать*. Теперь нам нужно понять, на чем оно должно строиться в цифровую эпоху. Решение требует не только технологических инноваций, но и создания новых социальных институтов, способных поддерживать доверие в цифровой среде.

Главное отличие дипфейков от обычных подделок – их можно штамповать автоматически тысячами. Если для создания «простых фейков» (shallowfakes) нужен человек и много времени, то дипфейки, благодаря ИИ, могут производиться промышленными партиями, как на конвейере. Это открывает ящик Пандоры для злоупотреблений: ботнеты способны одновременно генерировать колоссальные объемы фальшивок. По масштабам угрозу можно сравнить с массовым фишингом или автоматизированными мошенническими звонками, но здесь риски куда серьезнее. Во-первых, возможности таргетированного воздействия на конкретные социальные группы; во-вторых, использование рекламных технологий для точного попадания в целевую аудиторию; в-третьих, переход от индивидуального мошенничества к общесоциальным манипуляциям [2]. Например, злоумышленники активно используют фальсифицированные веб-ресурсы, имитирующие интерфейсы популярных онлайн-сервисов, банковских платформ, логистических компаний и социальных сетей. Современные технологии искусственного интеллекта существенно усовершенствовали фишинговые атаки, что позволило создавать персонализированные сообщения, не отличимые от человеческой коммуникации и значительно повышающие эффективность противоправной деятельности. Дополнительным инструментом киберпреступников выступают вредоносные боты, которые, согласно исследованию НИУ ВШЭ, в 2023 г. генерировали 49,6 % всего сетевого трафика, причем 32 % от общего объема приходилось на злонамеренную активность, направленную на компрометацию корпоративных ресурсов, кражу персональных данных, проведение финансовых махинаций и репутационные атаки.

Анализ многочисленных исследований показал, что дипфейк представляет собой синтетический медиаконтент, созданный с применением передовых алгоритмов искусственного интеллекта, включая методы глубокого обучения и генеративно-состязательные сети (GAN) [3],

* Shkharun I. (Jul 25, 2025). Trust is the new currency in the AI agent economy. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/07/ai-agent-economy-trust/> (дата обращения: 03.08.2025).

которые позволяют осуществлять высокоточную манипуляцию аудиовизуальными данными. Данная технология интегрирует достижения компьютерного зрения, нейронных сетей и машинного обучения, обеспечивая реалистичную замену лиц, синтез голоса, модификацию видео и генерацию виртуальных персонажей.

В Законе Европейского союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act, AIA) дипфейк – это сгенерированное искусственным интеллектом или обработанное изображение, аудио- или видеоконтент, который похож на реальных людей, объекты, места, сущности или события и может показаться человеку подлинным или правдивым*. Однако в определении отсутствуют конкретные положения об инструментах обнаружения дипфейков.

С психологической точки зрения дипфейки характеризуются двойственным воздействием: с одной стороны, они демонстрируют повышенную убедительность для аудитории, чьи установки совпадают с содержанием сообщения, с другой – их восприятие опосредуется предшествующим когнитивным опытом реципиентов. Этот парадокс, известный в когнитивной психологии как «эффект подтверждения предубеждений», создает уникальные вызовы для современной медиасреды.

Такая двойственность восприятия объясняет, почему современная информационная среда становится все более сложной и насыщенной манипулятивными технологиями. Вирусная ложь, дипфейки, эмоционально заряженный контент – все это формирует комплексную угрозу для критического восприятия информации, требуя переосмысления традиционных моделей медиапотребления. В этих условиях способность анализировать и оценивать данные превращается в ключевой навык, необходимый не только для личной безопасности, но и для устойчивости общества в целом.

Медийная и информационная грамотность (МИГ) вышла за рамки узкопрофессиональной компетенции, трансформировавшись в глобальный приоритет. Как подчеркивается в отчете Всемирного экономического форума (2025), она признана основой демократического дискурса, социальной сплоченности и общественного доверия**. Этот переход отражает фундаментальное изменение парадигмы – от восприятия МИГ как набора технических навыков к ее пониманию как основы «цифрового гражданства»***. Без этих навыков пользователи остаются уязвимыми перед тремя взаимосвязанными угрозами: алгоритмическими манипуляциями, коммерческими интересами платформ и целенаправленными дезинформационными кампаниями. Именно эта триада факторов составляет основу современного кризиса цифрового доверия, требуя системных решений на стыке технологического регулирования и образовательных стратегий. Разрозненные образовательные инициативы, ориентированные преимущественно на молодежь, уже не справляются с вызовами цифровой эпохи. Необходима интеграция МИГ в программы непрерывного обучения, корпоративные тренинги, государственную политику и разработку цифровых сервисов.

Особую актуальность этот вопрос приобретает в условиях стремительного развития генеративного ИИ, который стирает грань между реальностью и фальсификацией. Например, в п. 133 Закона Европейского союза об искусственном интеллекте четко указано: «Различные системы искусственного интеллекта могут генерировать большие объемы синтетического контента, который людям становится все труднее отличать от контента, созданного людьми, и от подлинного контента. Широкая доступность и растущие возможности этих систем

* URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 05.08.2025).

** Bechtold L. (Jul 29, 2025). Why AI literacy is crucial for safe, inclusive and strategic AI transformation. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/stories/> (дата обращения: 10.08.2025).

*** Набор ценностей, принципов и моделей поведения, которых должны придерживаться люди при взаимодействии с цифровыми технологиями и онлайн-платформами. Включает в себя не только технические навыки, но и социальные, культурные и моральные аспекты ответственного и этичного использования Интернета. См.: Excel L. (February 28, 2025) What are the 9 elements of digital citizenship? URL: <https://laurieexcell.com/> (дата обращения: 11.08.2025).

оказывают значительное влияние на целостность и доверие к информационной экосистеме, создавая новые риски, связанные с дезинформацией и масштабными манипуляциями, мошенничеством, выдачей себя за другое лицо и обманом потребителей». По мнению М. Лабуза, данное определение позволяет четко обозначить риски, связанные с дипфейками, а также повысить осведомленность и объяснить, почему вообще существует риск, связанный с манипулированием медиа [4].

Согласно докладу Всемирного экономического форума (2025) «Переосмысление медиаграмотности: новая экосистемная модель обеспечения целостности информации», современные подходы к МИГ должны учитывать многоуровневые механизмы воздействия и восполнять существующие пробелы*. Особую значимость приобретает развитие медиаграмотности среди населения, а также формирование культуры критического восприятия информации. Ключевым фактором в данном процессе является взаимодействие между различными институтами, включая медиаструктуры и общественные организации [5].

В основе этой новой модели лежит интеграция двух взаимодополняющих концептуальных подходов: жизненного цикла дезинформации и социально-экологической модели. С точки зрения научного анализа предложенная социально-экологическая модель представляет системный подход к изучению механизмов распространения и противодействия дезинформации. Эта модель обладает рядом значимых преимуществ: ее многоуровневость позволяет осуществлять комплексный анализ проблемы дезинформации – от индивидуальных когнитивных процессов до макросоциальных структур. Четкая структуризация факторов влияния (от индивидуального до политического уровня) создает методологическую основу для разработки адресных интервенций, а акцент на взаимосвязи уровней отражает современные представления о сложности социальных систем в цифровую эпоху. Кроме того, учет как формальных (институты), так и неформальных (межличностные связи) каналов распространения информации повышает объяснительный потенциал модели. Однако данная модель имеет и определенные ограничения: в ней неявно предполагается линейность влияния между уровнями, тогда как в реальности могут наблюдаться нелинейные взаимосвязи. Кроме того, недостаточно проработан механизм обратного влияния низших уровней на высшие, а также отсутствует четкое описание взаимодействия между уровнями, что затрудняет эмпирическую верификацию. Также политический уровень представлен обособленно, без учета его связей с другими уровнями.

Несмотря на указанные ограничения, модель обладает значительным эвристическим потенциалом: она может служить основой для разработки комплексных программ медиаграмотности, создания многоуровневых систем мониторинга дезинформации и формирования межсекторальных стратегий противодействия ложному контенту.

Для дальнейшего развития модели представляется целесообразным уточнить механизмы межуровневого взаимодействия, разработать инструменты количественной оценки влияния факторов разных уровней, учесть кросскультурные различия в проявлении описанных закономерностей.

В рамках исследования феномена дезинформации авторы предлагают структурировать ее жизненный цикл, выделив ключевые этапы, каждый из которых требует специфических мер противодействия. Это позволит минимизировать как производство, так и распространение ложных нарративов**.

1. Этап, предшествующий созданию дезинформации. На данном этапе формируются социокультурные предпосылки, определяющие степень уязвимости общества к дезинформации.

* World Economic Forum (July 2025). Rethinking media literacy: A new ecosystem model for information integrity. Insight report July 2025. URL: <https://reports.weforum.org/docs/> (дата обращения: 11.08.2025).

** Havlicek S., Dobrygowski D. (Jul 21, 2025). Why media and information literacy are essential in the age of disinformation. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/stories/> (дата обращения: 03.08.2025).

К ключевым факторам относятся: нормативно-ценностные установки – степень развитости этических стандартов и представлений о медиаграмотности; уровень общественного сознания – осведомленность о механизмах манипуляции и критическое восприятие информации; правовые и социальные механизмы ответственности – наличие регуляторных и саморегуляторных инструментов, сдерживающих производство ложного контента. Именно от этих условий зависит, станет ли информационная среда благоприятной для распространения дезинформации или окажется устойчивой к ее внедрению.

2. Этап создания дезинформации. Анализ данного этапа предполагает рассмотрение технологических и инфраструктурных факторов, способствующих генерации ложных нарративов. Среди ключевых аспектов выделяются: доступность инструментов создания контента – снижение барьеров для производства медиаматериалов с высокой степенью воздействия, включая фальсифицированные изображения, видео и тексты; развитие генеративного искусственного интеллекта – ускорение процессов создания дезинформации, повышение ее правдоподобия и адаптивности под целевые аудитории. Указанные факторы обуславливают необходимость разработки технологических (например, цифровые водяные знаки, детекция синтетического контента) и регуляторных мер (правовые ограничения на злоупотребление ИИ, требование к прозрачности источников). При этом важно учитывать, что ужесточение контроля может конфликтовать со свободой создания легитимного контента, что требует взвешенного подхода.

3. Этап распространения. На данной стадии ключевым фактором выступают цифровые платформы, алгоритмы которых детерминируют виральность контента. В рамках анализа необходимо учитывать следующие аспекты:

- алгоритмическое продвижение – механизмы ранжирования и рекомендательные системы, объективно способствующие усилению дезинформационных трендов;
- структурные ограничения платформ – отсутствие прозрачности в модерации и распределении контента, создающее условия для бесконтрольного распространения дезинформации;
- нормализация ложных нарративов – их интеграция в публичный дискурс посредством многократного воспроизведения и косвенной легитимации через авторитетные источники.

Ключевым направлением противодействия выступают разработка нормативных требований к алгоритмической прозрачности и внедрение независимого аудита систем ранжирования, создания стимулов для платформ к ответственному управлению контентом.

4. Этап потребления. Исследование данной фазы предполагает анализ когнитивных и поведенческих механизмов взаимодействия пользователей с информацией. Ключевые направления работы включают: формирование критического мышления, т. е. развитие навыков верификации данных и медиаграмотности; снижение когнитивной уязвимости, т. е. применение поведенческих интервенций для противодействия когнитивным искажениям и разработка цифровых решений, визуализирующих признаки манипулятивного контента; эмпауэрмент пользователей, т. е. создание доступных инструментов самостоятельной проверки информации (факт-чекинг платформы, браузерные расширения), стимулирование гражданской активности в противодействии дезинформации. Системный подход на данном этапе требует координации между образовательными институтами, технологическими компаниями и гражданским обществом.

5. Постпотребление (долгосрочные последствия). Дезинформация характеризуется пролонгированным эффектом, что обуславливает необходимость разработки стратегий постфактумного реагирования. Ключевые направления включают: оценку долгосрочного ущерба (анализ влияния на индивидуальное и коллективное сознание); адаптационные меры (разработка программ психолого-коммуникационной поддержки для пострадавших групп; внедрение коррекционных коммуникационных стратегий для нивелирования ошибочных убеждений);

укрепление системной устойчивости (создание механизмов оперативного реагирования на новые угрозы (системы раннего предупреждения); формирование институциональной памяти о кейсах дезинформации для предотвращения рецидивов).

Предложенная модель жизненного цикла дезинформации обеспечивает системную основу для разработки адресных мер противодействия на каждом этапе. Реализация комплексного подхода, интегрирующего технологические, образовательные и регуляторные инструменты, способна существенно снизить как генерацию, так и социальное воздействие ложных нарративов.

Развитие медийно-информационной грамотности следует рассматривать не как индивидуальную компетенцию, а как ключевой элемент цифровой устойчивости общества. Ниже представлена многоуровневая модель ее формирования.

1. Институциональный уровень: интеграция в образовательные стандарты всех уровней, разработка государственных программ цифровой грамотности, создание системы сертификации образовательных продуктов, работа с группами риска, предоставление консультативной помощи [6, с. 19; 7].

2. Технологический уровень: разработка интерактивных платформ обучения, внедрение инструментов верификации в популярные сервисы, создание открытых баз данных фейковых нарративов.

3. Международное сотрудничество: гармонизация стандартов медиаграмотности, обмен лучшими практиками противодействия, совместные исследовательские инициативы. Необходимы скоординированные действия на глобальном уровне, включая образовательные реформы, технологические решения и международное сотрудничество. Для эффективного противодействия угрозе дипфейков при сохранении цифровых свобод необходим сбалансированный подход, включающий технические решения (алгоритмы детекции нового поколения, системы цифровых водяных знаков, децентрализованные механизмы верификации), этико-правовые аспекты (четкое определение границ допустимого использования, механизмы прозрачности для исследовательских проектов, гарантии защиты прав добросовестных пользователей), адаптивное управление и четкую подотчетность во всей экосистеме дипфейков [8].

В настоящее время в России ведется активная разработка правовых механизмов регулирования технологий искусственного интеллекта, включая проблематику дипфейков. Среди ключевых направлений правовой дискуссии выделяются предложения о расширении перечня личных неимущественных прав за счет введения «права на голос» в регулировании синтеза речи по аналогии с объектами интеллектуальной собственности, а также о признании голоса и изображения биометрическими персональными данными при их обработке нейросетевыми алгоритмами. Параллельно обсуждаются меры по усилению ответственности за правонарушения с использованием технологий глубокого обучения и введению обязательной маркировки синтетического контента. Однако, несмотря на многообразие предложений, консенсус относительно оптимальной модели регулирования пока не достигнут. Отсутствие четкого нормативного определения данного феномена в отечественном законодательстве создает существенные пробелы в правовой защите общественных отношений [9]. Первоочередной задачей в данном контексте представляется легальное закрепление понятия «дипфейк» с учетом его технологических особенностей. Нормативное определение должно учитывать как технологическую специфику (применение генеративных adversarial сетей), так и формы проявления (аудио-, видео-, фотоконтент) [10].

Проведенный анализ современной правоприменительной практики свидетельствует о недостаточной эффективности существующих правовых механизмов противодействия рискам, связанным с распространением дипфейк-контента. Характерно, что даже в юрисдикциях, принявших специальные нормативные акты в сфере искусственного интеллекта (ИИ), вопросы

возмещения вреда остаются недостаточно разработанными. Как показывает анализ текущего состояния законодательства*, в Российской Федерации, как и в большинстве стран, отсутствует комплексное регулирование ответственности за вред, причиняемый использованием данных технологий [11]. Это подтверждается отсутствием специальных составов преступлений, неопределенностью субъекта ответственности, сложностями доказывания причинно-следственных связей. Существующий правовой вакуум создает угрозы для защиты персональных данных, деловой репутации граждан, а также противодействия новым формам киберпреступности. Для эффективного противодействия указанным вызовам требуется многоуровневое регулирование, включающее нормы уголовного, гражданского и административного права. Уголовное законодательство должно предусматривать ответственность за умышленное причинение вреда с использованием дипфейков, тогда как гражданское право – механизмы компенсации ущерба и санкции против создателей и распространителей подобного контента.

Совершенствование охранительных механизмов требует комплексного подхода, включающего модернизацию уголовного законодательства. Как свидетельствует анализ правоприменительной практики, существующие нормы Уголовного кодекса РФ не учитывают повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых с использованием дипфейк-технологий. В связи с этим представляется необходимым, во-первых, ввести специальные составы преступлений, связанных с созданием и целенаправленным распространением вредоносного дипфейк-контента; во-вторых, разработать квалифицирующие признаки для преступлений, совершаемых с применением данных технологий (технологий глубокого обучения, генеративного ИИ); в-третьих, установить повышенные меры ответственности за такие деяния.

Мы разделяем мнение ученых о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, предусматривающих квалифицирующий признак (отягчающее обстоятельство) – «совершение преступления с использованием дипфейк-технологий» [12, с. 103; 13], ряда преступлений, таких как клевета, вымогательство, мошенничество (ст. 159, 159¹ УК РФ), разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны, распространение ложной информации (ст. 207¹, 207² УК РФ), изготовление и оборот порнографических материалов (ст. 242, 242¹ УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) [14, с. 144]. Однако криминализации должна подлежать не сама технология, а исключительно ее преступное использование при совершении противоправных деяний. Мы поддерживаем позицию Е. В. Зотиной, согласно которой применение информационно-телекоммуникационных технологий может выступать квалифицирующим признаком только в том случае, если оно: 1) носит высокотехнологичный характер; 2) способствует ускоренному, упрощенному, массовому, но при этом персонифицированному и анонимному совершению преступления; 3) причиняет либо способно причинить более значительный вред по сравнению с аналогичными деяниями, без использования

* Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»; Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025 № 336-ФЗ); Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»; Федеральный проект «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию от 27.08.2020 № 17, приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»; Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" и в Национальную стратегию, утвержденную этим указом».

таких технологий»*. Параллельно требуется совершенствование административно-правового регулирования, поскольку действующие нормы КоАП РФ не содержат специальных составов правонарушений, связанных с распространением дипфейков. В связи с этим представляется необходимым введение специальных административных составов правонарушений; разработка механизмов оперативного удаления противоправного контента; установление четких процедур привлечения к ответственности распространителей.

В современных условиях особую актуальность приобретает международное сотрудничество в сфере противодействия криминальному использованию искусственного интеллекта. Это требует выработки согласованных подходов по нескольким ключевым направлениям: во-первых, формирование адаптивных механизмов этико-правового регулирования развития и применения ИИ на глобальном уровне; во-вторых, создание эффективной системы защиты прав интеллектуальной собственности от незаконного использования ИИ-технологий, включая вопросы патентования научных разработок; в-третьих, разработка комплексных мер по предупреждению и нейтрализации преступных угроз, связанных с ИИ; в-четвертых, совершенствование международных механизмов обмена оперативной информацией о криминальных схемах с применением ИИ-технологий; в-пятых, развитие профессиональной подготовки специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для противодействия киберпреступлениям с использованием ИИ; и, в-шестых, организация системного мониторинга и совместных научных исследований, направленных на выявление и анализ как существующих, так и новых криминальных рисков, порождаемых развитием искусственного интеллекта [15].

Реализация указанных мер позволит сформировать гибкую правовую систему, способную эффективно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: разработка методики оценки степени *deceptiveness* (обманчивости) дипфейков; сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования; изучение процессуальных особенностей доказывания по делам, связанным с дипфейками.

Список источников

1. Sandoval M. P., De Almeida Vau M., Solaas J. et al. Threat of deepfakes to the criminal justice system: A systematic review // *Crime Science*. 2024. Vol. 13. Art. 41.
2. Bray S. D., Johnson S. D., Kleinberg B. Testing human ability to detect 'deepfake' images of human faces // *Journal of Cybersecurity*. 2023. Vol. 9. No. 1.
3. Xu Z., Wen X., Zhong G. et al. Public perception towards deepfake through topic modelling and sentiment analysis of social media data // *Social Network Analysis and Mining*. 2025. Vol. 15. Art. 16.
4. Łabuz M. (2024). Deep fakes and the Artificial Intelligence Act-An important signal or a missed opportunity? *Policy & Internet*. 2024. Vol. 16. P. 783–800.
5. Romero-Moreno F. Deepfake detection in generative AI: A legal framework proposal to protect human rights // *Computer Law & Security Review*. 2025. Vol. 58. Art. 106162.
6. Осипенко А. Л. Дезинформация в криминальной деятельности и противодействие ей в условиях цифровизации // *Общество и право*. 2025. № 1 (91). С. 14–23.
7. Уртаева Э. Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // *Общество: политика, экономика, право*. 2024. № 2 (127). С. 44–51.
8. Romero-Moreno F. Deepfake detection in generative AI.
9. Демкин В. О. Дипфейки: модели правового регулирования в континентальном, общем и китайском праве // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2024. Т. 19, № 5. С. 148–175.
10. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // *Юридические исследования*. 2023. № 11. С. 26–41.
11. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.
12. Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 97–105.

* Зотина Е. В. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2025. С. 149, 153.

13. Грешнова Н. А., Ситник В. Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 182–189.
14. Токолов А. В. Правовое регулирование дипфейков // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 141–147.
15. Кузнецов А. Г. Криминологические тренды искусственного интеллекта // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 3 (47). С. 64–68.

Информация об авторах

О. В. Пяткова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса;

М. В. Жерновой – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника филиала.

Information about the author

O. V. Pyatkova – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure;

M. V. Zhernovoy – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Branch.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 03.10.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 03.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 66–73.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 66–73.

Научная статья
УДК 342

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Андрей Михайлович Степанов

Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления МВД России, Москва
marina-st-6401@mail.ru, ORCID: 0009–0005–0185–1522

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы профилактики преступлений, связанных с незаконной миграцией как одного из значимых факторов криминализации общественных отношений и угрозы миграционной безопасности государства. На основе анализа отечественных криминологических исследований раскрываются теоретические и институциональные основания противодействия преступлениям против установленного порядка миграции населения. Особое внимание уделяется взаимосвязи незаконной миграции с транснациональной преступностью, теневой экономикой и эксплуатацией труда. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно контрольной модели реагирования к системной профилактике, включающей криминологическое прогнозирование, межведомственную координацию и совершенствование уголовно-правовых механизмов. Делается вывод о том, что эффективность противодействия незаконной миграции определяется не только совершенствованием законодательства, но и развитием институциональной среды профилактики.

Ключевые слова: незаконная миграция, профилактика преступлений, транснациональная преступность, миграционная политика России, межведомственное взаимодействие, цифровизация миграционного учета

Для цитирования: Степанов А. М. Актуальные проблемы профилактики преступлений в сфере незаконной миграции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 66–73.

Original article

CURRENT PROBLEMS OF CRIME PREVENTION IN THE FIELD OF ILLEGAL MIGRATION

Andrey M. Stepanov

Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow
marina-st-6401@mail.ru, ORCID: 0009–0005–0185–1522

Abstract. The article examines the current problems of crime prevention related to illegal migration as one of the significant factors of criminalization of public relations and threats to the migration security of the state. Based on the analysis of domestic criminological research, the theoretical and institutional grounds for countering crimes against the established migration

procedure are revealed. Special attention is paid to the relationship of illegal migration with transnational crime, the shadow economy and labor exploitation. The article substantiates the need to move from a predominantly control model of response to systemic prevention, including criminological forecasting, interdepartmental coordination and improvement of criminal law mechanisms. It is concluded that the effectiveness of countering illegal migration is determined not only by improving legislation, but also by the development of an institutional environment for prevention.

Keywords: illegal migration, crime prevention, transnational crime, migration policy of Russia, interdepartmental cooperation, digitalization of migration accounting

For citation: Stepanov A. M. Current problems of crime prevention in the field of illegal migration // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 66–73.

Незаконная миграция остается одной из ключевых угроз национальной безопасности и социально-экономической стабильности современной России. На фоне глобализации и усиления миграционных потоков проблема приобретает транснациональный характер, тесно переплетаясь с такими явлениями, как торговля людьми, контрабанда, террористическая деятельность и эксплуатация труда. По данным МВД РФ*, только за 2022 г. на территории страны было выявлено свыше 240 тыс. нарушений миграционного законодательства, при этом значительная их часть приходится на приграничные регионы и крупные агломерации (Москва, Санкт-Петербург). Эти тенденции подчеркивают необходимость совершенствования механизмов профилактики преступлений в данной сфере.

В современной юридической науке незаконная миграция рассматривается не только как совокупность правонарушений, но и как комплексное криминогенное явление, оказывающее влияние на состояние национальной и миграционной безопасности. Как отмечает И. В. Никитенко, преступления против установленного порядка миграции населения образуют самостоятельную группу общественно опасных деяний, требующих специального уголовно-правового и криминологического анализа [1]. При этом он подчеркивает необходимость перехода от исключительно репрессивной модели реагирования к комплексной системе криминологического обеспечения миграционной безопасности**.

В свою очередь, П. Н. Кобец подчеркивает, что незаконная миграция выступает фактором институциональной деформации правопорядка, способствуя развитию теневых рынков труда, организованной преступности и коррупционных практик [2].

М. Н. Урда обращает внимание на то, что современная миграционная преступность характеризуется высокой латентностью и транснациональной организованностью, что требует разработки комплексной системы предупреждения, сочетающей правовые, социальные и управленческие механизмы [3].

На наш взгляд, профилактика преступлений в сфере незаконной миграции должна рассматриваться не только как элемент миграционной политики, но и как самостоятельное направление криминологической безопасности, обладающее собственной системой факторов риска, субъектов предупреждения и механизмов воздействия.

Незаконная миграция представляет собой перемещение лиц через государственные границы или их пребывание на территории страны с нарушением установленных правовых норм. В российском законодательстве данное явление регламентируется ст. 322 и 322¹ УК РФ, а также Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц

* Статистические сведения о состоянии миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 г. URL: <https://мвд.рф/statistics>

** Никитенко И. В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности азиатской части России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 41 с.

без гражданства в Российской Федерации». Ключевое отличие незаконной миграции от легальной заключается в отсутствии разрешительных документов (виз, патентов, видов на жительство) или в несоблюдении целей и сроков пребывания.

В криминологической доктрине незаконная миграция рассматривается как сложная система взаимосвязанных процессов, включающих незаконное перемещение, криминальную эксплуатацию мигрантов, институциональные нарушения миграционного контроля.

Как отмечает И. В. Никитенко, эффективное противодействие незаконной миграции возможно только при применении междисциплинарного подхода, учитывающего уголовно-правовые, социальные и управленческие факторы [4]. При этом П. Н. Кобец указывает на то, что профилактика должна строиться на опережающем выявлении криминогенных миграционных потоков, а не только на пресечении уже совершенных нарушений [5].

Выделяют следующие виды незаконной миграции.

1. Нелегальный въезд – пересечение границы в обход официальных пунктов пропуска, в том числе с использованием поддельных документов.

2. Нарушение режима пребывания – превышение сроков разрешенного нахождения в стране, уклонение от выезда после аннулирования визы.

3. Фиктивная регистрация – получение временной или постоянной прописки посредством предоставления заведомо ложных сведений (например, через «резиновые» квартиры).

Классификация позволяет дифференцировать меры профилактики в зависимости от типа нарушения, что повышает эффективность правоприменительной практики.

Незаконная миграция часто выступает катализатором транснациональной преступности. К основным связанным с ней деяниям относятся:

– контрабанда мигрантов – организованная перевозка лиц через границу в целях получения финансовой выгоды (ст. 322¹ УК РФ). По данным МВД РФ*, в 2022 г. было зарегистрировано 1,8 тыс. таких преступлений, преимущественно на границах с Казахстаном и Украиной;

– торговля людьми и эксплуатация труда – принуждение мигрантов к работе в условиях, нарушающих их права (ст. 127¹, 127² УК РФ). Например, случаи использования приезжих из Средней Азии в строительном секторе без оформления трудовых договоров;

– коррупция в миграционных органах – выдача фиктивных патентов или прикрытие нелегалов за взятки. Так, в 2021 г. в Московской области было возбуждено 12 уголовных дел против сотрудников УВМ МВД.

В научных исследованиях отмечается, что преступления против установленного порядка миграции обладают самостоятельной криминологической спецификой. Так, И. В. Никитенко указывает, что данные деяния характеризуются высокой латентностью, устойчивой организованностью и тесной связью с теневым рынком труда [6]. В свою очередь, М. Н. Урда считает, что незаконная миграция выступает механизмом воспроизводства преступности: торговли людьми, незаконной занятости, документарных преступлений [7]. Это подтверждает необходимость перехода от фрагментарных мер к системной модели профилактики. Данные особенности требуют разработки специализированных профилактических механизмов, отличных от традиционных моделей предупреждения преступности. Криминализация миграционных процессов усугубляется их связью с террористическими угрозами. По информации ФСБ России**, 15 % лиц, задержанных за незаконное пересечение границы в 2020–2023 гг., находились в розыске за участие в запрещенных организациях.

* Статистические сведения о состоянии миграционной ситуации в Российской Федерации за 2022 г.

** ФСБ России. Обзор угроз пограничной безопасности Российской Федерации за 2020–2023 гг. М., 2024.

Анализ зарубежных практик позволяет выделить три ключевых подхода к противодействию незаконной миграции.

1. Политика «жестких границ» (ЕС, США): внедрение систем биометрического контроля (например, EUROSUR в Европе); усиление пограничных кордонов (строительство стен на границе США и Мексики). Однако такие меры критикуются за нарушение прав беженцев и рост числа жертв среди мигрантов.

2. Интеграционные программы (Германия, Канада): обязательные языковые курсы и правовое просвещение; квотирование трудовой миграции для легализации приезжих.

3. Региональное сотрудничество (СНГ): соглашения о реадмиссии в рамках ЕАЭС для упрощения депортации; обмен данными между странами через единые базы (проект «Миграция-СНГ»).

Для России актуален синтез репрессивных и профилактических мер. Правовое регулирование противодействия незаконной миграции базируется на ряде ключевых нормативных актов, его основу составляют:

– Уголовный кодекс РФ (ст. 322 «Незаконное пересечение границы», ст. 322¹ «Организация незаконной миграции»);

– Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», регламентирующий процедуры регистрации, учета и депортации;

– Постановление Правительства РФ «О квотировании иностранной рабочей силы», определяющее механизмы легализации трудовых мигрантов.

Институциональная система профилактики включает:

– МВД РФ (Управление по вопросам миграции), ответственное за оформление документов и выявление нарушителей;

– ФСБ России, контролирующую пограничные зоны и противодействующую транснациональной преступности;

– Росгвардию, участвующую в операциях по задержанию нелегалов в городских агломерациях;

– территориальные органы власти, реализующие региональные программы адаптации мигрантов.

Несмотря на развитую нормативную базу, сохраняются противоречия между федеральными и региональными законами, что создает правовую неопределенность. Например, в 2022 г. 23 субъекта РФ приняли локальные акты, ужесточающие контроль за мигрантами.

Как отмечает П. Н. Кобец, проблема противодействия незаконной миграции заключается не столько в отсутствии нормативной базы, сколько в несогласованности уголовно-правовых, административных и миграционных механизмов [8]. В свою очередь, И. В. Никитенко подчеркивает, что отсутствие криминологически ориентированной миграционной политики снижает профилактический потенциал действующего законодательства [9]. В частности, отмечается разрыв между уголовно-правовым реагированием и профилактическими механизмами миграционной политики.

Анализ данных МВД и Росстата свидетельствует о росте нарушений миграционного законодательства*. В 2018 г. зафиксировано 198 тыс. случаев, в 2022 г. – 243 тыс. (+22,7%). Пик пришелся на 2021 г. (265 тыс.), что связано с послаблениями в условиях пандемии COVID-19. На Москву и Московскую область приходится 38 % всех нарушений из-за высокой концентрации трудовых мигрантов. Следует также отметить нелегальный транзит мигрантов через приграничные зоны – из Украины и Закавказья (Ростовская область, Краснодарский край), из КНДР и КНР (Приморский край) [10].

* Отчет о нарушениях миграционного законодательства за 2018–2023 гг. URL: <https://мвд.рф/statistics>

В структуре правонарушений преобладают*: нарушения режима пребывания (просроченные визы) – 67 %; фиктивная регистрация – 18 %; нелегальный въезд – 15 %.

Отдельную проблему представляют «теневые» мигранты, не попадающие в официальную статистику. По экспертным оценкам, их число в РФ достигает 3–4 млн человек, преимущественно занятых в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг [11].

Неэффективность профилактики незаконной миграции в России обусловлена следующими факторами.

1. Несовершенство законодательства:

– отсутствие четких критериев для квотирования трудовых мигрантов, что провоцирует рост нелегальной занятости;

– пробелы в регулировании депортации: о выдворении исполняются только 45 % решений из-за отказа стран исхода принимать граждан (например, Узбекистан в 2021 г.)**.

2. Низкое межведомственное взаимодействие: отсутствие единой базы данных между МВД, ФСБ и Рострудом. В 2022 г. 30 % проверок бизнеса на наличие нелегалов проводились без согласования с миграционными службами***.

3. Коррупция в миграционных органах: по данным СК РФ, в 2023 г. возбуждено 57 уголовных дел против сотрудников УВМ МВД, включая случаи продажи патентов и сокрытия преступлений****. Несмотря на запуск портала «Госуслуги» для оформления патентов, 60 % мигрантов по-прежнему обращаются к посредникам из-за бюрократических барьеров [12].

4. Отсутствие системной работы с диаспорами: только 12 регионов РФ имеют программы интеграции мигрантов (языковые курсы, правовая помощь), в остальных доминирует репрессивный подход, усиливающий социальную напряженность.

По мнению М. Н. Урды, ключевой причиной неэффективности профилактики является преобладание реактивных мер над превентивными [13].

Для повышения эффективности профилактики незаконной миграции предлагаются следующие меры.

1. Ужесточение ответственности за организацию незаконной миграции:

– введение дополнительных санкций по ст. 322.1 УК РФ (например, конфискация имущества за контрабанду мигрантов);

– расширение понятия «транснациональная преступность» в УК РФ для включения схем фиктивной регистрации.

2. Цифровизация миграционного контроля:

– внедрение блокчейн-технологий для учета патентов и видов на жительство, что исключит подделку документов;

– обязательная биометрическая идентификация мигрантов на границе (по аналогии с системой EURODAC в ЕС).

3. Создание «миграционного рейтинга» для работодателей: публикация списка компаний, нарушающих правила найма иностранцев, с ограничением их доступа к госзаказам. Например, в 2023 г. пилотный проект по блокчейн-учету мигрантов, запущенный в Татарстане, сократил число фиктивных регистраций на 40 % [14].

4. Создание Единого межведомственного центра по противодействию незаконной миграции:

– интеграция баз данных МВД, ФСБ, Росстата и ФНС в единую платформу (аналогично Frontex в ЕС);

* Аналитические материалы по вопросам миграции за 2022 г. М., 2023.

** Сведения о применении мер административного выдворения иностранных граждан за 2021 г. М., 2022.

*** Коррупция в миграционной сфере: пути минимизации: экспертный доклад НИИ МВД РФ. М., 2021.

**** Следственный комитет Российской Федерации. О результатах противодействия коррупции в сфере миграции за 2023 г. М., 2024.

– введение «электронных досье» на мигрантов с историей перемещений и правонарушений.

5. Развитие международного сотрудничества в рассматриваемой сфере:

– усиление взаимодействия в рамках ОДКБ и ШОС для борьбы с транзитом нелегалов (например, совместные операции на границе Казахстана и РФ);

– подписание двусторонних соглашений о реадмиссии со странами Средней Азии для ускоренной депортации.

6. Подключение гражданского общества в профилактику незаконной миграции: создание горячих линий для анонимного сообщения о миграционных нарушениях с вознаграждением информаторов (практика США).

Профилактика должна включать не только репрессии, но и стимулы для легализации.

1. Реформа квотирования трудовой миграции:

– введение гибких квот с учетом потребностей регионов (например, увеличение лимитов для Дальнего Востока в связи с дефицитом рабочей силы);

– упрощение получения патентов через мобильное приложение «Мир мигранта» (аналог UIS UAE в ОАЭ).

2. Программы адаптации и интеграции:

– обязательные курсы русского языка и основ законодательства РФ для трудовых мигрантов;

– сотрудничество с диаспорами: создание культурных центров для снижения социальной напряженности (опыт Москвы и Казани).

3. Стимулирование легальной занятости: налоговые льготы для работодателей, трудоустраивающих мигрантов официально.

Важно отметить, что противодействие незаконной миграции невозможно без принятия мер по борьбе с коррупцией в миграционных органах. Искоренение коррупции требует системных изменений, в частности, это:

– ротация кадров в УВМ МВД: ежегодная смена руководителей региональных управлений для предотвращения формирования коррупционных сетей;

– цифровизация услуг: полный переход на электронную выдачу патентов и разрешений через портал «Госуслуги», исключая контакт мигранта с чиновником;

– публикация отчетов о проверках миграционных служб на официальном сайте МВД РФ;

– внедрение системы AI-аналитики для выявления аномалий в выдаче документов (например, резкий рост патентов в отдельном регионе).

В 2022 г. автоматизация процессов в миграционном секторе в Краснодарском крае сократила число коррупционных нарушений на 35 %*.

Совершенствование профилактики незаконной миграции в России возможно через синтез технологических, правовых и социальных мер. Назовем ключевые приоритеты: устранение правовых пробелов и цифровизация учета; координация работы ведомств и международное партнерство; легализация миграции через интеграционные программы и борьбу с коррупцией.

Реализация предложенных мер позволит сократить объем незаконной миграции на 25–30 % в течение 5 лет, снизить количество связанных с ней преступлений и укрепить национальную безопасность.

Эффективность профилактики во многом определяется способностью государства воздействовать не только на последствия незаконной миграции, но и на ее криминогенные детерминанты, включая спрос на нелегальную рабочую силу, коррупционные практики и институциональные пробелы регулирования.

* Аналитический обзор внедрения цифровых сервисов в миграционном администрировании. М.: НИИ МВД РФ, 2023.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить системные проблемы профилактики преступлений в сфере незаконной миграции в России и предложить пути их решения. Главные выводы работы сводятся к следующему.

1. Незаконная миграция представляет собой самостоятельный криминологический феномен, формирующий угрозы миграционной безопасности государства и выступающий фактором воспроизводства транснациональной преступности, что подтверждается современными исследованиями в области уголовного права и криминологии.

2. Правовая и институциональная база противодействия незаконной миграции в России обладает значительным потенциалом, однако ее эффективность снижается из-за правовых пробелов, слабой координации ведомств, недостаточной цифровизации и многочисленных фактов коррупции.

3. Решение проблемы требует комплексного подхода, сочетающего:

– репрессивные меры: ужесточение ответственности за организацию незаконной миграции, конфискация имущества преступных сетей;

– технологическую модернизацию: внедрение блокчейна для учета мигрантов, биометрической идентификации на границах;

– социально-экономические инициативы: гибкое квотирование трудовой миграции, интеграционные программы, налоговые льготы для работодателей, легально использующих труд мигрантов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния внешнеполитических факторов (санкционное давление, конфликты в соседних странах) на миграционные процессы. Кроме того, требуют изучения риски, возникающие при внедрении искусственного интеллекта в миграционный контроль, включая вопросы этики и защиты персональных данных.

Таким образом, очевидно, что незаконная миграция выступает не только объектом правового регулирования, но и устойчивым криминогенным фактором, влияющим на структуру современной преступности. Профилактика преступлений в данной сфере требует формирования межведомственной модели противодействия, основанной на криминологическом прогнозировании, институциональной координации и совершенствовании уголовно-правовых механизмов. Перспективным направлением является развитие системной профилактики, ориентированной на устранение социально-экономических и организационных условий, способствующих воспроизводству миграционной преступности.

Список источников

1. Никитенко И. В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): моногр. М.: ИД Шумиловой И. И., 2013. 351 с.
2. Кобец П. Н. Противодействие незаконной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
3. Урда М. Н. Криминологическая характеристика незаконной миграции: моногр. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2018. 212 с.
4. Никитенко И. В. Комплексный (междисциплинарный) подход в исследовании преступлений против порядка миграции населения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 3 (44). С. 26–32.
5. Кобец П. Н. Организация противодействия незаконной миграции в Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 6. С. 32–36.
6. Никитенко И. В. Основные тренды миграционной преступности в азиатской части России // Научный портал МВД России. 2013. № 1(21). С. 22–28.
7. Урда М. Н. Незаконная миграция как фактор криминализации экономики // Криминологический журнал. 2019. № 3. С. 58–64.
8. Кобец П. Н. Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия незаконной миграции // Уголовное право. 2016. № 5. С. 44–49.
9. Никитенко И. В. Преступления против установленного законом порядка миграции населения: вопросы теории, законодательства и практики его применения: учеб. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2019. 96 с.
10. Труд и занятость в России – 2023. М.: Росстат, 2023. 144 с.

11. Незаконная миграция в приграничных регионах: риски и решения. М.: Центр стратегических разработок, 2022. 112 с.
12. Урда М. Н. Криминологические проблемы незаконной миграции // Вестник криминологии. 2020. № 2. С. 71–77.
13. Трудовая миграция и занятость иностранных граждан в Российской Федерации. М.: Росстат, 2023.
14. Кабиров Р. Р. Опыт Татарстана в цифровизации миграционного учета. Казань: Изд-во Казанского федер. ун-та, 2023. 89 с.

Информация об авторе

А. М. Степанов – адъюнкт.

Information about the Author

A. M. Stepanov – post-graduate.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 19.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 74–81.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 74–81.

Научная статья

УДК 343.8

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ, ИМЕЮЩИХ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Дарья Сергеевна Щербакова

Университет ФСИН России, Рязань

oxicoz@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ регламентации правового положения осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования положения осужденных, отбывающих принудительные работы, имеющих заболевания. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительный центр, медицинское обеспечение осужденных

Для цитирования: Щербакова Д. С. Особенности правового положения осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 74–81.

Original article

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF CONDEMNED PERSONS WITH DISEASES

Daria S. Shcherbakova

University of Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, oxicoz@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the regulation of the legal status of persons sentenced to forced labor with diseases. The necessity of improving the legal regulation of the situation of convicts serving forced labor with diseases is substantiated. Proposals have been formulated to improve legislation in this area.

Keywords: forced labor, correctional centers, and medical care for convicts

For citation: Shcherbakova D. S. Features of the legal status of condemned persons with diseases // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 74–81.

Понятие правового положения осужденных, сформированное в науке уголовно-исполнительного права, базируется на общетеоретических принципах. В теории права выделяются три вида (уровня) правового положения: общее, специальное и индивидуальное. Основой для определения правового положения осужденных является общий статус гражданина Российской Федерации, установленный российским законодательством.

В отечественной доктрине уголовно-исполнительного права принято рассматривать правовой статус (положение) осужденных как единый межотраслевой специальный правовой статус. Он учитывает специфику правового положения отдельных категорий граждан, в данном случае лиц, подвергшихся уголовному наказанию. Этот статус, опираясь на базовые конституционные принципы, складывается посредством трансформации исходных прав, законных интересов и обязанностей человека, которая происходит после вынесения обвинительного приговора. Таким образом, осуждение становится правовым механизмом, модифицирующим общий правовой статус гражданина в соответствии с ограничениями и нормами, установленными законодательством.

Возможность ограничения прав человека закрепляется в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где устанавливается, что они могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В данном случае подобным федеральным законом в отношении осужденных выступает Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, в ч. 2 ст. 10 которого устанавливается возможность осуществления изъятий и ограничений в отношении прав и свобод граждан, установленных уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ. Соответственно, осужденные исполняют обязанности и обладают всеми правами обычных граждан, за исключением тех, которые ограничены законом.

По официальным данным ФСИН России (на 1 января 2023 г.), принудительные работы исполняются 46 исправительными центрами (ИЦ) и 321 изолированным участком, функционирующим как исправительный центр (УФИЦ)*. Необходимо отметить, что с 2022 г. ФСИН России не публикует статистическую информацию, касающуюся характеристики исполнения уголовных наказаний и лиц, их отбывавших.

Принимая во внимание уголовно-исполнительную политику в сфере гуманизации уголовных наказаний, можно утверждать, что количество учреждений, специализирующихся на исполнении наказания в виде принудительных работ, будет расти. Отсюда значимость исследования вопросов, объектом которых выступает правовое положение осужденных данной категории.

Правовое положение осужденных к принудительным работам, с одной стороны, предполагает необходимость обеспечения соблюдения прав осужденных, а с другой – предоставления администрации ИЦ правовых рычагов воздействия для эффективного достижения целей наказания, обеспечения порядка и дисциплины в деятельности учреждения, а также исправления осужденных. В свою очередь, индивидуальное правовое положение определяет место конкретного осужденного, в том числе имеющего определенное заболевание, к принудительным работам в системе общественных отношений.

Следует согласиться с мнением И. В. Никитенко и Н. К. Сливко, которые справедливо указывают на проблему спорности нормативных правовых актов, регулирующих вопросы

* Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.06.2025).

отбывания наказания лицами, имеющими определенные заболевания [1, с. 93]. В то же время фактическое нахождение больного в учреждении уголовно-исполнительной системы может усугублять состояние здоровья [2, с. 80].

Наряду с этим следует отметить, что правовое положение осужденного, имеющего заболевания, может меняться в лучшую (смягчение) или худшую (отягчение) сторону. Так, реализация права на охрану здоровья имеет свою специфику при применении к осужденному дисциплинарного взыскания в виде водворения в помещение для нарушителей (ПДН) и в случае предоставления возможности проживать с семьей за пределами ИЦ (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ). Например, у лиц, находящихся в ПДН, отсутствуют средства мобильной связи, поэтому, в случае необходимости, вызов скорой помощи осуществляется только через сотрудников администрации ИЦ.

Между тем при регламентации правового статуса осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания, законодатель, в отличие от осужденных к лишению свободы, старается практически не обращать внимание на состояние здоровья осужденного, что при исполнении данного наказания недопустимо. Это обусловлено тем, что необходимым элементом успешного достижения целей уголовно-исполнительного законодательства при исполнении принудительных работ является трудоспособность осужденных, которая неразрывно связана с медицинским обеспечением.

По сути, правовое положение осужденного, имеющего заболевания, можно рассматривать как систему, включающую три уровня:

- общий уровень – правовое положение лица, имеющего заболевание;
- специальный уровень – правовое положение осужденного к принудительным работам, имеющего заболевание;
- индивидуальный уровень – правовое положение больного осужденного к принудительным работам в зависимости от конкретного заболевания.

Комплекс правовых норм, регулирующих медицинское обеспечение и реализацию права на охрану здоровья, входящих в специальное правовое положение осужденных, имеющих заболевания, образует систему субъективных прав. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 12 УИК РФ, осужденные имеют право на получение информации о своих правах и обязанностях, об условиях отбывания наказания. К указанному относится также конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ). В рамках обеспечения реализации рассматриваемого права сами сотрудники ИЦ должны обладать достаточным уровнем правовой грамотности и необходимыми компетенциями. В связи с этим определяется необходимость в разработке материалов для проведения разъяснительной работы, раскрывающих специфику правового положения осужденных, имеющих заболевания, через призму реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Во-вторых, осужденные к принудительным работам, имеющие заболевания, также обладают правом на квалифицированную медицинскую помощь. На законодательном уровне закреплен бесплатный доступ к необходимым медицинским услугам без какой-либо дискриминации по признаку правового статуса: осужденные к принудительным работам находятся на аналогичном положении гражданина, не лишённого свободы.

По сути, законодатель в ст. 60.6 УИК РФ определил медицинских работников общегосударственного здравоохранения в качестве субъекта медицинского обеспечения осужденных и обозначил в качестве правовой базы законодательство о здравоохранении. Так, согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к общемедицинским направлениям деятельности и соответствующим им медицинским функциям медицинского персонала (по отношению к пациенту) относятся:

- лечебная (непосредственно лечение);
- диагностическая (выявление признаков заболевания или травмы);

- профилактическая (предупреждение и развитие заболеваний);
- информационная (медико-гигиеническое воспитание, в том числе направленное на здоровьесбережение).

Несмотря на то, что при исполнении принудительных работ вышеуказанный функционал сохраняется, в положениях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в разрезе полномочий именно представителей общегражданского здравоохранения, находит свое отражение только лечебная и диагностическая функции.

Необходимо отметить, что администрация ИЦ фактически не занимается медицинским обеспечением осужденных. Так, в типовой структуре и штатном расписании ИЦ, утвержденном приказом ФСИН России от 6 декабря 2024 г. № 857 «Об утверждении типовых структуры, штатного расписания и порядка расчета штатной численности исправительного центра», медицинский работник отсутствует. Несмотря на то, что УФИЦ в большинстве случаев учреждается при исправительной колонии, в которой есть медико-санитарная часть, в круг полномочий сотрудников данного подразделения не входит взаимодействие с осужденными, отбывающими наказание, не связанное с изоляцией лица от общества.

По сути, в настоящее время отсутствует субъект реализации ряда медицинских полномочий, к которым относится оценка здоровья осужденного для определения возможности (невозможности) нахождения нарушителя в месте дисциплинарной изоляции; выявление лиц, особенности здоровья которых свидетельствуют о недостижении целей уголовно-исполнительного законодательства по причине невозможности применения общественно полезного труда как средства исправления; контроль за состоянием здоровья осужденных, оказание медицинской помощи в экстренной форме (до приезда бригады скорой помощи), ведение медицинской документации и другое. В связи с этим видится возможным предусмотреть в штатном расписании и типовой структуре ИЦ медицинского работника. Необходимость наличия в учреждении медицинского пункта (с фельдшером) для амбулаторного обслуживания указывалось исследователями ранее, еще когда прототипом принудительных работ выступало ограничение свободы*.

В-третьих, осужденный к принудительным работам имеет право на прохождение диспансеризации и профилактического осмотра в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Представляется, что помимо основной причины прохождения данных медицинских обследований (здоровьесбережение) важным аспектом является своевременное выявление социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Например, согласно приказу Минздрава России от 21 марта 2017 г. № 124н «Об утверждении порядка и сроков проведения профилактических медицинских осмотров граждан в целях выявления туберкулеза», освобожденные из мест лишения свободы или мест содержания под стражей должны делать флюорографию легких или рентгенографию органов грудной клетки (легких) 2 раза в год в течение первых двух лет после освобождения. Соответственно, на тех, кому заменена неотбытая часть лишения свободы принудительными работами, также распространяются данные требования.

По нашему мнению, представляется возможным учитывать прохождение диспансеризации и профилактических осмотров при предоставлении осужденным права выхода в выходные и нерабочие дни в рамках стимулирующей (поощрительной) меры за выполнение обязанности по заботе о сохранении своего здоровья. Это будет способствовать повышению ответственности осужденных за своевременное прохождение медицинских процедур в рамках реализации обязанности по охране своего здоровья, а также позволит минимизировать риски распространения социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

* Перепелкин В. Ю. Ограничение свободы как вид наказания (содержание, назначение и исполнение): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 110.

В-четвертых, к числу прав, которые прямо не прописаны в законодательстве, относится право на хранение лекарственных средств. В соответствии с п. 4 Приложения 1 Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (далее – ПВР ИЦ), осужденным запрещается приобретать, хранить и использовать наркотические и психотропные лекарственные препараты, не назначенные лечащим врачом. При этом у администрации ИЦ отсутствуют полномочия по проверке, хранению и выдаче лекарственных препаратов. Вместе с тем, в целях установления достоверности наличия у осужденного права приобретать определенный лекарственный препарат, выписанный врачом, видится возможным направлять запрос в медицинское учреждение с просьбой предоставления светокопий соответствующих медицинских документов и медицинского заключения. Однако в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют основания и условия предоставления подобного рода информации немедицинским работникам. Указанное следует осуществлять, руководствуясь ч. 4 ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой со стороны медицинских организаций допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания. К тому же в личных делах осужденных содержатся информация о посещении врачей, светокопии больничных листов, выписные эпикризы, определяющие ограничения в труде, медицинские заключения в качестве оснований перевода на другую работу, акты медицинского освидетельствования и т. п.

В-пятых, имеются особенности реализации права осужденных на конфиденциальность медицинской информации (врачебную тайну), т. е. в узком смысле права на неразглашение информации о наличии того или иного заболевания. В ч. 1 ст. 23 Конституции РФ закрепляется право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Именно к частной жизни относится врачебная тайна, которая охватывает не только медицинские данные, но и другую информацию, полученную в процессе оказания медицинской помощи.

Несмотря на то, что, в отличие от осужденных к лишению свободы, лица, содержащиеся в ИЦ, не обязаны сообщать подробности своего заболевания сотруднику ИЦ как посреднику для получения медицинской помощи, должностные лица имеют доступ к значительному объему медицинской информации, хранящейся в личном деле осужденных к принудительным работам. Отсутствие медицинского работника в штатном расписании ИЦ обуславливает оперирование медицинской информацией немедицинскими сотрудниками ИЦ.

В-шестых, исполнение некоторых обязанностей, возложенных на осужденных к принудительным работам, может зависеть от состояния их здоровья (наличия болезни). Так, лица, имеющие освобождение по болезни, имеют право не посещать зарядку (п. 118 ПВР ИЦ), освобождаются от построения (п. 124 ПВР ИЦ).

В данном контексте следует обратить внимание на лиц, которым в рамках реализации ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ разрешено проживать за пределами учреждения. Особенностью правового положения этой категории осужденных является наличие обязанности являться в ИЦ для регистрации 4 раза в месяц. При этом факт возникновения заболевания (например, острого респираторного) не является причиной для невыполнения указанной обязанности. Между тем болезнь может представлять опасность для здоровых осужденных и сотрудников ИЦ, либо самому больному может быть назначен постельный режим. В связи с этим, в целях недопущения возможного заражения лиц, находящихся в ИЦ, и эффективного лечения и восстановления больного, считаем возможным предусмотреть временную нетрудоспособность как уважительную причину для непосещения регистрации, заменив непосредственный контакт с сотрудником ИЦ на дистанционную проверку посредством видеосвязи. Другими словами, наделить осужденного, проживающего за пределами ИЦ и имеющего заболевание, правом не посещать ИЦ в установленные дни регистрации.

В правовое положение больного осужденного входят юридические обязанности, т. е. предписанное нормами права объективно необходимое, должное поведение субъекта правоотношений. Форма их выражения может заключаться как в воздержании от какого-либо действия или, наоборот, в активной положительной деятельности. Рассмотрим основные из юридических обязанностей.

1. В п. 8.18 ПВР ИЦ закрепляется обязанность лица, отбывающего принудительные работы, не совершать умышленных действий, угрожающих осужденному или его здоровью. Другими словами, устанавливается запрет на аутоагрессию, в частности, на членовредительство.

Согласно результатам проведенного анкетирования сотрудников ИЦ и УФИЦ, а также осужденных к принудительным работам, 72,2 % сотрудников и 59,4 % осужденных считают, что лица, отбывающие принудительные работы, могут умышленно заболеть (включая нанесение вреда здоровью) для получения медицинского освобождения от выполнения режимных, воспитательных, трудовых или иных требований. Таким способом осужденный может прикрывать, в частности, злостное нарушение в виде отказа от работы, установленного п. «е» ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ.

2. Согласно ч. 3 ст. 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» граждане обязаны соблюдать режим лечения и правила поведения для пациентов в медицинских организациях. При отбывании принудительных работ возможно возникновение ситуации, когда осужденный может проходить амбулаторное лечение в ИЦ, при этом врачебные предписания исполнять частично, не соблюдая правила поведения пациента (например, выходить в холодное время года на улицу не одетым, пить очень холодную воду, неправильно питаться при заболеваниях ЖКТ). В данном случае, как справедливо замечает А. П. Скиба, осужденный, по меньшей мере, замедляет процесс излечения и предпринимает действия по ухудшению своего самочувствия*.

Невыполнение осужденным установленного лечащим врачом режима лечения можно рассматривать как «действия, угрожающие своему здоровью» (п. 8.18 ПВР ИЦ).

Кроме того, принимая во внимание наличие больничного листа, свидетельствующего о временной нетрудоспособности, представляется возможным, в целях содействия лечению и недопущению ухудшения состояния здоровья больных осужденных, разрешать выходы данной категории лиц за пределы учреждения только в медицинских целях, включая покупку необходимых медикаментов (запрет, например, для выхода в банк).

Следует отметить, что имеется ряд проблем при применении дисциплинарных взысканий. Так, в ст. 60.15 УИК РФ закрепляется перечень нарушений порядка отбывания принудительных работ, а в п. «в» данной статьи указывается «нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре». Представляется, что в каждом ИЦ должен быть создан свой локальный нормативный документ – Правила проживания, в котором бы нашли отражение положения УИК РФ, ПВР ИЦ и др. В Правила должны входить отдельным блоком нормы, регламентирующие реализацию права на охрану здоровья осужденных к принудительным работам. Указанное позволит закрепить необходимость ответственного отношения осужденных к своему здоровью.

3. В соответствии с п. 8.17 ПВР ИЦ осужденные к принудительным работам обязаны проходить необходимые обследования в целях своевременного обнаружения инфекционных заболеваний, а также фактов употребления алкогольных, наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Данная обязанность представляется обоснованной, так как подобного рода обследования позволяют выявлять инфекционные (например, туберкулез, сифилис) и другие заболевания.

* Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2012. С. 190.

Следует поддержать точку зрения Р.З. Усеева, который справедливо указывает на отсутствие регламента действий администрации ИЦ при выявлении у осужденных в период отбывания принудительных работ таких заболеваний, как алкоголизм, наркомания, ВИЧ-инфекция, токсикомания, венерические заболевания и т. п. [3, с. 90]. Другими словами, закреплена обязанность осужденных проходить обследование, но дальнейшее их лечение либо юридически значимые действия в законодательстве не определены.

4. Согласно п. 8.17 ПВР ИЦ осужденные обязаны в случае заболевания немедленно ставить в известность администрацию учреждения для организации оказания медицинской помощи. С долей условности данная медицинская информация включает в себя сведения о наличии беременности, симптомов острой респираторной вирусной инфекции или установленного врачом диагноза острого респираторного вирусного заболевания, новой коронавирусной инфекции, пневмонии и др.

Кроме того, в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрены отдельные обязанности, касающиеся осужденных, больных некоторыми заболеваниями. Эту категорию составляют лица с зависимым поведением (алкогольная или наркотическая зависимость) и имеющие психические расстройства, не исключающие вменяемости (например, расстройство сексуального предпочтения). Основная обязанность этих больных заключается в следовании врачебным предписаниям в контексте применения принудительных мер медицинского характера и обязательного лечения в соответствии со ст. 18 УИК РФ и положениями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Необходимо также отметить, что в ст. 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» назван ряд обязанностей, касающихся всех граждан. Считаем возможным некоторые из них продублировать в УИК РФ и ПВР ИЦ. В частности, граждане обязаны:

- заботиться о сохранении своего здоровья;
- проходить медицинские осмотры в установленных случаях;
- проходить медицинское лечение и обследование (для страдающих заболеваниями, представляющими опасность);
- соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях.

Резюмируя изложенное, можно констатировать следующее. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует упорядоченный перечень субъективных прав и юридических обязанностей осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания. По нашему мнению, перечень должен учитывать индивидуальные особенности осужденного (например, вид заболевания), которые влияют на поведение осужденного и его взаимоотношения с администрацией ИЦ. Следует также стимулировать выполнение обязанностей и реализацию прав осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания. Указанное может выражаться как в поощрительных мерах, так и в мерах взыскания. Представляется возможным, в целях совершенствования правового регулирования правового положения осужденных к принудительным работам, имеющих заболевания, внести дополнения в УИК РФ и ПВР ИЦ.

Список источников

1. Никитенко И. В., Сливко Н. К. Болезни зрения, препятствующие содержанию под стражей: медико-правовой аспект // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 1 (70). С. 92–95.
2. Никитенко И. В. Освобождение от наказания в связи с болезнью осужденного: вопросы законодательства и практики // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор: материалы IV всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 7 декабря 2021 г.). Хабаровск, 2022. С. 79–82.
3. Усеев Р.З. Принудительные работы: некоторые вопросы правового регулирования и организации исполнения (анализ за 9 месяцев 2017 г.) // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 88–92.

Информация об авторе

Д. С. Щербакова – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Information about the author

D. S. Shcherbakova – lecturer of the Department of civil law disciplines.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 03.03.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 82–89.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 82–89.

Научная статья

УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСМОТРА КРИПТОКОШЕЛЬКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБРАЩЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Виталий Федорович Васюков

Московский государственный университет международных отношений МИД России (МГИМО), Москва
vvf0109@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются тактические особенности осмотра криптокошельков как новых объектов криминалистического исследования, возникающих в условиях цифровизации преступной деятельности. Автор анализирует ключевые тактические задачи следователя – планирование, изоляцию объекта от удаленного доступа, обеспечение сохранности цифровых следов, фиксацию и копирование данных. Подчеркивается значение копирования информации с цифровых устройств, роли специалиста в обеспечении допустимости доказательств и необходимости постоянной адаптации тактических схем к изменяющимся технологиям хранения криптоактивов. Сделан вывод о формировании нового направления криминалистической тактики, ориентированного на исследование цифровых следов блокчейн.

Ключевые слова: криптокошелек, тактика осмотра, цифровые активы, копирование информации, следственные действия, специалист

Для цитирования: Васюков В. Ф. Тактические основы осмотра криптокошелька при расследовании преступлений, связанных с обращением цифровых активов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 82–89.

Original article

TACTICAL PRINCIPLES OF CRYPTO WALLET INSPECTION IN INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO DIGITAL ASSET HANDLING

Vitaly F. Vasyukov

Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow

vvf0109@yandex.ru

Abstract. This paper examines the tactical aspects of examining crypto wallets as new forensic investigation targets emerging in the context of the digitalization of criminal activity. The author analyzes the key tactical tasks of the investigator: planning, isolating the target from remote access, ensuring the preservation of digital traces, recording and copying data, documenting actions, and adhering to the principle of reproducibility. The importance of copying information from digital devices, the role of a specialist in ensuring the admissibility of evidence, and the need to constantly adapt tactics to changing cryptoasset storage technologies are emphasized. A conclusion is drawn regarding the development of a new forensic approach focused on the investigation of blockchain digital traces.

Keywords: crypto wallet, inspection tactics, digital assets, copying information, investigative actions, specialist

For citation: Vasyukov V. F. Tactical Basics of Inspecting a Cryptocurrency Wallet During the Investigation of Crimes Related to the Circulation of Digital Assets // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 82–89.

Формирование цифровой экономики закономерно повлияло на характер преступной деятельности, изменив объекты посягательств и способы их реализации. Эти изменения потребовали переосмысления криминалистической тактики, которая все чаще применяется в условиях обращения цифровых активов и функционирования распределенных информационных систем. Отказ от централизованных посредников в финансовых операциях, использование анонимных криптографических средств расчета и высокая автономность участников создают для следователя принципиально новые тактические задачи. Криптокошелек, являясь цифровым инструментом управления активами, становится одним из ключевых объектов криминалистического анализа и требует специальной методической и организационной подготовки.

В современных условиях, характеризующихся цифровой трансформацией уголовного судопроизводства, особую актуальность приобретает обращение к классике теоретических основ криминалистической тактики. Наибольшее распространение и научное признание в отечественной криминалистике получило определение, сформулированное Р. С. Белкиным, который рассматривал данный раздел науки как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступления» [1, с. 287–288].

По смыслу приведенного определения, криминалистическая тактика представляет собой не только совокупность приемов, но и целостную систему научных принципов, определяющих содержание деятельности следователя в процессе доказывания. Она обеспечивает организационно-методическую основу расследования, формируя алгоритмы принятия решений и рационального использования следственных средств.

Несмотря на широкое распространение и признание, приведенное определение криминалистической тактики, сформулированное Р. С. Белкиным, вызывает и критические замечания со стороны отдельных исследователей. Так, О. Я. Баев полагает, что указанное определение является неточным, причем не только потому, что оно «не в полной мере отражает сущность одноименного раздела криминалистики», но и потому, что в нем отсутствует основной признак, отличающий криминалистическую тактику от других разделов криминалистики и даже «от других видов деятельности человека» [2, с. 11].

Как следует из анализа данной позиции, критика О. Я. Баева ориентирована на уточнение предметных границ тактики и на поиск ее специфического признака, позволяющего отграничить тактический уровень от методического и технического. Вместе с тем важно признать, что любая научная дефиниция по своей природе является абстракцией, отражающей существенные черты явления в пределах определенной степени обобщения. По смыслу изложенного, определение Р. С. Белкина представляет собой научную модель системного взгляда на тактику, а не исчерпывающее описание всех ее проявлений.

По существу, различие между двумя подходами отражает развитие понимания криминалистической тактики как научной категории. Отметим, что обе позиции в совокупности позволяют рассматривать тактику как динамическую систему, способную адаптироваться к изменению средств и форм преступной деятельности.

В современных условиях такое понимание приобретает особую значимость. По смыслу научного и правоприменительного развития, цифровая среда формирует новые категории тактического взаимодействия, где объектом воздействия выступает не материальный предмет, а информационно-технологическая система. Ее предметное поле расширяется, включая действия по обнаружению, фиксации и исследованию цифровых следов, в том числе при осмотре криптокошельков, являющихся одним из наиболее сложных объектов современной следственной практики [3, с. 748].

По своей сути криптокошелек представляет собой совокупность программных и аппаратных элементов, обеспечивающих хранение и использование криптографических ключей. В зависимости от формы реализации он может существовать как программное приложение на компьютере или смартфоне, как аппаратное устройство со встроенным модулем шифрования или как облачная учетная запись, управляемая сторонним сервисом. В отличие от классических банковских счетов, криптокошелек не хранит сами средства, а лишь содержит информацию, необходимую для доступа к ним. Сами же активы зафиксированы в распределенной базе данных – блокчейне, который представляет собой цепочку взаимосвязанных блоков, хранящих информацию о транзакциях. Такая структура обеспечивает невозможность одностороннего изменения данных и делает фиксацию каждого действия публичной и проверяемой [4, с. 19].

С учетом криминалистической специфики, блокчейн формирует особую категорию цифровых следов, поскольку каждый фрагмент данных в нем обладает свойствами неизменности и доступности для проверки. Любая транзакция оставляет цифровой отпечаток, включающий хэш предыдущего блока, время, объем перевода и адреса участников. Анализ этой информации позволяет установить хронологию событий и взаимосвязи между пользователями, что делает блокчейн ценным источником доказательственных сведений. В то же время высокая степень анонимности и возможность использования промежуточных адресов затрудняют идентификацию конкретных лиц, контролирующих кошельки. Поэтому осмотр криптокошелька как носителя информации направлен не на саму блокчейн-запись, а на установление связи между физическим лицом и используемыми им ключами доступа [5, с. 746].

Практическое значение осмотра криптокошельков подтверждается и судебной практикой. В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2025 г. № 77–2958/2025 рассмотрена ситуация, когда в ходе предварительного расследования

следователем был произведен осмотр электронных носителей, содержащих сведения о криптовалютных операциях, включая аппаратный кошелек и флеш-накопители. Суд установил, что действия по осмотру были направлены на фиксацию цифровых данных, относящихся к совершенным транзакциям, и признал полученные сведения допустимыми доказательствами.

Основным элементом криптосистемы является пара ключей – открытый и закрытый. Открытый ключ выполняет функцию адреса, по которому другие участники могут осуществлять переводы, а закрытый подтверждает подлинность транзакции. Только владелец закрытого ключа может подписывать операции и распоряжаться активами. Потеря закрытого ключа означает полную утрату контроля над средствами, а его разглашение – возможность несанкционированных переводов.

Для следователя важен факт наличия и способ хранения этих ключей, поскольку именно они связывают человека с конкретными операциями. В ходе осмотра требуется определить, где и в каком виде они хранятся: на жестком диске, внешнем накопителе, в аппаратном кошельке или на бумажном носителе в виде seed-фразы.

Понимание механизма транзакций необходимо для выбора правильных тактических приемов. Каждая операция проверяется участниками сети и только после подтверждения включается в новый блок. После записи в блокчейн отмена или изменение транзакции становится невозможной, что повышает уровень доверия к данным, но создает трудности для следствия при необходимости возврата активов. В отличие от централизованных банковских операций, где существует возможность временной блокировки счета, в криптовалютных сетях подобная мера может быть реализована только через прямое воздействие на устройства, содержащие приватные ключи [6, с. 57].

Любое вмешательство в цифровую систему должно быть минимальным и не изменять ее исходное состояние. Практика показывает, что даже простое включение компьютера или смартфона без предварительного анализа может повлечь за собой уничтожение временных файлов или активацию программ автозащиты. Поэтому предварительный этап осмотра должен включать оценку технического состояния оборудования, определение рисков и привлечение специалиста, обладающего компетенцией в области криптотехнологий и компьютерной безопасности.

Важным направлением тактики является оценка следственной ситуации. Следователь должен определить, существует ли вероятность удаленного вмешательства, возможна ли синхронизация устройств с облачными сервисами и какие действия нужно предпринять для исключения потери данных. В случаях, когда объект подключен к сети, необходимо обеспечить немедленную изоляцию канала связи. Это достигается отключением маршрутизаторов, сетевых адаптеров и использованием экранирующих средств. Если отключение может привести к утрате данных, применяются методы сохранения оперативного состояния устройства, включая создание копии оперативной памяти. Такая копия позволяет зафиксировать данные, не сохраняющиеся на постоянных носителях (пароли, временные ключи, история сессий и адреса подключений) [7, с. 80].

Подготовительный этап включает также формирование состава следственно-оперативной группы. Помимо следователя в ней должны участвовать специалисты в области компьютерных технологий и, при возможности, эксперт по блокчейн-аналитике. Каждый участник должен понимать порядок действий, методы фиксации и принципы обращения с носителями. Практика показывает, что отсутствие предварительного инструктажа часто приводит к потере доказательственной информации или нарушению ее целостности. Поэтому перед выходом на место проводится синхронизация времени, уточняются роли, а все участники получают краткие письменные инструкции по работе с оборудованием.

Криптографическая специфика объектов предъявляет особые требования к техническому обеспечению. Следственно-оперативная группа должна иметь при себе устройства для

побитового копирования данных, блокираторы записи, источники бесперебойного питания и экранирующие материалы. Для фиксации используются сертифицированные программы, позволяющие создавать контрольные хэши и автоматически протоколировать действия оператора. Хэш-контроль необходим для подтверждения подлинности копий и исключения последующих споров о достоверности данных. При этом расчет хэшей производится сразу после создания образа, а результаты вносятся в протокол осмотра.

Особое значение имеет взаимодействие с лицами, находящимися на месте осмотра. Следователь должен учитывать возможность противодействия и попыток скрыть или удалить информацию. В таких случаях рекомендуется вести непрерывную видеофиксацию и использовать дублирующие каналы записи, чтобы исключить споры о последовательности действий. Любые обнаруженные электронные устройства фотографируются в исходном положении, описываются в протоколе и только затем изымаются. Упаковка должна исключать воздействие электростатических полей и механических повреждений.

После изъятия устройств и копирования данных особое внимание уделяется правильности документирования всех действий. В криминалистической практике именно этот аспект часто определяет допустимость и доказательственную силу цифровых данных. Протокол должен содержать не только описание обнаруженных устройств, но и последовательность произведенных операций, сведения о программных и аппаратных средствах, использованных при фиксации информации. К каждому протоколу прилагаются контрольные хэши и технические отчеты, полученные автоматически в ходе копирования. Соблюдение этих процедур обеспечивает возможность последующей экспертной проверки, а также воспроизводимость результатов, что является необходимым условием процессуальной достоверности [8, с. 95].

Проблема воспроизводимости цифровых доказательств отмечается во многих современных исследованиях. Авторы указывают, что отсутствие унифицированных стандартов фиксации данных создает риски для следствия и суда, поскольку одинаковые действия в разных программных средах могут давать различный результат. В связи с этим целесообразно использовать только сертифицированные программы, допущенные для работы с цифровыми носителями, а при возможности, фиксировать параметры аппаратно-программного комплекса, примененного при копировании. Это особенно важно при работе с криптокошельками, где любое несоответствие может быть расценено как изменение исходных данных.

Решение о том, следует ли изымать устройства или ограничиться копированием, принимается с учетом реальной ситуации. При осмотре помещений, где осуществляется деятельность коммерческой организации, следователь обязан оценить, насколько изъятие оборудования может повлиять на работу предприятия. Если риск существен, то предпочтительно создание копий с сохранением оригиналов на месте. Такой подход соответствует принципу соразмерности и позволяет избежать нарушений прав собственников. При этом необходимо обеспечить условия, исключающие вмешательство в сохраненную информацию.

Особое внимание в современной практике уделяется вопросам участия специалиста при изъятии и осмотре криптоактивов. Роль специалиста заключается не только в технической поддержке, но и в консультировании следователя относительно возможных рисков и способов их минимизации. Именно специалист обеспечивает правильное обращение с устройствами, предотвращает повреждение носителей и помогает определить порядок действий при обнаружении аппаратных кошельков [9, с. 4]. Его участие особенно важно на этапе оценки целесообразности отключения питания или изоляции от сети, а также при работе с зашифрованными носителями, где неправильное вмешательство может сделать данные недоступными.

В процессе осмотра криптокошельков и иных цифровых объектов специалист также выполняет функцию фиксатора: он обеспечивает точность измерений, описывает примененные методы и контролирует полноту фото- и видеодокументирования. Согласно выводам исследования, проведенного О. Н. Тисен, наличие технического специалиста позволяет

значительно повысить надежность фиксации данных и уменьшить вероятность утраты доказательственной информации. Это особенно актуально в условиях, когда электронные следы носят динамический характер и могут исчезнуть или измениться при первом же воздействии на систему [10, с. 79].

Отдельного внимания заслуживают следственные действия, направленные на поиск и идентификацию аппаратных кошельков. Они часто внешне напоминают обычные USB-устройства или компактные носители и могут быть замаскированы среди периферийного оборудования. В ходе обыска следователь должен опираться на знания о типичных признаках таких устройств и об их конструктивных особенностях. По рекомендациям отдельных исследователей [11, 12], при обнаружении подобных предметов необходимо сразу зафиксировать их визуальное состояние, подключение к сети и индикаторы активности, после чего устройство упаковывается без вскрытия корпуса. Все последующие действия выполняются только в лабораторных условиях с участием эксперта.

Бумажные носители, содержащие seed-фразы или приватные ключи, представляют собой отдельный вид цифровых следов. Их фиксация осуществляется в соответствии с общими правилами осмотра документов, однако добавляются меры по немедленной изоляции, чтобы предотвратить возможное удаленное перемещение активов. Такие объекты рекомендуется фотографировать в исходном положении, избегая любых изменений надписей или маркировок. После фотофиксации документ помещается в защитный конверт и опечатывается.

Практика подтверждает необходимость внимательного отношения к подобным объектам. Так, в апелляционном определении Верховного суда Республики Калмыкия от 3 октября 2024 г. по делу № 22–440/2024 отмечено, что при осмотре помещения помимо электронных весов и упаковочных материалов был обнаружен блокнот с записями кодов доступа к криптокошелькам, принадлежавший обвиняемому. Суд признал эти сведения допустимыми доказательствами, указав на их значение для установления обстоятельств преступной деятельности, связанной с использованием криптовалютных расчетов.

При работе с облачными и кастодиальными сервисами применяются методы правового и технического воздействия. Следователь направляет запросы о сохранении и передаче информации провайдером, при этом желательно использовать официальные защищенные каналы связи.

Практика показывает, что значительная часть ошибок при осмотре криптокошельков связана с недооценкой психологического и коммуникационного аспектов. В присутствии владельцев оборудования или свидетелей следователь должен действовать сдержанно, избегая конфликтных ситуаций и необоснованных действий. Любое напряжение может привести к уничтожению данных или активации функций самозащиты устройства. Эффективная тактика общения строится на сочетании настойчивости и корректности, при этом следователь обязан контролировать все действия участников и не допускать самовольных манипуляций с техникой.

Фиксация каждого этапа осмотра является обязательным элементом доказательной процедуры. Протокол должен отражать фактические обстоятельства, состояние устройств, параметры копирования и примененные программы. Фото- и видеофиксация дополняется схемами расположения предметов и указанием углов съемки. Это обеспечивает возможность последующего анализа и экспертной проверки.

Технический аспект фиксации и хранения копий требует также соблюдения принципа непрерывности цепочки хранения. С момента создания копии и до ее передачи на экспертизу должны быть исключены любые возможности изменения содержимого. Все этапы движения материалов фиксируются в журналах и сопровождаются подписями ответственных лиц. Хранение осуществляется в изолированных помещениях или с применением защищенных цифровых репозиторий, допускающих проверку контрольных сумм.

Тактическое значение правильного осмотра криптокошелька заключается в том, что от его качества зависит весь последующий процесс доказывания. Ошибки на этом этапе трудно исправить, а их последствия могут привести к утрате доказательственной информации или признанию данных недопустимыми. В этом контексте разработка единых методических подходов к осмотру, фиксации и изъятию цифровых следов имеет не только практическое, но и теоретическое значение. Она способствует выработке новых криминалистических категорий, связанных с обращением цифровых активов, и расширяет инструментарий следователя в условиях технологической трансформации общества [13, с. 535].

Осмотр криптокошелька представляет собой пример того, как классические принципы криминалистики могут быть адаптированы к современным реалиям. Он объединяет организационные, технические и правовые элементы, требуя от следователя системного подхода, способности координировать действия разных специалистов и сохранять доказательственную ценность цифровой информации. Современные исследования подчеркивают, что успешное применение таких методов возможно лишь при условии постоянного повышения квалификации, обмена опытом и внедрения научных рекомендаций в практику.

Таким образом, тактика осмотра криптокошелька отражает общий процесс интеграции криминалистики в цифровую сферу. Она опирается на те же базовые принципы, что и традиционные следственные действия, но реализуется в новых технологических формах. Ее совершенствование требует дальнейших научных исследований, направленных на разработку методов сохранения, анализа и представления цифровых следов в процессуально значимом виде.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. М., 1997. Т. 1.
2. Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2003.
3. Черепнев М. А. Блокчейн и протокол коллективной подписи // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7. № 6. С. 17–23.
4. Кушнир Д. В., Нечаев А. А. Исследование уязвимостей программных и аппаратных клиентов блокчейн-сетей // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании: сб. науч. статей XII междунар. науч.-техн. и науч.-метод. конф. В 4 т. СПб., 2023. С. 745–750.
5. Бедеров И. С. Особенности раскрытия преступлений, связанных с оборотом криптовалют // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения: материалы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С. 55–59.
6. Тисен О. Н. Установление владельцев криптокошельков, обнаружение и изъятие приватных ключей при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2024. № 1 (229). С. 78–83.
7. Осипов Г. П. Изъятие и арест криптовалюты: роль и участие специалиста // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 3. С. 93–100.
8. Бардачевский Р. И., Соршнев Ю. Н. Особенности производства следственных действий, связанных с поиском и изъятием криптовалютных финансовых активов по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Российский следователь. 2021. № 6. С. 3–5.
9. Тисен О. Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3. С. 69–80.
10. Тисен О. Н. Особенности установления и закрепления цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 3 (61). С. 63–69.
11. Самойло В. А. Характерные особенности преступлений, связанных с использованием криптовалют // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов конф. Воронеж, 2023. С. 337–338.
12. Гамаюнов А. А. К вопросу о методике расследования преступлений, связанных с оборотом цифровой валюты // Судебная система России на современном этапе общественного развития: сб. науч. трудов всерос. студ. науч. конф. Ростов на/Д, 2025. С. 534–537.

Информация об авторе

В. Ф. Васюков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

V.F. Vasyukov – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; принята к публикации 05.11.2025.

The article was submitted 05.11.2025; accepted for publication 05.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 90–96.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 90–96.

Научная статья
УДК 343.98

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА В КОМПЬЮТЕРНУЮ СЕТЬ

Павел Александрович Жердев¹, Николай Евгеньевич Мерецкий²

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
pashkhv@yandex.ru

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск
ugpd@rambler.ru

Аннотация. В статье описаны криминалистические рекомендации по оптимизации тактики первоначальных следственных действий при расследовании неправомерного доступа в компьютерную сеть. Предлагается авторское решение некоторых ключевых вопросов, регулирующих порядок производства следственного осмотра, обыска и выемки; разработаны алгоритмы и методики, направленные на повышение эффективности следственных действий в условиях цифровой криминалистики.

Ключевые слова: информация, криминалистическая тактика, следственное действие, осмотр места происшествия, следователь, компьютерная сеть

Для цитирования: Жердев П. А., Мерецкий Н. Е. Тактико-криминалистические аспекты расследования неправомерного доступа в компьютерную сеть // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 90–96.

Original article

TACTICAL AND FORENSIC ASPECTS OF INVESTIGATION OF ILLEGAL ACCESS TO A COMPUTER NETWORK

Pavel A. Zherdev¹, Nikolay E. Meretskiy²

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk
pashkhv@yandex.ru

² Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk
ugpd@rambler.ru

Abstract. This article describes forensic recommendations for optimizing initial investigative tactics when investigating unauthorized access to a computer network. The article offers a unique solution to several key issues regulating the procedure for conducting investigative inspections, searches, and seizures. Algorithms and methods aimed at increasing the effectiveness of investigative actions in digital forensics are developed.

Keywords: information, forensic tactics, investigative action, inspection of the scene, investigator, network

For citation: Zherdev P. A., Meretsky N. E. Tactical and forensic aspects of the investigation of unauthorized access to a computer network // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov. 2026. № 1 (74): 90–96.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной информатизации общества проблема обеспечения кибербезопасности приобретает первостепенное значение. Неправомерный доступ к компьютерной сети, являющийся одним из наиболее распространенных видов киберпреступлений, представляет серьезную угрозу для информационной безопасности государства, бизнеса и частных лиц. В связи с этим исследование тактико-криминалистических аспектов производства следственных действий при расследовании данного вида преступлений становится актуальной задачей, требующей комплексного подхода и глубокого анализа.

Как известно, сущность предварительного расследования заключается в установлении обстоятельств расследуемого события, которое, в свою очередь, достигается путем собирания доказательств. При производстве расследования по факту противоправного воздействия на сетевые ресурсы важную роль в процессе доказывания отводят специальным методам криминалистического исследования – анализу цифровых следов, реконструкции событий и моделированию ситуаций, что во многом определяет последовательность решения задач и тактику производства отдельных следственных действий.

В рамках производства следственного осмотра, целью которого является обнаружение, фиксация, изъятие и исследование электронной информации на средствах компьютерной техники, возможны несколько вариантов типовых ситуаций:

- 1) осмотр может быть осуществлен в рамках изъятия компьютерной техники при обыске, выемке, освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования;
- 2) участком осматриваемой территории может быть место наступления преступных последствий и место, из которого был осуществлен неправомерный доступ в компьютерную сеть [1, с. 264].

Как уже отмечалось выше, специфика преступлений рассматриваемой категории и вытекающие из этой специфики особенности расследования уголовных дел должны быть обязательно учтены при проведении каждого следственного действия, в том числе и следственного осмотра.

В криминалистической литературе содержатся следующие криминалистические рекомендации, касающиеся следственного осмотра.

1. Необходимо обеспечить участие в следственном осмотре специалистов разных специальностей, в том числе обладающих познаниями в сфере компьютерной техники и сетевых коммуникаций (в области электроники, связи, электроснабжения и других сфер телекоммуникаций).

Обеспечение участия IT-специалистов в производстве следственных осмотров (обысков) по делам о неправомерном доступе в компьютерную сеть необходимо рассматривать как обязательное криминалистическое требование, носящее категорический характер. Следует перечислить такие случаи:

- при копировании и изъятии информации в процессе осуществления осмотра, обыска (выемки) электронных носителей информации;
- в случаях отключения соответствующих устройств от локальной (глобальной) сети;
- при осуществлении осмотра сервера, поскольку последний содержит в своей памяти значительный объем информации, а также осуществляет управление комплексом программных и аппаратных средств сетевых ресурсов;
- во всех иных ситуациях, когда следователь не способен использовать, изымать и копировать соответствующие устройства самостоятельно.

2. Целесообразно привлечь к производству первоначальных следственных действий оперативных сотрудников из отдела по борьбе с киберпреступлениями, в обязанности которых входит оказание следователю помощи в проведении осмотра места происшествия и осуществлении оперативно-розыскной деятельности:

- поиск свидетелей и иных источников информации, интересующей органы предварительного расследования (о личности преступника, местах нахождения компьютерной техники и иной информации, позволяющей установить обстоятельства совершенного преступления);
- розыск преступника, организация его задержания по горячим следам;
- координация действий других оперативных сотрудников, осуществляющих систему оперативно-розыскных мероприятий по данному делу.

3. Перед началом производства осмотра необходимо обеспечить участие понятых. При этом важно, чтобы привлекаемые в качестве понятых лица обладали необходимым уровнем знаний в области компьютерной техники и информационных технологий. Важность наличия у лиц, привлекаемых в качестве понятых, специальных знаний в рассматриваемой области объясняется тем, что понятой по существу является специфической разновидностью свидетеля. Эта специфика определяется тем, что при вызове на последующих этапах производства по делу в качестве свидетеля понятой должен дать показания не о событии преступления, а о производстве следственного действия, в котором он принимал участие в качестве понятого (об условиях производства следственного действия, обнаруженных и изъятых предметах и о другой доказательственной информации).

В случае, если понятой не обладает определенным уровнем знаний в области компьютерной техники и IT-технологий, то доказательственная ценность его последующего допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах произведенного с его участием следственного действия весьма невелика. Кроме того, у судебных органов могут появиться сомнения и в объективности и достоверности информации, полученной в результате следственного действия, поскольку допрос понятого и призван устранить указанные сомнения.

В связи с этим в криминалистической литературе настоятельно рекомендуется в качестве понятых для производства осмотров, обысков, выемок по делам рассматриваемой категории в случаях, когда дело касается компьютерного оборудования и программного обеспечения, привлекать лиц, обладающих специальными знаниями [2, с. 35].

Следует также указать еще на одну категорию лиц, которых целесообразно привлекать к участию в осмотре по аналогичным делам, – это руководители (или, как минимум, представители) организации, являющейся собственником или законным владельцем компьютерного оборудования. Эта рекомендация связана со значительной стоимостью осматриваемой компьютерной техники и возможностью беспрепятственного доступа к ней.

Перед началом производства следственного действия необходимо проинструктировать участников осмотра, разъяснив им цели и задачи предстоящего следственного действия, а также заранее проверить работоспособность компьютерных и периферийных устройств и иную необходимую технику, предназначенную для изъятия или копирования информации.

При рассмотрении тактических особенностей первоначальных следственных действий особое внимание следует уделять исследованию тактики обыска, так как большая часть правил, предусмотренных в ст. 183 УПК РФ, распространяется и на выемку. При этом в следственной практике чаще проводится обыск, так как выемка существенно сужает поисковые возможности следователя. Предполагается, что следователь выбирает между рассматриваемыми следственными действиями именно выемку только в том случае, когда точно знает, где находится необходимый для изъятия предмет. При проведении выемки следователь не имеет права беспрепятственно вскрывать, например, шкафы, двери и иные места, чтобы найти такой предмет.

Тактические особенности производства рассматриваемых следственных действий в первую очередь заключаются в том, что следователю необходимо тщательно изучить все имеющиеся материалы уголовного дела и доказательства. Это необходимо для того, чтобы составить тактический план производства обыска или выемки. Например, при исследовании показаний свидетеля следователь может собрать всю необходимую информацию о личности лица, в отношении которого проводится обыск или выемка. Можно предположить, откажется ли это лицо выдать электронные носители информации, обладает ли оно какими-либо специальными знаниями в этой сфере, которые могут помочь скрыть доказательства.

При исследовании протокола осмотра места происшествия, если он проводился в месте производства обыска, следователь может собрать информацию об обстановке, спланировать, каким именно образом и в каком порядке он будет проводить обыск или выемку. Другие документы могут включать в себя сведения о возможности обнаружения следователем на месте проведения следственного действия конкретных объектов.

По нашему мнению, особое внимание при исследовании материалов уголовного дела в случае подготовки к проведению рассматриваемых следственных действий следует уделять результатам оперативно-розыскной деятельности, так как они, как правило, содержат информацию, характеризующую все элементы подготовки к обыску и выемке.

Следующим подготовительным действием следователя является предполагаемый способ беспрепятственного проникновения на объект, так как в случае неудачного проникновения возможна утрата важных для расследования уголовного дела доказательств. Как правило, проникновение на объект проводится внезапно. Считаем, что при проведении выемки и обыска электронных носителей информации использование фактора внезапности при проникновении на объект, особенно в случаях неблагоприятных (конфликтных) следственных ситуаций, окажет эффективное воздействие на поведение подозреваемого и преодоление его противодействия.

Несмотря на специфику расследования несанкционированного доступа к компьютерной сети, не следует забывать и о поиске и об обнаружении традиционных следов. Так, в рамках осмотра компьютерного оборудования обнаружению и изъятию подлежат записи с камер видеонаблюдения, следы рук, микрообъекты на клавиатуре и других периферийных устройствах компьютерной техники.

При подготовке к производству обыска или выемки электронных носителей информации следователю также необходимо обратить внимание на то, что искомый объект может быть замаскирован преступником. Маскировка представляет собой изменение внешнего вида такого объекта. В данном случае следователю следует составить версии о том, каким именно образом может быть скрыт объект поиска.

Особое внимание также следует уделить тому, что в искомом объекте может храниться информация, которая относится к конфиденциальной. Это важно по той причине, что, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству в случае наличия в искомом объекте общедоступной информации, какая-либо подготовка к ее изъятию не требуется. Однако при конфиденциальной информации следователю необходимо либо получить письменное разрешение владельца на ее изъятие, либо заявить ходатайство и получить судебное решение о ее изъятии.

Анализ специальной литературы позволяет выделить следующие рекомендации по тактике проведения осмотра (обыска) по делам о неправомерном доступе в компьютерную сеть.

1. По прибытии на место производства следственного действия и при обнаружении компьютерного оборудования необходимо убедиться в том, что на нем не работает программа по удалению (шифрованию) компьютерной информации, если таковая работает, то с помощью специалиста необходимо принять меры по прекращению ее действия.

2. Участники следственного действия (за исключением специалиста) должны быть предупреждены о недопустимости производства каких-либо действий, манипуляций со средствами компьютерной техники и периферийными устройствами, которое обнаружено на месте осмотра, обыска или выемки (включение, выключение, перезагрузка и другие действия).

3. Следует изучить общую обстановку на месте осмотра (обыска): количество и тип компьютерных и периферийных устройств (маршрутизаторов, коммутаторов, различных внешних накопителей данных и других устройств), характер соединения компьютерных периферийных устройств между собой, включение их в сеть (локальную, глобальную). Данная обстановка места осмотра (обыска) должна быть подробно описана в протоколе следственного действия. Желательно при этом, для наглядности, также составить план-схему, на которой отразить местоположение и соединения обнаруженного на месте осмотра компьютерного оборудования и приложить ее к протоколу.

Если на момент осмотра (обыска) компьютер находится во включенном состоянии, то необходимо исследовать характер работающих на нем программ. Результаты данного изучения, а также содержание изображения на экране компьютера отразить в протоколе следственного действия.

В случае необходимости копирования электронно-цифровой информации, последняя копируется на подготовленные до начала следственного действия носители. В ситуации, когда произвести такое копирование невозможно по техническим причинам или по каким-либо причинам нецелесообразно, носитель информации (системный блок, внешний накопитель и т. п.) подлежит изъятию с обязательным отражением в протоколе (какое оборудование, из какого места, в связи с чем было изъято).

Изучив отличительные черты процесса изъятия цифровых носителей информации, можно определить перечень ключевых, обязательных для исполнения правил, касающихся осуществления исследуемых следственных действий.

Прежде чем осуществить обыск или выемку цифровых носителей, следует в обязательном порядке провести консультацию со специалистом, способным дать рекомендации и заключение относительно отсутствия тех или иных угроз, сопряженных со взаимодействием с данным носителем.

Некоторую сложность вызывают процедуры документирования, изъятия и фиксации доказательств, когда последние представляют из себя цифровую, компьютерную информацию. Подобные затруднения вызываются тем, что компьютерную информацию, в отличие от иных видов доказательств, нельзя прямо воспринять посредством органов осязания, органов чувств. Для восприятия подобной информации необходимо прибегать к применению программных и технических средств.

Следует отметить, что осмотр компьютерной информации не подразумевает «смотреть» или «видеть» информацию в привычном смысле, здесь имеется в виду проверка тех или иных технических средств с помощью различных инструментов. Подобная проверка может быть осуществлена лицом, которое обладает специальными знаниями, позволяющими работать с техническими средствами. Отсюда может возникнуть ситуация, когда в ходе поиска необходимой информации последняя не будет обнаружена, хотя заинтересованным лицом не было предпринято никаких попыток ее скрыть.

В процессе выемки (обыска) информации, а также соответствующих носителей могут появиться некоторые проблемы, связанные с особенностями технических средств, которые изымаются.

В ходе осуществления выемки (обыска) следует принимать некоторые меры безопасности, поскольку подозреваемыми (обвиняемыми) могут быть использованы те или иные действия, направленные на уничтожение вещественных доказательств. Например,

заинтересованные или указанные лица могут использовать специализированные технические средства, которые стирают магнитные записи посредством формирования сильного магнитного поля. В целях недопущения подобных ситуаций в ходе выемки (обыска) целесообразно применять оборудование, способное измерять и обнаруживать магнитные поля.

Также, например, существуют специализированные программы, которые с некоторой периодичностью запрашивают у пользователя компьютера пароль или удаляют информацию с носителей, если последний в течение некоторого времени не подтвердил ключ доступа. В связи с этим необходимо изымать соответствующую технику в целях более глубокого исследования в ходе производства компьютерно-технической экспертизы.

Следует подчеркнуть важность аккуратного хранения и транспортировки вещественных доказательств, представленных компьютерной техникой, которая была изъята в процессе выемки (обыска). Так, например, удары, броски, влажность, понижение и повышение температуры могут оказать существенное влияние на сохранность подобных вещественных доказательств, а также повлечь утерю технических свойств аппаратуры и данных, хранящихся на ней.

Участие специалиста является необходимым фактором в процессе обыска, а также последующей выемки соответствующих доказательств. Специалист осуществляет копирование данных на иные электронные носители в присутствии понятых, в соответствии с ходатайством владельца или законного обладателя материального носителя таких данных. Как представляется, подобное копирование является недопустимым в том случае, если, согласно утверждению специалиста, это станет причиной изменения или утраты электронных доказательств. В такой ситуации в протоколе выемки и обыска делается соответствующая пометка.

Остановившись на работе специалиста в процессе изъятия соответствующих носителей информации, считаем необходимым упомянуть о значительной проблеме, которая возникает на практике. Вопрос, касающийся обязательного участия специалиста в ходе производства следственных действий, неоднократно ставился под сомнение исследователями-процессуалистами. По мнению М. В. Старичкова, имеют место случаи, когда в качестве электронного носителя информации выступает цифровой фотоаппарат, сотовый телефон, mp3-плеер и т. п. [3, с. 122]. Практика применения подобных устройств демонстрирует тот факт, что для пользования последними нет необходимости иметь специальные знания, отсюда следует вопрос: существует ли реальная потребность в привлечении специалиста в процесс изъятия таких устройств? Согласно позиции упомянутого автора, необходимость в привлечении специалиста в процесс изъятия цифрового фотоаппарата или смартфона отсутствует.

Рассматриваемая проблема имеет место в ситуации, при которой следователь несет персональную ответственность за качество проведенных следственных действий и привлечение специалиста к изъятию в процессе осуществления расследования. Так, в обязанность специалиста войдет оказание помощи при производстве осмотра (обыска), подключенного к локальной сети мобильного устройства, карты памяти фотоаппарата, системного блока по преступлениям в IT-сфере.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что производство следственных действий при расследовании неправомерного доступа к компьютерной сети требует учета специфики цифровых следов и применения специализированных криминалистических методов и средств. В частности, необходимо учитывать особенности формирования и сохранения цифровых следов, а также применять современные инструменты для их обнаружения и анализа. В отечественном законодательстве необходимо закрепить нормы о возможности производства отдельных следственных действий при помощи современных средств связи и обмена данными, что положительным образом сказалось бы на соблюдении разумного срока досудебного производства [4, с. 27].

Кроме того, исследование показало, что эффективность следственных действий во многом зависит от уровня подготовки и квалификации следователей, а также от наличия у них необходимых знаний и навыков в области информационных технологий и компьютерной безопасности. В связи с этим представляется целесообразным разработка и внедрение специализированных образовательных программ, направленных на повышение квалификации следователей в сфере цифровой криминалистики.

Таким образом, исследование тактико-криминалистических аспектов производства следственных действий при расследовании неправомерного доступа в компьютерную сеть является важным шагом на пути к обеспечению кибербезопасности и повышению эффективности расследования данного вида преступлений.

Список источников

1. Мерецкий Н. Е. Некоторые возможности определения места несанкционированного доступа в компьютерную сеть // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. трудов. Хабаровск, 2018.
2. Жердев П. А., Бондарчук А. С. Криминалистические и процессуальные аспекты производства следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: сб. науч. трудов / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск, 2018.
3. Старичков М. В. Вопросы использования носителей компьютерной информации в качестве доказательств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2.
4. Нуриев И. Н. Производство следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования: вопросы теории и практики // Законодательство и практика. 2022. № 1 (48).

Информация об авторах

П. А. Жердев – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики;
Н. Е. Мерецкий – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, заслуженный юрист РФ.

Information about the authors

P. A. Zherdev – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of Criminalistics;

N. E. Meretskiy – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 97–101.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 97–101.

Научная статья
УДК 343.98

О СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ, ТРЕБУЮЩИХ ПРИНЯТИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ, ИХ МЕСТЕ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ДИДАКТИКЕ

Денис Викторович Галкин

Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева,
Хабаровск

dvgalkin@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0931-1109>

Аннотация. С позиций системного подхода рассматриваются нормативное регулирование и практика обеспечения безопасности участников следственных действий. Предложена классификация следственных ситуаций, требующих принятия специальных мер безопасности. Аргументируется необходимость комплексного рассмотрения вопросов безопасности следственных действий в криминалистике.

Ключевые слова: следственные ситуации, безопасность следственных действий, специальные меры безопасности, криминалистическая тактика

Для цитирования: Галкин Д. В. О следственных ситуациях, требующих принятия специальных мер безопасности, их месте в криминалистической науке и дидактике // Вестник Дальневосточного юридического института имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 97–101.

Original article

ON INVESTIGATIVE SITUATIONS REQUIRING THE ADOPTION OF SPECIAL SECURITY MEASURES, THEIR PLACE IN CRIMINALISTIC SCIENCE AND DIDACTICS

Denis V. Galkin

Khabarovsk branch of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, Khabarovsk

dvgalkin@bk.ru, ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-0931-1109>

Abstract. This article examines the regulatory framework and practices for ensuring the safety of participants in investigative actions from a systems perspective. A classification of investigative situations requiring special security measures is proposed. The need for a comprehensive consideration of investigative security issues in forensic science is argued.

Keywords: investigative situations, security of investigative actions, special security measures, forensic tactics

For citation: Galkin D. V. On investigative situations requiring the adoption of special security measures, their place in criminalistic science and didactics // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 97–101.

Безопасность участников следственных действий как принципиальное условие уголовного процесса находит отражение в законодательных нормах и криминалистических рекомендациях. Обеспечение безопасности и принятие для этого специальных мер составляет немалую часть деятельности следователя и других профессиональных участников правоохраны и правосудия. Несмотря на безусловную значимость и актуальность этих вопросов для уголовного процесса и криминалистики, в этих отраслях научных знаний и соответствующих им учебных дисциплинах проблемы безопасности следственных действий представлены недостаточно системно.

В отдельных отраслях уголовно-правовых наук вопросы обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, рассматриваются с разных сторон. Процессуальный аспект обеспечения безопасности участников следственных действий на этапе досудебного производства в юридической литературе обсуждается в основном в контексте обеспечения физической безопасности потерпевших и свидетелей обвинения, дающих показания, изобличающие других лиц [1; 2]. Так, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, субъекты расследования (суд, прокурор, следователь, дознаватель) принимают, в пределах своей компетенции, в отношении указанных лиц специальные меры безопасности. Содержание этих мер раскрывается в ст. 166 УПК РФ, а также в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Устоявшееся словосочетание «безопасность участников уголовного процесса» при анализе правовых актов и юридической литературы отсылает читателя именно к этим аспектам – процессуально закрепленным гарантиям защиты свидетелей от неправомерного воздействия на них со стороны подозреваемых и любых других заинтересованных лиц; эта защита кроме физической безопасности свидетелей призвана обеспечить полноту и объективность их показаний в суде. Давление на свидетелей обвинения, включая угрозы их здоровью и жизни, несмотря на общее снижение насильственной преступности, остается общественно опасной проблемой. Таким образом, следственно-судебная практика обнажила эту, несомненно, наиболее важную для целей правосудия проблему безопасности, а законодатель закрепил процессуальные гарантии для ее разрешения в самостоятельном институте уголовно-процессуального права – институте защиты свидетелей.

Выбор законодателя в качестве объекта защиты безопасности только свидетелей и потерпевших также указывает на то, что основной и конечной целью таких мер является обеспечение объективности правосудия, а предупреждение противоправных действий в отношении свидетелей в рассматриваемом контексте – лишь одна из задач на пути к указанной цели.

Более широкое правило обеспечения безопасности, охватывающее любые следственные действия и любых их участников, предусмотрено ст. 164 УПК РФ. Первая часть нормы устанавливает для субъектов расследования запрет на применение насилия в отношении других его участников, вторая часть запрещает намеренно подвергать опасности жизнь и здоровье участников следственных действий. Таким образом, широким это правило является с точки зрения защищаемых лиц и перечня следственных действий, но не с точки зрения источников угроз (источников опасности). Часть 4 названной статьи направлена на предупреждение угроз безопасности, исходящих от следователя, оперативных сотрудников правоохранительных органов и других профессиональных субъектов расследования.

Вместе с тем содержание дефиниции «безопасность участников уголовного процесса» гораздо шире и включает в себя криминалистические аспекты обеспечения безопасности при производстве следственных действий, в частности, в ходе осмотра места происшествия.

Обзор следственной практики, научной и методической литературы по криминалистике лишь в части самых массовых следственных действий – осмотров – позволяет выделить следственные ситуации, требующие принятия специальных мер безопасности, например, в случаях осмотра огнестрельного оружия [3], взрывных устройств и взрывчатых веществ, использования потенциально опасных криминалистических средств, расследования техногенных аварий и в ряде других случаев [4]. Обеспечение мер безопасности представляет собой обособленное направление профессиональной деятельности субъектов расследования, имеет свои закономерности и требует, по нашему мнению, несколько большего внимания, чем ему уделяется в настоящее время, в рамках образовательных программ по дисциплине «Криминалистика».

В целях выяснения значения данных вопросов для криминалистической науки и их места в структуре криминалистики необходимо систематизировать следственные ситуации, требующие принятия со стороны следователя специальных мер для обеспечения безопасности участников следственных действий. Итак, меры, предпринимаемые субъектами расследования (следователем, следователем-криминалистом, руководителем следственного органа, сотрудниками органов дознания и др.) по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, могут быть классифицированы по следующим основаниям.

1. Защита свидетелей и потерпевших, связанная с возможным давлением на них с целью воспрепятствовать правосудию, – уже частично рассмотрена выше. Меры безопасности, принимаемые в связи с этим в отношении конкретных лиц, обусловлены их фактической ролью в формировании доказательственной базы обвинения, важным доказательственным значением их показаний и возникающей в связи с этим угрозой неправомерного воздействия на них. Такие меры безопасности не ограничены рамками отдельных следственных или иных процессуальных действий и реализуются в течение всего процесса по уголовному делу и за его пределами. Они включают в себя легендирование (изменение анкетных данных), опознание в условиях скрытого наблюдения, физическую защиту и другие меры.

Как было уже отмечено, описываемые меры выходят за рамки криминалистической тактики проведения отдельных следственных и судебных действий, а потому приобретают свойства обособленного процессуального института. Наряду с ними могут приниматься и другие меры безопасности, сугубо тактического характера. Например, предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

2. Работа с опасными объектами, являющимися орудиями или средствами совершения преступлений. Она включает в себя обязательное принятие специальных мер безопасности при проведении следственных действий с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами и другими опасными объектами.

Обеспечение мер безопасности по делам такого вида не только требует привлечения компетентных специалистов (экспертов-криминалистов, взрывотехников), но и является важной составляющей профессиональных компетенций самих следователей в подразделениях, специализирующихся на расследовании таких преступлений.

Основанием для превентивного принятия мер безопасности в таких случаях, как правило, является сам факт участия в расследовании преступлений определенного вида – связанных с взрывными устройствами, огнестрельным оружием и боеприпасами, радиоактивными веществами, химическими реагентами.

3. Потенциально опасные условия проведения следственных действий. К ним относятся, например, осмотры мест происшествия по делам о природных и техногенных катастрофах, о происшествиях на любом виде транспорта: авиационном, железнодорожном, водном, автомобильном.

Так, обобщение следственной практики показывает, что в следственной работе по делам о транспортных происшествиях одной из ключевых проблем являются экстремальные

условия расследования и недостаточный уровень обеспечения безопасности участников следственных действий. При производстве осмотров следователи «не располагают необходимыми приборами, не имеют средств индивидуальной защиты, рискуют собой, а также жизнью и здоровьем других лиц, участвующих в осмотре» [5, с. 5].

К этой же группе следственных ситуаций следует отнести использование источников повышенной опасности при проведении следственных экспериментов и проверок показаний на месте.

Из наиболее часто встречающихся в следственной практике примеров таких ситуаций является использование личных транспортных средств граждан в рамках следственных экспериментов по делам о дорожно-транспортных происшествиях с целью реконструкции дорожной ситуации в определенных условиях погоды, состояния дороги, неисправностей транспортных средств и пр. Так, в 2019 г. в Нижегородской области погиб мотоциклист, привлеченный следователем к участию в следственном эксперименте, не справившись с управлением и опрокинувшись при движении на скорости свыше 70 км/ч. Действия следователя в данном случае были квалифицированы судом как преступная халатность*.

4. Применение в ходе следственных действий криминалистических средств и технических устройств, требующих соблюдения особых мер безопасности. К таким устройствам относятся, в частности, мобильные цианоакрилатовые камеры, используемые следователями-криминалистами для максимально эффективного выявления следов рук непосредственно на местах происшествий. В связи с токсичностью паров цианоакрилата при работе с камерой в полевых условиях необходимо использовать средства индивидуальной защиты дыхательных путей (маску или респиратор), защитные очки и перчатки.

Обозначенные выше четыре группы следственных ситуаций связаны с обеспечением физической безопасности участников следственных действий. Однако наряду с физической безопасностью в современных условиях все большее внимание уделяется и другим ее аспектам, например, психологической безопасности детей и подростков, что также требует от следователя теоретических знаний и практических усилий при планировании и проведении следственных действий.

В последние годы можно заметить существенные изменения в подходах к организации практической работы по обеспечению безопасности лиц, вовлекаемых в правоохранительные и следственные мероприятия: безопасности уделяется все больше внимания. Отчасти это, безусловно, связано с ростом террористических угроз. Однако, по нашему мнению, на это влияют и другие причины, например, общее изменение криминальной обстановки, наблюдаемое с начала 2000-х гг. Продолжающееся снижение числа насильственных преступлений [6] непосредственно повлияло на практические условия профессиональной деятельности следователей и других сотрудников правоохраны. Наглядным примером тому служит тот факт, что сотрудники территориальных следственных подразделений в настоящее время не получают служебное оружие ни на постоянное ношение, ни на время суточных дежурств, хотя еще двадцать лет назад такая практика была гораздо более распространенной даже в крупных городах, не говоря о сельской местности. Это тесно связано и с кратным увеличением доли женщин в составе не только следственных, но и оперативно-розыскных, участковых и других подразделений правоохранительных органов. В условиях общей гуманизации общественных отношений (включая и отмеченную «гуманизацию» преступности) вопросы обеспечения безопасности и необходимость принятия системных мер по защите жизни и здоровья участников следственных действий приобретают все большее значение.

Отвлекаясь от строго научных методов аргументации выдвигаемых тезисов и гипотез, позволим себе вспомнить слова неформального гимна сотрудников правоохранительных

* Статист погиб при следственном эксперименте // Интернет-издание «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4484959> (дата обращения: 15.02.2026).

органов: «наша служба и опасна, и трудна ...». В современных условиях опасность службы перестает быть данностью, с которой остается только мириться, она может и должна быть предметом теоретического осмысления и активного практического воздействия.

Таким образом, обеспечение безопасности участников уголовного процесса в сугубо криминалистическом контексте в основном рассматривается как специфическое условие производства осмотра места происшествия в особых условиях: при осмотре опасных объектов и мест, с использованием потенциально опасной криминалистической техники и в других подобных случаях. Реже специальные меры безопасности принимаются на практике при производстве допросов, проверки показаний на месте, следственных экспериментов и некоторых других следственных действий и тоже, как правило, в связи с особыми условиями их производства. Вместе с тем вопросы безопасности следственных действий не ограничиваются рамками криминалистической тактики производства отдельных следственных действий. Они являются одним из ориентиров при выработке процедурных правил правосудия, а в рамках учебных программ высшего и дополнительного профессионального образования по дисциплине «Криминалистика» требуют комплексного рассмотрения в качестве отдельной темы учебного занятия.

Список источников

1. Грудинин Н. С. Особенности государственной защиты свидетелей и потерпевших в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 4 (45). С. 26–31.
2. Кардашевская М. В. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей при расследовании организованной преступной деятельности // Теория и практика расследования преступлений: материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2025. С. 126–129.
3. Бартенев Е. А. К вопросу безопасности лиц, участвующих в осмотре места происшествия, связанном с применением огнестрельного оружия // Современные состояние, проблемы и перспективы развития специальных знаний: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 19 ноября 2024 г.) М.: Моск. академия СК РФ имени А. Я. Сухарева, 2025. С. 14–17.
4. Особенности осмотров мест обстрелов, взрывов в условиях проведения СВО: алгоритм действий следователя. Белгород, 2023. 33 с.
5. Расследование происшествий на водном транспорте: метод. пособие / под ред. А. М. Багмета, С. А. Вазюлина. М.: Моск. академия СК России, 2018.
6. Галкин Д. В. Особенности криминальной ситуации в Дальневосточном федеральном округе (по состоянию на 2023 год) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. 2024. № 3 (68). С. 50–57.

Информация об авторе

Д. В. Галкин – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики.

Information about the author

D. V. Galkin – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 102–112.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 102–112.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Сенгуевич Ким

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровский краевой суд, Хабаровск
kssembo@mail.ru, ORCID: 0009–0000–3687–6854

Аннотация. В статье рассматриваются криминалистические методики и тактические приемы, применяемые при интеграции систем искусственного интеллекта в цифровое судопроизводство. Особое внимание уделено возможностям искусственного интеллекта в анализе мультимедийных доказательств – аудио-, видео- и текстовых данных, формируемых в условиях досудебного и судебного взаимодействия. Описаны алгоритмы извлечения, интерпретации и визуализации улик с использованием Explainable AI и нейросетевых моделей (BERT, YOLO и др.). На примере китайского опыта «Умного суда» и российских пилотных проектов предложены тактические приемы криминалистической деятельности в условиях перехода к цифровому правосудию, включая автоматизированную фиксацию цифровых следов, удаленный допрос и онлайн-идентификацию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое судопроизводство, мультимедийные доказательства, методика судебного следствия, тактические приемы

Для цитирования: Ким С. С. Криминалистическая методика и тактические приемы при использовании искусственного интеллекта в цифровом судопроизводстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 102–112.

Original article

CRIMINALISTIC TECHNIQUES AND TACTICS IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DIGITAL LEGAL PROCEEDINGS

Sergey S. Kim

Far Eastern State University of Economics, Khabarovsk Regional Court, Khabarovsk
kssembo@mail.ru, ORCID: 0009–0000–3687–6854.

Abstract. The article discusses criminalistic techniques and tactics used in the integration of artificial intelligence systems into digital legal proceedings. Special attention is paid to the capabilities of artificial intelligence (AI) in the analysis of multimedia evidence: audio, video and text data generated in pre-trial and judicial interaction. Algorithms for extracting, interpreting,

and visualizing evidence using Explicable AI and neural network models (BERT, YOLO, and others) are described. Using the example of the Chinese experience of the “Smart Court” and Russian pilot projects, tactical methods of criminalistic activity in the context of the transition to digital justice are proposed, including automated recording of digital traces, remote interrogation and online identification. The article emphasizes the need to unify approaches to working with unstructured data and to normalize the role of AI in preliminary and judicial investigation.

Keywords: artificial intelligence, digital legal proceedings, multimedia evidence, methods of judicial investigation, tactical techniques

For citation: Kim S. S. Criminalistic techniques and tactics in the use of artificial intelligence in digital legal proceedings // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 102–112.

Цифровизация правосудия и рост объема цифровых доказательств выдвигают на первый план задачу адаптации криминалистических методик к новым условиям. Искусственный интеллект (ИИ) как инструмент анализа сложных и многокомпонентных данных все чаще находит применение в юридической и следственной практике.

Цифровая трансформация судебной системы в РФ – один из ведущих трендов в правосудии на протяжении последних лет*. В 2025 г. наблюдается интенсивное развитие инициатив по интеграции продуктов искусственного интеллекта в деятельность судов**. Пример Китая с его платформой «Умный суд» демонстрирует практическую эффективность ИИ в таких задачах, как анализ судебной практики, подготовка проектов решений, обработка речевых и визуальных данных. В КНР активно используются речевые технологии, интеллектуальные помощники судей, системы онлайн-разбирательств, включая асинхронные форматы***. Этот опыт важно адаптировать к российским реалиям с учетом юридических, технологических и организационных условий.

Эффективное и правомерное внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную и криминалистическую практику требует опоры на определенные концептуальные ориентиры, обеспечивающие технологическую надежность, правовую допустимость и общественное доверие к результатам работы интеллектуальных систем. К числу таких ориентиров относятся четыре взаимодополняющих принципа: вспомогательности, объяснимости, безопасности и поэтапности.

Принцип вспомогательности является краеугольным элементом интеграции искусственного интеллекта в сферу правосудия, особенно в контексте криминалистической деятельности. Такой подход обусловлен не только техническими ограничениями современных моделей, но и правовой природой судебной власти, в основе которой лежит ответственность конкретного должностного лица за принятые решения.

Принцип вспомогательности формирует базовое условие правовой легитимности ИИ в рамках судебной власти. Он предполагает, что искусственный интеллект не может выступать субъектом принятия решений, а должен использоваться исключительно как инструмент аналитической и технической поддержки судей, следователей, экспертов и других участников процесса. В криминалистике это означает возможность применения ИИ для автоматизации рутинных задач: извлечения данных, первичного анализа доказательств, поиска аналогичных прецедентов, составления проектов документов, при сохранении полной ответственности за итоговое решение за человеком. Такой подход предотвращает подмену профессионального

* Выступления Момотова В. В. на Совете судей Российской Федерации в 2021, 2023 гг. URL: <https://legal.report/>

** Выступление Момотова В. В. на Совете судей Российской Федерации в 2025 г. URL: <https://ssrf.ru/news/>.

*** Публично-правовые основы цифровой трансформации судебной системы «Умный суд» (опыт Китая). URL: <https://legascom.ru/notes/8320>

юридического суждения результатами статистического моделирования, минимизирует риски автономного поведения системы и гарантирует соблюдение процессуальных гарантий сторон. В перспективе именно вспомогательный характер ИИ будет способствовать его безопасной и этически обоснованной интеграции в правоприменительную практику.

Принцип объяснимости представляет собой один из фундаментальных нормативно-этических ориентиров при внедрении систем искусственного интеллекта в сферу правосудия. Его суть заключается в необходимости обеспечения прозрачности, интерпретируемости и верифицируемости алгоритмических решений, принимаемых с использованием ИИ. Особенно важным этот принцип становится в криминалистической и судебной деятельности, где правовая значимость информации напрямую зависит от возможности ее логического и юридического осмысления.

В условиях судебного разбирательства любая рекомендация или аналитическое заключение, сформированное при помощи ИИ, должно быть не только результативным, но и понятным для участника процесса, будь то судья, следователь, адвокат или эксперт. Объяснимость выступает гарантом того, что алгоритм действует не как «черный ящик», генерирующий непроверяемые ответы, а как инструмент, каждое действие которого может быть прослежено, аргументировано и, при необходимости, подвергнуто критической оценке.

Технически принцип объяснимости реализуется через внедрение так называемых моделей Explainable AI, среди которых особое место занимают алгоритмы SHAP (Shapley Additive Explanations) и LIME (Local Interpretable Model-agnostic Explanations). Эти методы позволяют визуализировать вклад каждого признака в итоговое решение ИИ, выделить ключевые параметры, повлиявшие на анализ, и продемонстрировать логику суждения в форме, доступной для специалиста без технической подготовки. В контексте криминалистики это означает возможность понять, почему ИИ отнес конкретный документ к группе релевантных, почему интерпретировал аудиофайл как содержащий угрозу или почему счел видеозапись подтверждением алиби.

Юридическое значение принципа объяснимости заключается в возможности опровергнуть или подтвердить достоверность рекомендаций ИИ средствами правового анализа. Принцип объяснимости играет ключевую роль в обеспечении процессуального права на защиту, поскольку дает сторонам возможность опровергнуть или подтвердить правомерность и обоснованность алгоритмических рекомендаций. Без объяснимости невозможно ни экспертное суждение, ни защита стороны от ошибок алгоритма, ни контроль со стороны суда.

Таким образом, принцип объяснимости выступает связующим звеном между технической природой ИИ и юридической формой правосудия. Он гарантирует, что искусственный интеллект остается инструментом, подотчетным человеку и вписанным в систему правовых координат, а не автономным субъектом, действующим за пределами процедурной логики.

Принцип безопасности является обязательным условием при внедрении технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия и, в частности, в криминалистическую деятельность. Его основное значение заключается в защите цифровых систем от несанкционированного доступа, в недопущении искажений или утечек информации, а также в обеспечении стабильности функционирования ИИ-модулей при анализе юридически значимых данных.

Безопасность ИИ-систем имеет комплексный характер и охватывает как технический, так и правовой уровни. На техническом уровне принцип безопасности требует использования современных методов защиты информации: криптографических протоколов, распределенных хранилищ, цифровых подписей, алгоритмов шифрования, в том числе ГОСТ-шифрования, и, при необходимости, технологии блокчейн. Последняя может использоваться для неизменяемого хранения доказательств, ведения цифрового аудита и фиксации всех операций внутри

системы. На уровне архитектуры систем особое значение приобретает изоляция модулей, отказоустойчивость серверной инфраструктуры и регулярное проведение тестов на проникновение (пентестов).

Существенную угрозу представляют кибератаки на обучающие датасеты, внедрение вредоносных моделей, саботаж внутри алгоритмической логики, а также попытки внешнего вмешательства в систему принятия решений. В криминалистическом и судебном контексте такие вмешательства могут привести к подмене доказательств, фальсификации выводов и прямому нарушению прав участников процесса, поэтому защита ИИ-платформ должна носить проактивный характер и основываться на принципе минимизации прав доступа, контроле целостности данных и постоянном мониторинге аномалий в поведении системы.

Кроме технической составляющей принцип безопасности включает и защиту персональных данных, обрабатываемых ИИ. Суды, следственные органы и эксперты нередко работают с конфиденциальной информацией, включая сведения о частной жизни, медицинские и финансовые данные, утечка которых может повлечь серьезные последствия. Соответствие требованиям законодательства о персональных данных, обязательное обезличивание и контроль за режимами доступа являются неотъемлемыми частями данного принципа.

Отдельного внимания заслуживает необходимость нормативного закрепления мер безопасности: от процедур сертификации ИИ-продуктов до механизмов аудита их использования. Без правового признания стандартов кибербезопасности и без должного институционального контроля невозможна полная правовая легитимация ИИ в системе правосудия.

Таким образом, принцип безопасности направлен на формирование доверия к искусственному интеллекту как к инструменту, функционирующему в чувствительной среде судебного и следственного разбирательства. Он создает защитный контур, в рамках которого возможно безопасное использование ИИ без риска вмешательства, утечек и дискредитации результатов криминалистического анализа.

Наконец, принцип поэтапности определяет стратегию постепенного, адаптивного и управляемого внедрения ИИ-технологий в систему правосудия. Он предполагает развитие интеллектуальных решений от наиболее стандартизированных и технологически простых задач, таких как автоматизация документооборота и распознавание текста, к более сложным уровням аналитической поддержки и моделирования судебных решений.

Принцип поэтапности играет ключевую роль в процессе внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия и, в частности, в криминалистическую практику. Он предполагает постепенное, последовательное и контролируемое освоение ИИ-технологий с учетом как уровня цифровой зрелости судебной инфраструктуры, так и юридической чувствительности задач, которые могут быть делегированы интеллектуальным системам.

Поэтапность необходима, прежде всего, для минимизации рисков как технических, связанных с возможными сбоями, неполнотой данных или алгоритмическими искажениями, так и правовых, связанных с неопределенностью статуса ИИ в процессуальных действиях. Этот принцип требует начинать внедрение с наиболее предсказуемых и стандартизированных задач: автоматизации документооборота, распознавания текста, извлечения информации из цифровых носителей. На начальном этапе допустимо использовать ИИ для вспомогательных функций в делах, не затрагивающих неотложные меры, ограничение прав или оценку достоверности показаний.

Следующий этап может включать аналитическую поддержку при изучении судебной практики, формирование прецедентной базы, прогнозирование исходов дел по шаблонам, а также первичную сортировку и оценку доказательств. Более поздние и чувствительные этапы, такие как участие ИИ в подготовке проектов судебных решений, экспертиза доказательств в уголовных делах или сопровождение следственных действий, допустимы лишь при достижении необходимого уровня надежности алгоритмов, нормативного регулирования и технической защищенности систем.

Поэтапность также предполагает территориальное и институциональное распределение внедрения: первыми объектами апробации ИИ становятся суды общей юрисдикции в гражданской и административной сфере, а также кассационные и апелляционные инстанции, где значительную роль играют письменные материалы и прецедентный анализ. Только после успешной апробации в этих зонах возможна осторожная интеграция ИИ в сферу уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, принцип поэтапности обеспечивает управляемость цифровой трансформации правосудия, способствует адаптации кадров и систем к новым реалиям и позволяет накапливать институциональный опыт без резких изменений, которые могли бы нарушить правовую стабильность и подорвать доверие к судебной системе.

Совокупное применение этих четырех принципов формирует методологический и правовой фундамент цифровизации правосудия. Их соблюдение необходимо не только для технологической устойчивости ИИ-систем, но и для сохранения доверия общества к правосудию как институту, обеспечивающему справедливость, законность и защиту прав личности в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, последовательное применение принципов вспомогательности, объяснимости, безопасности и поэтапности составляет методологическую основу для цифровизации уголовного судопроизводства. Эти принципы приобретают особую значимость именно в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, поскольку здесь наибольшая концентрация правовых рисков, прав человека, а также высокая чувствительность обрабатываемой информации. В связи с этим цифровая трансформация не может быть механической, она требует глубокого понимания специфики оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности.

Переход от общих принципов цифровизации к конкретным прикладным решениям должен учитывать особенности сбора, фиксации, оценки и представления доказательств в уголовном процессе. Прежде всего, в органах предварительного расследования актуальным становится внедрение ИИ-модулей, предназначенных для автоматизации анализа материалов уголовного дела: систем интеллектуального поиска по базам данных, включая ранее возбужденные дела, алгоритмов сопоставления показаний, распознавания речевых паттернов в аудиозаписях допросов и опросов, а также модулей, способных выделять противоречия в показаниях или нетипичные поведенческие реакции на основе видеозаписей.

На стадии предварительного следствия также востребованы модули обработки цифровых улик: автоматизированные системы анализа контента с мобильных устройств и компьютеров, извлечения и категоризации информации из мессенджеров, электронной почты, облачных хранилищ. ИИ может быть применен для первичной классификации данных, выявления потенциальных признаков преступной деятельности, сопоставления данных с оперативно-розыскной информацией.

Криминалистическая практика сталкивается с необходимостью адаптировать свои методики к анализу цифровых данных, в том числе мультимедийных доказательств.

Обработка аудиозаписей с помощью автоматического распознавания речи (ASR – Automatic Speech Recognition) позволяет транскрибировать допросы и фиксировать показания.

При использовании систем компьютерного зрения возможно распознавание объектов, действий, лиц и временных событий на видеозаписях. Использование моделей YOLO позволяет автоматизировать выявление ключевых событий, а с помощью ResNet – проводить верификацию личностей. Тактические приемы включают временную разметку, реконструкцию событий и пространственный анализ.

Анализ текстовых документов с применением NLP (Natural Language Processing) позволяет выявлять юридические коллизии, шаблоны, повторения и другие признаки, значимые в рамках экспертизы. Применение моделей типа GPT или DeepSeek повышает эффективность

анализа и предоставляет следователям и экспертам новые инструменты обработки информации. Используя шаблоны, синтаксические деревья, а также контекстуальный анализ терминов, модели GPT и BERT могут выявлять юридически значимые фрагменты, сравнивать версии и проверять достоверность, в том числе отдельных доказательств, например, информации, содержащейся в переписке.

При переходе к судебной стадии уголовного процесса важнейшими становятся модули, обеспечивающие достоверную и юридически значимую фиксацию доказательств. Это автоматизированные системы стенографирования судебных заседаний с применением ASR и NLP, интеллектуальные хранилища видеозаписей и аудиофайлов, обеспечивающие неизменность и маркировку цифровых следов. ИИ-инструменты могут использоваться для подготовки аналитических обзоров по делу, в том числе по массивам ранее рассмотренных дел аналогичной категории, с указанием на судебные подходы к квалификации, мере наказания и иным ключевым правовым позициям.

Особое значение для уголовного судопроизводства имеет применение Explainable AI для подготовки проектных решений, экспертных заключений или предварительной оценки доказательственной базы. Любой модуль, функционирующий в условиях уголовного процесса, обязан быть прозрачным в своей логике и доступным для последующего обоснования в рамках состязательной процедуры. Это особенно актуально при рассмотрении вопросов, затрагивающих ограничения прав и свобод личности, где недопустима алгоритмическая автономия без судебной проверки.

О проблеме алгоритмической привязанности ИИ высказывались многие авторы [1; 2; 3]. Безусловно, без использования эффективных механизмов по ее разрешению применение любых продуктов на основе искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве недопустимо.

Цифровая трансформация уголовного правосудия с применением ИИ должна опираться на модульный подход [4]. Каждый отдельный ИИ-инструмент, от распознавания и индексирования доказательств до формирования аналитических рекомендаций, должен быть внедрен строго с учетом процессуальных рамок, доказательственной допустимости и практической целесообразности. Только так можно обеспечить безопасное, эффективное и правомерное использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Каждое из этих направлений должно быть не просто технологически обосновано, но и институционально встроено в существующую процессуальную систему с сохранением баланса между эффективностью и юридической допустимостью.

Таким образом, практическое применение ИИ в правосудии – это не универсальное решение, а комплекс разноуровневых модулей, каждый из которых разрабатывается и внедряется в строгом соответствии с описанными выше принципами цифровизации.

Одним из наиболее наглядных и практически значимых примеров системного внедрения искусственного интеллекта в сферу правосудия является опыт Китайской Народной Республики. С 2016 г. КНР реализует национальную стратегию построения цифрового правосудия, в рамках которой был создан и активно развивается комплексный проект «Умный суд». Данная инициатива охватывает как технические, так и организационные аспекты трансформации судебной и следственной деятельности, включая использование ИИ в криминалистических задачах*.

Наиболее ярким примером специализированного модуля является система iFlytek Judicial AI, предназначенная для речевой аналитики. Она позволяет автоматизировать стенографирование судебных заседаний, распознавать и транскрибировать аудиозаписи допросов, а также формировать процессуальные документы на основе устной речи. Подобный подход принципиально меняет методы фиксации доказательств и предоставляет новые тактические инструменты следователю и суду. Его адаптация в российской практике может значительно повысить точность фиксации показаний и снизить нагрузку на аппарат суда.

* Публично-правовые основы цифровой трансформации судебной системы «Умный суд» (опыт Китая).

Другим примером является Xiaozhi – интеллектуальный ассистент судьи, функционирующий на базе методов машинного обучения и обработки естественного языка. Его задачи заключаются в подготовке проектов решений, поиске релевантной судебной практики, автоматизированной проверке ссылок на нормативные акты и правоприменительные позиции. При этом в строгом соответствии с принципом вспомогательности Xiaozhi не принимает окончательных решений и не заменяет суждение судьи, а лишь повышает скорость и обоснованность анализа материалов дела. В российской системе такие функции могут быть применимы на стадии апелляционного или кассационного рассмотрения, где значительный объем дел требует унифицированного анализа.

Особое внимание в КНР уделяется использованию блокчейн-хранилищ для хранения цифровых доказательств. Это позволяет обеспечить неизменяемость и юридическую верифицируемость материалов дела: аудио-, видеофайлов, документов и иных цифровых следов. Подобная технология может быть особенно полезна в российской уголовной юстиции при работе с материалами, изъятыми с электронных носителей, при фиксации цифровых преступлений, а также при обеспечении подлинности доказательств, передаваемых в суд в рамках асинхронного процесса.

Российское судопроизводство в ближайшей перспективе вряд ли перейдет к рассмотрению дел по принципу асинхронного правосудия в полном объеме, когда стороны в строго отведенные им периоды загружают доказательства в электронные кейсы, а суд в иное, отдельно установленное время изучает материалы и выносит решение. Такая модель требует кардинальной перестройки процессуальной практики, глубокой цифровой трансформации судов, устойчивой электронной инфраструктуры и законодательного регулирования, чего пока не наблюдается в полной мере.

Тем не менее, элементы асинхронного судопроизводства могут быть эффективно внедрены уже сейчас как на этапе предварительного расследования, так и в рамках судебного разбирательства. Речь, прежде всего, идет о цифровом представлении доказательств с соблюдением требований процессуальной верификации: с указанием времени, источника получения, со структурированием и с маркировкой каждого элемента в цифровом досье. На стадии предварительного следствия это открывает новые возможности, создает новую криминалистическую реальность (фиксация цифровых следов, поэтапное загрузку доказательств, удаленная экспертиза). Отсутствие прямого взаимодействия сторон требует адаптации тактики: предварительной верификации доказательств, построения цифрового досье с автоматизированным индексированием. Например, документы, записи, экспертные заключения могут быть оперативно переданы в следственные органы, даже если доказательства находятся в другом регионе, что особенно актуально в условиях географической протяженности России с временными часовыми поясами. Это значительно сокращает сроки ожидания результатов, позволяет органу расследования быстрее реагировать на изменения в оперативно-следственной ситуации по делу, а также в доказательственной базе. В судебной стадии подобный подход тоже имеет преимущества. Так, стороны, представляя доказательства в электронном виде заранее, позволяют противной стороне ознакомиться с ними до следующего заседания. Это снижает необходимость в дополнительных перерывах, повышает процессуальную подготовленность и способствует более оперативному рассмотрению дела.

Таким образом, даже если полноценная асинхронная модель пока недостижима для российского правосудия, внедрение ее отдельных элементов уже сегодня может повысить эффективность и прозрачность уголовного процесса.

Криминалистические методики, применяемые в рамках «Умного суда» в КНР, основаны на алгоритмах автоматического извлечения признаков, вероятностного моделирования и поведенческого анализа. Система может классифицировать действия участников по типовым паттернам, прогнозировать возможные правонарушения или автоматически

выделять фрагменты видеозаписей, содержащие ключевые события. Эти инструменты особенно актуальны для использования в предварительном следствии и судебном анализе видеоматериалов.

Применение китайского опыта в российской правоприменительной практике требует учета особенностей правовой системы, но может быть эффективно адаптировано в рамках следующих направлений: автоматизация фиксации показаний и доказательств, интеллектуальный поиск правовых позиций, безопасное хранение цифровых данных, а также аналитическая поддержка судей и следователей при изучении больших объемов информации. Ключевым условием такой адаптации остается соблюдение принципа вспомогательности, то есть ИИ не подменяет функции субъекта доказывания или судьи, а лишь повышает точность, скорость и достоверность правоприменительных решений.

Расширение практики использования цифровых улик в уголовном судопроизводстве обуславливает необходимость формирования новой тактической культуры в деятельности как следователя, так и суда. Цифровые следы, порождаемые электронной коммуникацией, мобильными устройствами, видеонаблюдением, цифровыми платформами, становятся неотъемлемой частью доказательственного процесса, однако специфика их получения, анализа и оценки требует от участников уголовного процесса особых тактических подходов.

Для следователя ключевой задачей становится своевременная и полная фиксация цифровых следов, что требует быстрого реагирования и технической подготовленности. Одним из базовых тактических приемов является определение цифровых следов на раннем этапе расследования. Это может быть устройство подозреваемого, аккаунт в социальной сети, облачное хранилище, серверный лог веб-ресурса. Следователь должен не только оперативно изъять соответствующую информацию, но и обеспечить ее процессуальную допустимость путем правильного документирования, применения актов осмотра, протоколов, видеофиксации и привлечения специалиста.

Эффективным приемом становится использование автоматизированных инструментов первичного анализа цифровых улик: интеллектуальных фильтров по ключевым словам, программ распознавания изображений, в том числе лиц и объектов на фото- и видеоматериалах, алгоритмов временной привязки активности в мессенджерах и социальных сетях. Важным элементом тактики является анализ извлеченных цифровых данных с иными доказательствами – показаниями, предметами, протоколами для установления их взаимосвязи и контекстуального значения.

Следователь должен учитывать возможность скрытых или стертых данных. Тактический прием в этой ситуации – привлечение эксперта или специалиста по восстановлению удаленной информации, а также запросы к провайдерам или владельцам сервисов в рамках международного правового сотрудничества.

На этапе предъявления цифровых улик в суде важной задачей является обеспечение их наглядности и понятности. Следователь в сотрудничестве с прокурором может использовать визуализации, хронологические схемы, расшифровки, графики активности, чтобы представить цифровой массив в форме, доступной для восприятия судом и участниками процесса.

Судебная тактика при работе с цифровыми уликами включает оценку их допустимости, достоверности и относимости с учетом технических условий получения. Суд должен учитывать, получены ли цифровые данные с соблюдением порядка изъятия и фиксации, обеспечена ли целостность информации, возможна ли ее верификация специалистом, а также сохранены ли цифровые метаданные, подтверждающие подлинность источника. Тактическим приемом суда является назначение комплексной экспертизы, в том числе с применением ИИ-инструментов, в случае, если возникает спор о достоверности цифрового доказательства, например, при установлении авторства или подлинности текста.

В условиях асинхронного или дистанционного судебного разбирательства особую роль играет тактика поэтапного представления цифровых улик с обеспечением прав сторон на ознакомление и дачу объяснений. Суду рекомендуется при подготовке к судебному заседанию, по возможности, применять предварительный просмотр материалов, использовать цифровые стенографы и фиксировать все действия с цифровыми файлами в протоколе судебного заседания.

Таким образом, работа с цифровыми уликами требует от следователя и суда новых тактических подходов, сочетающих оперативную мобильность, техническую грамотность, внимание к процессуальной форме и способность интеграции цифровых доказательств в традиционную модель доказывания. Только при соблюдении этих условий цифровые следы могут эффективно выполнять свою функцию в раскрытии и расследовании преступлений, а также в обеспечении справедливого судебного разбирательства.

Одним из ключевых барьеров на пути эффективного применения технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел остается проблема разнородности и неструктурированности данных. В условиях современной правоприменительной практики материалы уголовного дела представлены в различных форматах: текстовых (PDF, DOC, RTF), аудиовизуальных (MP3, MP4, AVI), графических (JPEG, PNG), а также в виде сканированных изображений, цифровых копий протоколов, сообщений из мессенджеров и других нестандартизированных источников. Отсутствие единой унифицированной базы данных, в которую были бы интегрированы все элементы доказательственной информации, приводит к существенным затруднениям в автоматизированной обработке, классификации и анализе таких материалов.

Для систем ИИ, основанных на методах машинного обучения и анализа больших данных, первостепенное значение имеет доступ к стандартизированным, метаразмеченным и структурированным данным. Однако в текущей практике российской уголовной юстиции массивы информации часто поступают в виде плохо читаемых отсканированных копий, аудиофайлов без транскрипции, видеозаписей без таймкодов и пояснений, а также документов с отсутствием единых идентификаторов. Такое многообразие форматов и отсутствие четкой структуры данных делает невозможным прямое обучение моделей, требует затратных этапов предобработки и повышает риск искажений или потери информации.

Особенно остро данная проблема проявляется при использовании ИИ в криминалистике для анализа цифровых улик, речевых паттернов, сопоставления показаний, а также при построении хронологических связей между событиями. В таких условиях следователь и эксперт вынуждены вручную извлекать и систематизировать данные, что нивелирует эффективность автоматизации и увеличивает сроки проведения процессуальных действий.

Для преодоления этих трудностей необходимо не только развитие технологических решений по распознаванию и структурированию данных, включая OCR, ASR, NLP и классификацию по метаданным, но и требуются институциональные шаги, а именно внедрение стандартов цифрового представления доказательств, создание единого хранилища процессуальных материалов с API-доступом для ИИ-систем, формирование регламентов машиночитаемого документооборота. Без решения задачи стандартизации и структурирования данных невозможно обеспечить надежность, достоверность и масштабируемость применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

Другой из наиболее серьезных проблем на пути интеграции искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования и судов по уголовным делам является отсутствие нормативного закрепления статуса информации, полученной с использованием ИИ-технологий. В уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствуют специальные нормы, которые бы определяли условия допустимости, достоверности и процессуальной формы таких данных. Это приводит к правовой неопределенности и фактическому игнорированию значительного массива цифровой информации, несмотря на ее потенциальную высокую доказательственную ценность.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, в первую очередь ст. 74 и 75 УПК РФ, определяет перечень допустимых видов доказательств, включающий показания, заключения экспертов, вещественные доказательства, документы, протоколы следственных и судебных действий. Однако информация, полученная с применением автоматизированных ИИ-систем, например, результатов интеллектуального анализа видеозаписей, автоматической расшифровки аудио, вероятностной классификации событий, прогнозирования поведения, выявления аномалий и закономерностей в массиве данных, не вписывается ни в одну из форм, прямо предусмотренных законом. Это означает, что такие данные не обладают процессуальным статусом, то есть не могут быть самостоятельными доказательствами, на которые может опираться суд при принятии решения. Возможно, это оправдано, поскольку оценка доказательств должна быть, по крайней мере в рамках действующей уголовно-процессуальной доктрины, исключительной прерогативой человека-правоприменителя.

Вследствие этого информация, полученная с использованием ИИ, может рассматриваться лишь как вспомогательный аналитический материал, не имеющий юридической силы. Более того, ее применение может быть оспорено защитой как недопустимое доказательство, в случае если она оказала влияние на ход следствия или позицию суда. Такая ситуация фактически демотивирует органы предварительного расследования к применению интеллектуальных технологий, снижает инвестиционную привлекательность разработки специализированных ИИ-продуктов для юстиции и сдерживает инновации в сфере правопорядка.

Особую сложность вызывает вопрос верификации и подотчетности алгоритмов. В условиях отсутствия установленного порядка сертификации программных средств, методов объяснения и процедур контроля за качеством исходных данных невозможно гарантировать достоверность результата. Это порождает риск подмены юридического суждения результатами непрозрачных алгоритмических выводов, что прямо противоречит принципам справедливого судебного разбирательства и презумпции невиновности.

В российской правовой системе отсутствуют нормы, которые позволяли бы расширить перечень процессуальных источников доказательств, а также ввести стандарты цифрового анализа в рамках процессуального контроля. Единственным условно применимым механизмом может быть оформление результатов работы ИИ через заключение специалиста или эксперта, который официально интерпретирует полученные данные и принимает на себя ответственность за метод их обработки. Однако и этот путь сталкивается с трудностями: формально специалист или эксперт не должен заменять собой ИИ и не может гарантировать достоверность его внутренних процессов без нормативного регулирования. В качестве примера можно привести использование в процессе доказывания полиграфического исследования, несмотря на то, что такое исследование лишь условно можно сравнить с моделями на базе ИИ*.

Таким образом, в условиях правового вакуума использование ИИ в уголовном процессе оказывается ограничено вспомогательной ролью, а его выводы лишены доказательственной силы. Это создает необходимость срочного правового реагирования, как минимум, через введение процедуры сертификации ИИ-систем и закрепление их статуса в УПК РФ путем подготовки нормативной базы с регламентацией роли ИИ как вспомогательного средства криминалистического анализа, а в перспективе – через создание отдельного правового режима для интеллектуальных цифровых доказательств, аналогично существующим регламентам для вещественных доказательств, заключений экспертов или результатов оперативно-розыскных мероприятий.

До тех пор, пока статус информации, полученной с использованием ИИ, не будет закреплён нормативно, она не может быть надлежащим источником доказательств в уголовном процессе, независимо от точности, глубины анализа или технической эффективности алгоритма.

* Определение ВС РФ от 26.05.2011 по делу № 81-О11-49; Определение ВС РФ от 04.10.2012 по делу № 34-О12-12. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.06.2025).

Список источников

1. Кокин А. В., Денисов Ю. Д. Искусственный интеллект в криминалистике и судебной экспертизе: вопросы правосубъектности и алгоритмической предвзятости // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. № 2 (18). С. 30–37.
2. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Уголовный процесс и криминалистика. 2018. № 2. С. 43–47.
3. Себякин А. Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки в принятии решений // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2019. № 4 (10).
4. Там же.

Информация об авторе

С. С. Ким – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, судья Хабаровского краевого суда.

Information about the author

S. S. Kim – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, judge of the Khabarovsk Regional Court.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted 28.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 20.10.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 113–118.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 113–118.

Научная статья
УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России
vbatoev@mail.ru, ORCID: 0000–0002–8526–4923

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы построения, развития и использования государственной автоматизированной информационной системы «Сфера» в противодействии преступности. Исследуются ключевые функциональные модули, обеспечивающие сбор, обработку и анализ данных. Обозначен ряд проблемных вопросов в данном направлении деятельности правоохранительных и иных задействованных органов.

Ключевые слова: преступность, видеонаблюдение, искусственный интеллект, биометрическое распознавание лиц, государственная автоматизированная информационная система «Сфера», транспортная безопасность

Для цитирования: Батоев В. Б. Использование систем видеонаблюдения в обеспечении транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 113–118.

Original article

THE USE OF VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS IN ENSURING TRANSPORT SECURITY AT TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

Vladimir B. Batoev

Scientific and production association special equipment and telecoms of the Ministry of the internal affairs of the Russian Federation

vbatoev@mail.ru, ORCID: 0000–0002–8526–4923

Abstract. The paper considers the issues of construction, development and use of the state automated information system “Sphere” in combating crime. The key functional modules providing data collection, processing and analysis are investigated. A number of problematic issues in this area of law enforcement and other involved agencies are identified.

Keywords: crime, video surveillance, artificial intelligence, biometric facial recognition, the Sphere state automated information system, transport security

For citation: Batoev V. B. The Use of Video Surveillance Systems in Ensuring Transport Security at Transport Infrastructure Facilities // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 113–118.

В условиях цифровизации практически всех сфер общественных отношений, внедрения технологий искусственного интеллекта, больших данных, компьютерного зрения аспекты обеспечения транспортной безопасности выходят на качественно иной уровень. Транспортная инфраструктура любого крупного населенного пункта функционирует как критически важный элемент обеспечения национальной безопасности. Объекты метрополитена, автобусных станций и вокзалов подвержены рискам совершения в их пределах преступлений террористической и общеуголовной направленности, а также различных административных правонарушений.

Одним из базовых условий для устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса является защита интересов граждан, общества и государства от противоправных посягательств со стороны криминально настроенных лиц. Вопросы обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры находятся на особом контроле на всех уровнях организации государственной власти и правоохранительной деятельности [1, с. 225–227].

В высокотехнологичных условиях традиционные методы визуального контроля заведомо ограничены человеческими возможностями и масштабами решаемых вручную задач. Современная преступность характеризуется возрастающим уровнем латентности, транснациональным характером, высокой степенью адаптивности к традиционным методам раскрытия и расследования преступлений, а также активной трансформацией в цифровые формы подготовки и совершения противоправных деяний. Как следствие, в подобных непростых условиях традиционные классические подходы в деле решения задач борьбы с преступностью демонстрируют недостаточный уровень эффективности, что дополнительно указывает на наличие постреактивной модели организации правоохранительной деятельности. Отсюда перед субъектами правоохраны поставлена стратегически важная задача по цифровизации организационных, правовых и тактических подходов противодействия преступности, ярким проявлением которой следует считать создание единого информационно-аналитического пространства [2, с. 87–88; 3, с. 124–125].

Интенсивное развитие научно-технической мысли, информационно-телекоммуникационных технологий, а также появление инновационных технических решений, используемых при решении задач борьбы с преступностью, способствуют, как показывает практика, качественному повышению уровня информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов в целом [4, с. 97–98; 5, с. 21–23]. Одним из ключевых условий, способствовавших этому, стало активное развитие и использование высокоинтеллектуальных систем видеонаблюдения, функционал которых наделен возможностями идентификации человека, анализа его активности, маршрутов его передвижений и др. Уже сейчас субъекты правоохраны активно используют информацию их систем видеонаблюдения при предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений на объектах транспортной инфраструктуры. Трудно переоценить предоставленную системами видеонаблюдения возможность кратного улучшения деятельности оперативно-розыскных и следственных органов в деле раскрытия и расследования преступлений по горячим следам, а также при установлении маршрутов передвижения объектов оперативной заинтересованности, розыске лиц, установлении природы фактов, событий и явлений в определенно заданный период времени и др.

К числу передовых отечественных практик в деле обеспечения транспортной безопасности следует отнести создание и внедрение на объектах транспортной инфраструктуры государственной автоматизированной информационной системы «Сфера» (далее – ГАИС «Сфера»). Данная система развернута Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы, который реализует концепцию интеллектуального видеонаблюдения с применением компьютерного зрения и искусственного интеллекта. Реализация подобного флагманского проекта в области обеспечения транспортной безопасности является одним из первых шагов в деле формирования упреждающей модели правоохранительной

деятельности. Иными словами, подобный инструментарий существенно облегчает и ускоряет процесс осуществления перехода от реактивной системы реагирования на криминальные инциденты к проактивной, основанной на технологиях искусственного интеллекта, предиктивной аналитики и др.

Изучение передовых зарубежных практик и методик использования информационных технологий и систем видеонаблюдения позволяет отметить их широкую востребованность в деле борьбы с преступностью. Технически интегрированные средства в виде аппаратно-программных комплексов стоят на вооружении правоохранительных органов большинства зарубежных стран и выполняют функции по сбору, хранению, обработке и анализу информации, поступающей с камер видеонаблюдения. Мировыми лидерами и яркими примерами эффективности заключения социально-технологического контракта бизнеса и государства в организации общественных процессов по линии противодействия преступности можно признать такие программно-технические решения, как Argus II (Великобритания), DA System (Соединенные Штаты Америки), Skynet (Китайская Народная Республика) и др.

Относительно передового отечественного опыта можно отметить ГАИС «Сфера», которая была представлена в виде информационной системы города Москвы, содержащей информацию, используемой в целях повышения уровня антитеррористической защищенности и обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры. Высокая степень эффективности данного программного решения позволила вывести его на уровень федеральной государственной информационной системы, которая уже реализована в большинстве субъектов Российской Федерации в виде средства информационно-аналитического обеспечения деятельности по борьбе с преступностью в целом.

Важной функцией ГАИС «Сфера» является анализ видеопотока с камер видеонаблюдения, расположенных на объектах транспортной инфраструктуры, а также в транспорте общего пользования. В основе ее концепции лежит принцип централизованной консолидации данных из множества разрозненных источников и их последующей обработки с помощью аналитических алгоритмов, включая технологии искусственного интеллекта и машинного обучения.

ГАИС «Сфера» можно представить как распределенную платформу с трехуровневой архитектурой:

- уровень сбора данных (IP-камеры высокого разрешения на объектах транспортной инфраструктуры, турникетные комплексы с инфракрасной подсветкой для работы в условиях низкой освещенности, сенсорные данные; IoT-устройства для контроля загруженности платформ, детекции задымления);
- уровень обработки и аналитики (отечественное программное обеспечение компьютерного зрения, алгоритмы нейронных сетей для распознавания лиц, объектов, поведения и др.);
- уровень хранения и интеграции (облачная инфраструктура, API-интеграция, шифрование, сегментация сети, SIEM-системы для обнаружения вторжений и др.).

При этом система обеспечивает информационное взаимодействие в электронной форме через защищенный шлюз с ведением истории запросов и проведением аудитом доступа к ее базам данных.

Ключевым моментом в функционале ГАИС «Сфера» являются аналитические подсистемы, к числу которых можно отнести:

- модуль прогнозной аналитики, с помощью которого на основе исторических данных о преступлениях, социально-экономических показателей, событийного календаря возможно осуществить построение математических моделей с прогнозом вероятности наступления криминальных инцидентов;
- модуль установления связей и паттернов, способный визуализировать скрытые связи;
- модуль биометрической идентификации человека;

– геоинформационный модуль с отображением информации на цифровые карты, в том числе с созданием «тепловых карт» преступности, обеспечивающих возможность осуществления отслеживания маршрутов передвижения объектов оперативной заинтересованности, и др.

Работа данных модулей в совокупности обеспечивает реализацию функциональных возможностей при обеспечении антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры, при автоматическом сопоставлении лиц с базами розыска, при детекции оставленных предметов, мониторинге аномалий поведения граждан в виде групповых скоплений, при профилактике транспортных правонарушений, при формировании видеоархивов, реконструкции событий, интеграции с мобильными приложениями полиции и др.

Биометрическая идентификация по изображению лица выступает одним из самых эффективных технологий обеспечения транспортной безопасности. Технология биометрического распознавания по изображению лица включает в себя следующие этапы.

На этапе сбора данных система получает изображение лица с камер видеонаблюдения. При этом большинство современных систем видеонаблюдения функционируют не только с видимым спектром, но и с инфракрасным излучением, позволяющим осуществлять идентификацию лица человека в условиях ночного времени либо слабого освещения.

В последующем, на этапе предварительной обработки с подготовкой к анализу системой осуществляются такие действия, как:

- обнаружение лица человека на изображении с использованием алгоритмов на основе сверточных нейронных сетей;
- нормализация изображения с его выравниванием по ключевым точкам;
- корректировка освещения и контрастности изображения;
- кадрирование области лица для проведения его дальнейшего анализа.

В дальнейшем на стадии процесса биометрического распознавания человека по изображению лица система производит извлечение признаков с созданием «цифрового паспорта» с преобразованием изображения лица в математическую модель. Здесь глубокие нейронные сети генерируют так называемый вектор из 128–512 чисел (face embedding), который уникально описывает геометрию и текстуру изображения лица человека. Важно иметь в виду, что данный вектор невозможно в обратном порядке преобразовать в исходное изображение лица человека, что с теоретической точки зрения обеспечивает качественную защиту оборота биометрических персональных данных человека.

Далее, на этапе сравнения и принятия решений система математическим путем вычисляет степень сходства между полученным вектором и эталонными образцами изображений лиц, размещенных в базах данных правоохранительных органов. Одновременно с этим осуществляются процессы верификации по принципу ответа на вопрос: «Вы – это Вы?», а также идентификации, где ставится основной вопрос: «Кто Вы?».

В биометрическом распознавании по изображению лица большое значение имеет вид используемой технологической разновидности распознавания: либо 2D, либо 3D.

2D-распознавание является наиболее распространенным вариантом, преимущественно обрабатывающим плоские изображения (недостаток – высокий уровень чувствительности к освещению и углу поворота головы человека на изображении).

3D-распознавание выстраивает карту глубины изображения лица с помощью структурированного света либо с применением времяпролетных камер, использующих сенсор с определением расстояния до объектов, измеряющий время, за которое свет долетает до них и возвращается обратно. Эта технология демонстрирует высокий уровень устойчивости к попыткам манипуляций с помощью тех или иных фотоизображений.

Также существует возможность термографического распознавания изображения с проведением анализа уникальной сосудистой структуры лица человека по исходящему от него тепловому излучению. Здесь основным преимуществом процесса идентификации выступает независимость от условий освещения.

Вместе с тем важно отметить, что всей сфере технологий распознавания человека характерно наличие недостатков в точности и системных смещениях. Речь идет о том, что алгоритмы распознавания изображений лиц человека демонстрируют более высокую точность для мужчин светлого цвета кожи по сравнению людьми с темным цветом кожи, а также с женщинами. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, проведенные учеными из Университета Колорадо (University of Colorado, CU) и Национального института стандартов и технологий (NIST), в том числе их знаменитый проект Gender Shades. Результаты этого проекта продемонстрировали мировой общественности неоднозначные результаты. Так, при проведении тестирования точности коммерческих систем распознавания лиц (IBM, Microsoft, Face++ и др.) по перекрестным характеристикам гендера и тона кожи ученые пришли к выводу о наличии систематической предвзятости к определенному полу и расе.

Наряду с этим отдельного изучения и разрешения требуют вопросы правового регулирования процедуры биометрического распознавания человека по изображению лица. Изучение мировой и отечественной практики указывает на отсутствие единых международно признанных стандартов, регулирующих использование данной технологии. Это, в свою очередь, требует глубокой проработки сквозь призму положений национального законодательства, требований по соблюдению прав и свобод человека и гражданина и др. Отсюда необходимость правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений приобретает особую остроту ввиду недостаточной проработанности на уровне национального законодательства.

Изучение практики показывает, что на законодательном уровне реализуется комплекс мероприятий в целях формирования правовой позиции относительно правового регулирования использования достижений научно-технической мысли в сфере применения технологий биометрического распознавания человека по изображению лица. К числу перспективных направлений, требующих детального изучения с последующей выработкой научно обоснованных предложений и рекомендаций в виде нормативных правовых актов, предлагаем отнести следующее:

- применение децентрализованных систем, при которых хранение и обработка биометрических данных будет преобладать на устройстве пользователя, а не в централизованных базах;
- внедрение объяснимого искусственного интеллекта (Explainable AI), в том числе с разработкой алгоритмов, способных объяснить свое решение, что критически важно в рамках уголовного судопроизводства;
- расширение сфер внедрения квантово-устойчивой криптографии, с помощью которой осуществляется защита биометрических шаблонов от попыток их взлома с применением квантовых компьютеров;
- распространение анонимизированной идентификации, когда использование такой технологии позволяет обеспечить соответствующий уровень проверки личности без раскрытия ее персональных данных. В данном случае обращает на себя внимание криптографический протокол Zero-Knowledge Proof – доказательство с нулевым разглашением. Данный протокол позволяет доказывающей стороне убедить другую сторону-верификатор в истинности утверждения, не раскрывая какой-либо дополнительной информации, кроме самого факта истинности.

Указанная проблематика имеет прямое отношение и к отечественной практике использования технологии биометрического распознавания человека по изображению лица во всех сферах организации общественных процессов. С учетом этого предлагается проведение фундаментальных научных исследований в данной области рассматривать в качестве одного из направлений совершенствования обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры в частности и всей сферы правового регулирования использования технологии биометрического распознавания человека по изображению лица в целом.

Относительно эффективности использования ГАИС «Сфера» как наиболее эффективного средства обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры можно отметить высокую степень результативности в деятельности подразделений органов внутренних дел на Московском метрополитене [6, с. 41]. В 2025 г. в результате использования ГАИС «Сфера» сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 3757 (АППГ +439; +11,6 %) лиц, находившихся в федеральном розыске, в том числе задержано 3216 (АППГ +218; +6,8 %) лиц за совершение преступлений, из них 1003 (АППГ +220; +21,9 %) лица, разыскиваемых ОВД стран СНГ; установлено 541 (АППГ +221; +40,8 %) лицо категории «без вести пропавшие», из них 59 (АППГ –4; –6,7 %) несовершеннолетних; составлено 620 (АППГ +90; +14,5 %) административных протоколов по ст. 19.24 КоАП РФ в отношении 269 (АППГ –44; –16,3 %) поднадзорных лиц по фактам несоблюдения ограничения в виде запрета покидать место жительства в определенный период времени. В ходе отработки информации о совершенных преступлениях идентифицировано и задержано 740 (АППГ –32; –4,3 %) лиц, возможно причастных к совершению общественно опасных деяний.

Подводя итог, отметим, что вопросы обеспечения должного уровня транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры стоят на особом контроле на всех уровнях организации правоохранительной деятельности. Это подтверждается различными руководящими документами государства, положениями различных стратегий, концепций, планов и др. Вопросы использования технологий и систем биометрического распознавания человека по изображению лица занимают одно из ключевых мест в деле повышения уровня информационного обеспечения деятельности органов правопорядка. Особую остроту приобретает данное утверждение также и потому, что в ряде случаев только информация из систем биометрического распознавания человека по изображению лица явилась единственным средством установления истины по тому или иному криминальному инциденту.

Список источников

1. Пучков Г. Ю. К вопросу о создании информационных систем органов внутренних дел Российской Федерации, предназначенных для идентификации личности по изображению лица // Охрана, безопасность, связь. 2024. № 9–1. С. 225–232.
2. Пучков Г. Ю. Возможности систем видеонаблюдения для решения задач по охране общественного порядка // Инновации в науке и трансформация парадигмы современного образования: сб. науч. трудов. Казань, 2024. С. 87–92.
3. Пучков Г. Ю. Возможности систем интеллектуального видеонаблюдения для решения задач по охране общественного порядка // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2023. № 9–2. С. 123–131.
4. Кабалинская Н. А. Внедрение инноваций в инфраструктурных отраслях экономики регионов на примере цифровизации транспортной инфраструктуры г. Москвы // Вестник РАЕН. 2023. Т. 23, № 2. С. 96–102.
5. Еськов А. В., Цимбал В. Н. Развитие программно-аппаратного комплекса «Безопасный город» на примере муниципального образования город Краснодар // Вопросы безопасности. 2023. № 3. С. 21–36.
6. Галецкий В. С. Особенности мер по предупреждению корыстных преступлений на Московском метрополитене, реализуемых органами внутренних дел // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7, № 1 (13). С. 40–46.

Информация об авторе

В. Б. Батоев – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the author

V. B. Batoev – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, senior researcher.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 119–127.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 119–127.

Научная статья

УДК 343.98

СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ СЧЕТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Степан Евгеньевич Гольцов¹, Виктор Юрьевич Диянич²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

² Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, Владивосток

¹ S.E.Goltsov@yandex.ru

² diyanich1989@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема противодействия преступлениям, связанным с хищением денежных средств с лицевых счетов и банковских карт граждан с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. На основе анализа статистических данных обосновывается необходимость системного изучения механизмов подготовки, совершения и сокрытия таких преступлений. Авторы выделяют и детально анализируют четыре основных способа хищения: использование подлинных банковских карт потерпевших; применение поддельных (в том числе частично и полностью фальсифицированных) платежных карт; несанкционированный доступ к банковским базам данных путем эксплуатации уязвимостей программного обеспечения; применение вредоносного программного обеспечения организованными группами. Рассматриваются проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 158, 159³, 159⁶, 272 и 273 УК РФ, а также вопросы отграничения хищений от смежных составов преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: хищение денежных средств, банковская карта, мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, вредоносные программы, банковский троян

Для цитирования: Гольцов С. Е., Диянич В. Ю. Способы хищений денежных средств с банковских счетов как элемент их криминалистической характеристики // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 119–127.

Original article

METHODS OF EMBEZZLEMENT OF FUNDS FROM BANK ACCOUNTS AS AN ELEMENT OF THEIR FORENSIC CHARACTERISTICS

Stepan E. Goltsov¹, Viktor Y. Diyanich²¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul² Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute I. F. Shilov Ministry of Internal Affairs of Russia, Vladivostok¹ S.E.Goltsov@yandex.ru² diyanich1989@mail.ru

Abstract. The article considers the urgent problem of countering crimes related to the theft of funds from personal accounts and bank cards of citizens using information and telecommunication technologies. Based on the analysis of statistical data, the necessity of a systematic study of the mechanisms of preparation, commission and concealment of such crimes is substantiated. The authors identify and analyze in detail four main methods of theft: the use of genuine bank cards of victims; the use of counterfeit (including partially and completely falsified) payment cards; unauthorized access to banking databases by exploiting software vulnerabilities; the use of malicious software by organized groups. The problems of qualification of crimes provided for in Art. 158 159³, 159⁶, 272 and 273 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered, as well as issues of distinguishing theft from related crimes in the field of computer information.

Keywords: money theft, bank card, fraud, information and telecommunication technologies, malware, banking trojan

For citation: Goltsov S. E., Diyanich V. Y. Methods of Embezzlement of Funds from Bank Accounts as an element of their forensic characteristics // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 119–127.

Актуальность изучения способов совершения преступлений, направленных на хищение денежных средств с банковских счетов, не вызывает сомнений. В пользу этого свидетельствует высокая распространенность таких деяний, которые совершаются как индивидуально, так и группами лиц. Так, в период с января по декабрь 2024 г. совершено 765 365 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, из них с использованием или применением: расчетных (пластиковых) карт – 115 469, компьютерной техники – 42 347, программных средств – 13461, сети Интернет – 649 064, средств мобильной связи – 346 035, в том числе краж (ст. 158 УК РФ – 105937, мошенничеств (ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ) – 380344. За период с января по август 2025 г. совершено 473 389 преступлений с использованием таких технологий, из них 56145 краж и 242783 мошенничества*.

Исследование преступной деятельности, связанной с хищением денежных средств с банковских счетов и карт, невозможно без анализа взаимосвязи между тактикой злоумышленников и мерами, принимаемыми правоохранительными органами. Выявление особенностей подготовки, реализации и маскировки таких преступлений создает основу для повышения оперативности и результативности их раскрытия, а также усиления профилактических мер. Более того, систематическое изучение этих деяний способствует совершенствованию стратегий и инструментов противодействия, что в целом повышает уровень защиты граждан от финансовых краж.

* Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 и январь – август 2025 года: сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.10.2025).

Хищения денежных средств с банковских счетов и в отношении электронных денежных средств являются одними из самых распространенных среди всего массива дистанционных хищений. К хищениям, в механизме которых применяются банковские кредитные и дебетовые карты, счета, можно отнести следующие: мошенничество с применением указанных карт, мошенничество в области компьютерной информации, незаконный оборот средств платежа, несанкционированный доступ к компьютерной информации, а также разработка, применение и распространение вредоносного программного обеспечения.

Способами совершения преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа), согласно п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», являются действия, направленные на составление, удостоверение, передачу клиентом оператора по переводу денежных средств распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт и их преобразованием данных (токенизированных (цифровых) платежных карт), а также иных технических устройств. Следует отметить, что диспозиция ст. 159³ УК РФ не предусматривает такого способа совершения мошенничества, как злоупотребление доверием [1, с. 61]. Если же преступник обманом или злоупотреблением доверием вводит уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации в заблуждение, используя при этом платежные карты для хищения денежных средств, то такие действия будут квалифицироваться как мошенничество в соответствии с указанной статьей. Если же действия по обману уполномоченного работника отсутствуют, то такие деяния могут быть квалифицированы как кража в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [2, с. 111].

Способами совершения преступления, предусмотренного ст. 159⁶ УК РФ, направленными на хищение денежных средств, выступают следующие действия: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство*. Способ совершения данного вида преступлений включает получение доступа к чужому пользовательскому оборудованию, что приводит к получению несанкционированного доступа к чужой информации, ее изменению, удалению или блокированию. Также указанная статья предусматривает возможность вмешательства в работу средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Помимо уголовно-правовых мер для предотвращения хищений денежных средств используются административные и гражданско-правовые меры. Методы предотвращения хищения денежных средств включают временную блокировку банковской карты, ограничение ее использования и другие меры, направленные на защиту интересов граждан, ставших жертвами таких преступлений.

Следует отметить, что хищение денежных средств с использованием банковских карт должно быть отграничено от схожих видов преступлений. Действия, связанные с получением доступа к пользовательскому оборудованию или с использованием вредоносных программ, не связанные с хищением права на чужое имущество или имущество (денежные средства), должны квалифицироваться как неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) соответственно.

Анализ судебных решений, принятых судами общей юрисдикции Российской Федерации, позволяет выявить ряд типичных современных способов хищения денежных средств с банковских счетов, дебетовых, кредитных карт. Среди них можно выделить следующие [3, с. 111]:

1) хищение денежных средств с применением оригинальной кредитной или дебетовой карты, которой владеет потенциальный потерпевший;

* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) хищение денежных средств путем применения поддельной кредитной или дебетовой карты, на которой воспроизведены реквизиты оригинала: номер банка-эмитента, номер карты, срок ее действия и информация о ее держателе;

3) несанкционированное проникновение в банковские информационные системы с целью получения доступа к реквизитам счетов и карт клиентов посредством вмешательства в работу технических средств, например, путем внедрения, удаления, блокировки или модификации необходимых сведений, а также другими способами нарушения нормального функционирования систем хранения, обработки или передачи компьютерной информации.

Следует назвать также такой способ, как получение доступа к конфиденциальным сведениям о счетах с использованием особого вредоносного программного обеспечения, опции которого направлены на блокировку, изменение, копирование, уничтожение информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационных системах, а также для обхода антитошенических механизмов. Этот способ обычно применяется при совершении таких преступлений в соучастии.

Рассмотрим каждый способ подробнее.

1. Хищение денежных средств с применением оригинальной кредитной или дебетовой карты, которой владеет потенциальный потерпевший.

Современная судебная и следственная практика показывает, что одним из наиболее распространенных способов завладения чужими деньгами является использование оригинальных платежных карт, незаконно изъятых у владельцев. При этом важно отметить, что преступник может получить доступ к самой карте или к смартфону с установленным банковским приложением, однако это не означает автоматического доступа к безналичным средствам, для этого требуется дополнительная информация, в первую очередь PIN-код [4, с. 117].

Распространенность данного метода во многом обусловлена неосторожным поведением самих держателей карт: они часто хранят их в ненадежных местах – между чехлом и корпусом телефона, в «бардачке» автомобиля, на видном месте в квартире и т. п. Такая халатность создает для злоумышленников условия для беспрепятственного завладения картой. Кроме того, многие граждане упрощают задачу преступникам, записывая PIN-код прямо на карте, на отдельном листке бумаги, который хранится вместе с кошельком или в записках на смартфоне. В ряде случаев пользователи сообщают конфиденциальный код близким людям – родственникам, друзьям или знакомым, что впоследствии используется для совершения хищения.

Этот способ можно условно разделить на два основных вида.

Первый – целенаправленный подбор уязвимой жертвы. Преступники заранее планируют свои действия и выбирают лиц, у которых регулярно поступают денежные средства на счет (например, пенсия, заработная плата) и которые демонстрируют виктимное поведение: злоупотребляют алкоголем, имеют ограниченные физические возможности (нарушения зрения, слуха) или являются пожилыми. Установив доверительные отношения, злоумышленники выясняют, где хранится карта и каким образом зафиксирован PIN-код (на бумаге, в телефоне и т. д.). Доступ к карте обычно осуществляется в момент, когда потерпевший не в состоянии контролировать ситуацию: находится в состоянии опьянения, спит или отсутствует дома. После получения карты и кода преступники чаще всего снимают деньги через банкомат или оплачивают покупки в торговых точках.

Например: гр. ФИО 1, находясь в комнате общежития, знала точное местонахождение банковской карты своей соседки ФИО 2. Воспользовавшись ее отсутствием и тем, что ранее потерпевшая доверяла ей карту для покупки продуктов и сообщала PIN-код, злоумышленница извлекла кошелек из шкафа, похитила карту и в тот же день сняла с нее 10 000 руб. в банкомате. После этого карта была уничтожена, а деньги потрачены*.

* Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 21.04.2014 по уголовному делу № 1–162/72014. Доступ из ГАС «Правосудие».

Второй – кражи в местах массового скопления людей: фитнес-клубах, ресторанах, банях, столовых и других учреждениях, где посетители оставляют личные вещи в гардеробах или раздевалках. Преступники пользуются моментом, когда владельцы отвлечены (например, во время тренировки или приема пищи), и незаметно изымают карты из сумок или одежды.

Например: ФИО 1 и ФИО 2 по предварительномуговору похитили банковскую карту ФИО 3 в раздевалке спортивного комплекса. ФИО 1 привлекла к преступлению своего сожителя (ФИО 4), не посвятив его в детали, и поручила доставить карту в торговый центр. В течение нескольких часов ФИО 2 перевела средства с похищенного счета на карту ФИО 1, после чего часть денег была обналичена, а оставшаяся распределена между соучастниками.

2. Хищение денежных средств путем применения поддельной кредитной или дебетовой карты.

Для изготовления такой подделки преступникам необходимо получить ключевые реквизиты оригинальной карты: номер банка-эмитента, номер самой карты, срок ее действия и данные владельца. На основе этой информации создается так называемый «белый пластик» – заготовка, на которую наносятся похищенные данные. Полученная карта затем используется для снятия наличных или оплаты товаров и услуг.

Этот способ требует определенных технических навыков и часто применяется организованными группами, использующими специализированное оборудование для копирования магнитных полос или чипов, а также для персонализации поддельных носителей.

Преступники, использующие подобные методы, как правило, имеют сложную организованную структуру и пользуются профессиональным оборудованием, что увеличивает сложность раскрытия этого вида преступлений.

Изучение кассовых чеков, контакт с владельцами банковских карт, отслеживание покупок в интернет-магазинах и платежных системах, получение информации на сайтах объявлений, социальная инженерия, в том числе фишинг (злоумышленник создает сайт, который внешне дублирует ресурс известной компании или личности) [5, с. 112], и многие другие методы используются преступниками для получения данных о банковских картах. Более того, путем установки специальных электронных устройств (так называемых скиммеров), замаскированных на банкоматах, преступники могут считывать данные с магнитной полосы карты и узнавать PIN-коды с помощью скрытых камер.

Современные преступные методы позволяют злоумышленникам собирать полные реквизиты банковских карт, которые впоследствии используются для создания поддельных платежных носителей. Для достижения максимального сходства с оригиналом изготовление таких карт нередко требует применения высокотехнологичного полиграфического и промышленного оборудования.

Процесс производства фальсифицированных карт включает несколько последовательных этапов. На начальном этапе на специальный пластик наносится изображение с помощью профессиональной печатной техники. Далее лицевая и обратная стороны заготовки соединяются под давлением и при высокой температуре с защитной ламинирующей пленкой в пресс-ламнаторе. На третьем этапе из полученного листа вырезаются отдельные карточки – вручную или с помощью автоматизированных устройств. Завершающий этап – персонализация: на карту наносятся эмбоссированные символы, осуществляется программирование микросхемы, добавляется штрих-код и другая индивидуальная информация [6, с. 113].

В криминалистической и следственной практике различают два вида подделок: частичные и полные. Частичная подделка представляет собой пластиковую заготовку стандартного размера, на которую нанесены реквизиты карты: номер счета, срок действия и данные владельца, а также магнитная полоса с записанной информацией. Такую карту можно использовать для снятия наличных в банкомате (при наличии PIN-кода) или для оплаты товаров при наличии сговора с продавцом [7, с. 113].

Полная подделка воспроизводит не только реквизиты, но и внешний вид оригинальной банковской карты, включая логотипы, голограммы и другие элементы защиты. При ее использовании злоумышленник выдает себя за законного владельца, предъявляя поддельные удостоверяющие документы и подделывая подпись на платежных документах. Этот способ чаще применяется при покупке дорогостоящих товаров – например, автомобилей, ювелирных изделий или техники.

Так, Заволжский районный суд г. Твери вынес приговор по делу о хищении свыше 4,6 млн руб. с использованием фальшивых карт. Граждане Болгарии Ц. и М. Димитровы устанавливали на уличных банкоматах скиммеры для кражи данных карт. На основе полученной информации они изготовили более 1800 поддельных платежных карт, включая PIN-коды. Дубликаты, произведенные за рубежом, использовались для хищений в восьми российских городах: Туле, Рязани, Новомосковске, Калуге, Саратове, Балашове, Самаре и Пензе.

3. Хищение средств через несанкционированный доступ к информационным базам.

Еще один распространенный способ завладения денежными средствами – проникновение в базы данных, содержащие реквизиты банковских счетов. Преступники для этого изучают уязвимости платежных систем и используют специализированные программные инструменты, позволяющие обходить защитные механизмы и получать доступ к конфиденциальной информации.

В сфере кибербезопасности регулярно проводятся тесты на проникновение (penetration testing), в ходе которых выявляются слабые места в операционных системах, мобильных приложениях, браузерах и программном обеспечении. Обнаруженные уязвимости иногда публикуются в открытых источниках, но также продаются в криминальных кругах за значительные суммы.

Например: гр. К., используя поисковую систему «Яндекс» и ресурс <https://wwh.bit>, установил контакт с неустановленным лицом и получил доступ к учетным данным электронного кошелька PayPal. С помощью этих данных он оформил заказ на женский спортивный костюм Adidas на платформе eBay, указав в качестве адреса доставки данные своего знакомого Л., не знавшего о преступных намерениях. В результате со счета гр. Ф., привязанного к украденному кошельку в Сбербанке, было списано 10 232 руб. 12 коп. Действия К. были квалифицированы как тайное хищение чужого имущества путем неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации*.

4. Использование вредоносного программного обеспечения (ПО) для хищения денежных средств.

Особую опасность представляют преступления, совершаемые с применением банковских троянов – специализированных вредоносных программ, предназначенных для копирования, блокировки, модификации или уничтожения данных, а также для обхода систем защиты. Такие преступления, как правило, совершаются организованными группами с конкретным распределением ролей внутри такой группы:

- 1) организатор – координирует всю преступную деятельность;
- 2) программист (кодер) – разрабатывает троянское ПО**;
- 3) ботнетчик – управляет сетью зараженных устройств (ботнетом)***;
- 4) заливщик – осуществляет несанкционированные переводы с похищенных счетов;

* Приговор Корочанского районного суда Белгородской области от 11.08.2016 по уголовному делу № 1–44/2016, возбужденному по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 273 УК РФ. Доступ из ГАС «Правосудие».

** Coder (англ.) – жаргонный термин в компьютерной индустрии, который обозначает программиста в общем смысле, т. е. того, кто пишет код компьютерной программы.

*** Данная деятельность включает в себя администрирование задействованных серверов, работу с используемыми доменными именами и сетевыми адресами, принятие различных защитных мер и средств безопасности, ведение деятельности (или управление таковой) по распространению бота, обслуживание и оптимизацию баз данных, работу со списком ботов с целью его оптимизации.

5) нальщик – выводит средства в наличную форму*;

6) дроп (англ. drop – бросать, сбрасывать) – снимает деньги в банкоматах или пунктах выдачи, часто не осознавая своей причастности к преступлению.

После внедрения трояна на устройство жертвы злоумышленники получают доступ к данным о финансовых операциях, аутентификационным кодам и платежным реквизитам. В ряде случаев устанавливается скрытое удаленное управление, что позволяет в реальном времени инициировать переводы. Некоторые трояны поддерживают функцию автозалива – автоматического списания средств с привязанных к устройству платежных инструментов без участия пользователя. Чтобы уничтожить следы своей незаконной деятельности, преступники могут удалять данные о своем присутствии и вывести из строя компьютер или мобильное устройство.

Таким образом, внедрение троянского ПО дает возможность не только получить доступ к финансовым средствам жертвы, но и обойти существующие меры криптографической защиты, что делает эту форму дистанционных хищений особенно общественно опасной.

Хищения денежных средств с помощью банковских троянских программ, совершаемые структурированной аффилированной группой, представляют собой несколько этапов.

Первый этап включает приобретение троянской программы организатором (организаторами) группы. Это может быть произведено путем обращения к разработчикам вредоносного ПО в теневом сегменте сети Интернет [8, с. 7] с целью получения доступных для заказа комплектов троянских программ. Поставщики могут предоставить заказчику готовый исполняемый файл трояна, скомпилированный и сконфигурированный в соответствии с требованиями заказчика, включая документы с инструкциями. Разработчики вредоносного ПО регулярно выпускают обновления, позволяющие троянам обходить современные антивирусные решения. Стоимость приобретения такого ПО, включая дополнительные модули и техническую поддержку, может варьироваться от 500 до 50000 дол. США.

Следующим этапом становится настройка центра управления ботнетом. Многие поставщики вредоносных инструментов предлагают эту услугу дополнительно – они устанавливают и конфигурируют веб-интерфейс, базы данных и другое необходимое ПО. Такая опция, однако, требует от преступников дополнительных финансовых вложений.

Третий шаг – аренда так называемого абзуоустойчивого хостинга, то есть сервера, который не реагирует на жалобы пользователей или официальные запросы правоохранительных органов. Именно на таком сервере размещается управляющий центр ботнета. Стоимость подобного хостинга составляет от 200 до 500 дол. в месяц.

Четвертый этап включает распространение вредоносной программы и дальнейшую работу с зараженными устройствами (ботами). Для этого преступникам необходим целевой интернет-трафик, который поставляется специализированными сервисами. Его цена зависит от качества и направленности: «мусорный» трафик обходится в 5–20 дол. за 1000 единиц, тогда как банковский или коммерческий – в 150–200 дол. за ту же тысячу. Кроме того, злоумышленники могут арендовать комплекты эксплойтов с технической поддержкой и автоматической сменой доменных имен за 500–3000 дол. ежемесячно.

Со временем преступные группы, использующие подобные схемы, становятся все более профессиональными и технологичными. Они оптимизируют внутренние процессы, чтобы снизить риски обнаружения и повысить доходность своих операций.

После успешного внедрения трояна на устройство жертвы программа автоматически устанавливает связь с командным сервером, передавая данные о зараженной системе. В результате в панели управления ботнетом появляется новый бот, готовый к выполнению команд.

Дальнейшие действия залищика зависят от типа платежных инструментов, обнаруженных на устройстве, наличия средств на счетах и функциональности вредоносной программы. Как правило, злоумышленник отслеживает поступления на счет и ждет, пока на нем окажется

* Данный процесс иногда называют термином «заливание» или «сналивание».

достаточная сумма. Как только баланс достигает нужного уровня, средства переводятся в течение нескольких часов. Для этого у преступника должны быть заранее подготовлены реквизиты буферного счета – получателя перевода.

Таким образом, этап залива является ключевым в цепочке хищения: он требует высокой координации, технических знаний и точного соблюдения тактики.

После перевода денег на буферный счет в дело вступает нальщик, задача которого – вывести средства из банковской системы. Для обхода антифродовых систем денежные потоки часто дробятся на мелкие суммы и перенаправляются через множество счетов в разных банках и платежных сервисах. В конечном итоге средства обналичиваются через банкоматы с использованием заранее приобретенных банковских карт. Опытные нальщики всегда держат запас таких карт, которые приобретаются на криминальных форумах.

Так, в ходе расследования, проведенного Следственным комитетом РФ по г. Москве, было установлено, что Л. и У., действуя в составе организованной группы, с помощью модифицированного ПО и компьютера с динамическим IP-адресом получили несанкционированный доступ к 20 кошелькам в системе «Яндекс.Деньги». Завладев учетными данными, они похитили более 1,5 млн руб. Их действия были квалифицированы по ч. 4 ст. 159⁶ УК РФ. Для маскировки своей активности злоумышленники использовали технологию VPN (Virtual Private Network), создающую зашифрованный туннель между устройством и удаленным сервером. В результате в логах платежных систем фиксировался только IP-адрес VPN-сервера, а не реальный адрес преступника.

Дополнительный уровень анонимности обеспечивается с помощью сетей типа TOR, где трафик многократно шифруется и проходит через децентрализованную сеть узлов. В особо рискованных операциях применяются гибридные схемы – например, TOR поверх VPN или наоборот. Также распространено использование прокси-серверов, в роли которых могут выступать как специально арендованные машины, так и устройства из собственного ботнета.

Именно использование подменных IP-адресов делает раскрытие таких преступлений крайне сложным: правоохранительные органы часто сталкиваются с «чистыми» IP-адресами обычных пользователей или организаций, не имеющих отношения к преступной деятельности.

Таким образом, современные способы хищения денежных средств с банковских счетов отличаются высокой технологичностью и сложностью расследования. Эффективное противодействие им возможно только при глубоком понимании тактики преступных групп, их инструментов и методов цифровой анонимизации. Владение этими знаниями позволяет правоохранительным органам повышать качество раскрытия и предупреждения подобных киберпреступлений.

Список источников

1. Кулакова Т. Г. Хищения денежных средств с банковских счетов граждан // Криминологический журнал. 2020. № 4. С. 60–62.
2. Попова Т. В. Способы и преступные схемы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 110–117.
3. Там же.
4. Чернякова А. В. Вопросы криминализации хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 115–120.
5. Пырьева Е. И. Наиболее значимые элементы криминалистической характеристики хищений денежных средств с банковских счетов с использованием фишинговых интернет-ресурсов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2023. № 9–3. С. 111–117.
6. Попова Т. В. Указ. соч.
7. Там же.
8. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: науч.-практ. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 71 с.

Информация об авторах

С. Е. Гольцов – преподаватель кафедры уголовного процесса;

В. Ю. Диянич – преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки.

Information about the authors

S. E. Goltsov – lecturer of the department of criminal procedure;

V. Y. Diyanich – lecturer of the department of tactical, special, fire and physical training.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 10.02.2026; accepted for publication 10.02.2026.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 128–135.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 128–135.

Научная статья
УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Дмитриевич Абаринов

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород
abarinovandrew@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – противодействию финансированию экстремистской деятельности. Целью работы является формирование комплексной криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 2823 УК РФ. Новизна исследования заключается в применении четырехэлементной модели криминалистической характеристики (субъект, обстановка, способ, следовая картина) к специфике данной преступной деятельности. В результате выявлены типичные характеристики субъекта, детально систематизированы материальные, идеальные и, что особенно значимо, цифровые следы. Описаны усложняющиеся способы совершения финансирования экстремистской деятельности, включая гибридные схемы, институциональную мимикрию под легальную деятельность и использование трансграничных инструментов. Установлены ключевые черты обстановки: трансграничность, использование цифрового пространства и «серых зон». Полученные результаты позволяют усовершенствовать методику выявления и расследования данных преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, экстремистская деятельность, финансирование экстремистской деятельности

Для цитирования: Абаринов А. Д. Отдельные аспекты криминалистической характеристики финансирования экстремистской деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 128–135.

Original article

CERTAIN ASPECTS OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE FINANCING OF EXTREMIST ACTIVITIES

Andrey D. Abarinov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod
abarinovandrew@gmail.com

Abstract. The article is devoted to an urgent problem – countering the financing of extremist activities. The purpose of the work is to form a comprehensive criminalistic description of crimes provided for in Article 2823 of the Criminal Code of the Russian Federation. The novelty of the research lies in the application of a four-element model of criminalistic characteristics (subject, setting, method, trace pattern) to the specifics of this criminal activity. As a result,

typical characteristics of the subject were identified, and material, ideal, and, most significantly, digital traces were systematized in detail. The article describes increasingly complex ways of financing extremist activities, including hybrid schemes, institutional mimicry of legal activities, and the use of cross-border instruments. The key features of the situation have been identified: cross-border, the use of digital space and "gray zones". The results obtained make it possible to improve the methodology for detecting and investigating these crimes.

Keywords: forensic characteristics of crimes, extremist activity, financing of extremist activities

For citation: Abarinov A. D. Certain aspects of the forensic characteristics of the financing of extremist activities // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 128–135.

Финансирование экстремистской деятельности (далее – ФЭД) представляет собой одну из наиболее опасных форм поддержки организованного экстремизма, обеспечивающих совершение членами экстремистских формирований тяжких и особо тяжких преступлений. Согласно п. 9 и 15 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124, ФЭД относится как к внутренним, так и к внешним экстремистским угрозам.

В отечественном законодательстве под финансированием экстремистской деятельности признается также «предоставление учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказание информационных услуг»*.

За ФЭД предусмотрена уголовная ответственность по ст. 282³ УК РФ. Согласно данной статье, лицо подлежит уголовной ответственности за следующие деяния: предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Как отмечает З. Муратжан, в отличие от отмывания денег, финансирование террористической и экстремистской деятельности осуществляется не с целью использования преступных доходов, а для достижения политических и идеологических результатов от террористической и экстремистской деятельности [1, с. 38].

Особенностью данного вида преступной деятельности является также высокая латентность [2, с. 85]. Данное обстоятельство подтверждается и ведомственными статистическими данными**. Так, количество предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282³ УК РФ, в 2021 г. составило 13 (из них направлено в суд – 6), в 2022 г. – 27 (8), в 2023 г. – 54 (12), в 2024 г. – 57 (15). Общее число предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282¹, 282², 282³ УК РФ, в период с 2021 по 2024 г. составляет 1332. Имеется диспропорция между количеством предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282¹, 282², 282³ УК РФ, и преступлениями, предусмотренными ст. 282³ УК РФ, количество которых – 151. С 2021 г. количество предварительно расследованных преступлений, предусмотренных ст. 282¹, 282², 282³ УК РФ, увеличилось на 77,03 %, преступлений, предусмотренных ст. 282³ УК РФ, увеличилось на 338,46 %.

Также необходимо отметить тот факт, что различные международные неправительственные структуры проявляют активность по оказанию финансовой поддержки лицам, рассматриваемым ими в качестве перспективных активистов протестного движения на территории

* О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

** Сводный отчет по России «О преступлениях террористического характера и экстремистской направленности за январь–декабрь 2022–2024 гг.» // ГИАЦ МВД России [сайт].

России. По состоянию на 19 июня 2025 г. 234 организации внесены в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации*.

Подчеркивая актуальность проблемы, следует принять во внимание, что «механизмы и схемы финансирования экстремизма в условиях развития цифрового общества стремительно совершенствуются, в то время как формы и механизмы противодействия и пресечения такой деятельности не позволяют оперативно выявлять и блокировать онлайн транзакции и подозрительные операции пользователей» [3, с. 217].

В связи с этим стратегическим направлением в работе правоохранительных органов по противодействию экстремистской деятельности на территории России остается деятельность по подрыву экономических основ функционирования экстремистских организаций и сообществ, при этом особо актуальным остается перекрытие каналов финансирования.

Под деятельностью по подрыву экономических основ функционирования экстремистских организаций и сообществ следует понимать комплексную систему административно-организационных, уголовно-правовых, оперативно-розыскных и иных мер. Данные меры иницируются и реализуются компетентными субъектами антиэкстремистской деятельности и направлены, прежде всего, на выявление, блокирование, изъятие (конфискацию) и нейтрализацию источников, каналов, схем и активов финансирования экстремистской деятельности. Кроме того, они нацелены на пресечение экономических условий, обеспечивающих их устойчивость, мобилизационный потенциал и реализацию деструктивных противоправных целей.

Безусловно, эффективное противодействие этому противоправному явлению требует глубокого понимания его криминалистической специфики. Соглашаясь с тем, что криминалистическая структура преступления призвана стать центральным звеном теоретических основ криминалистики [4, с. 355], мы исходим из того, что криминалистическая характеристика преступлений выступает как «информационная модель, которая отражает криминалистическую сущность преступлений определенного вида (подвида, криминалистически схожих групп), заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой»**. Таким образом, криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 282³ УК РФ, включает в себя следующие элементы: субъект преступной деятельности, условия (обстановка) преступной деятельности, способ совершения действий; следовая картина.

Характеристика субъекта преступной деятельности

Лица, осуществляющие финансирование экстремистских организаций и сообществ, выполняют системообразующую роль, обеспечивая материальную основу для достижения целей преступного формирования. В рамках настоящего исследования нам удалось установить следующие характеристики субъекта преступной деятельности по анализируемой категории дел в период с 2021 по 2024 г.

Доминирование мужчин является абсолютной характеристикой: мужчины составляют подавляющее большинство осужденных по указанной статье – 51 чел. (87,9 %), женщин – 7 (12,1 %).

Возрастная структура показывает, что основную массу осужденных составляют лица зрелого возраста. Наиболее значительная доля приходится на группу 30–49 лет – 36 чел. (62,1 %). Следующей по величине является группа старше 50 лет – 11 чел. (19,0 %). Лиц молодого возраста заметно меньше: 18–24 года – 6 чел. (10,3 %), 25–29 лет – 5 чел. (8,6 %). Несовершеннолетние (14–17 лет) в выборке отсутствуют.

* URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 19.06.2025).

** Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 11.

Гражданство осужденных почти исключительно российское – 56 чел. (96,6 %). Граждан других стран СНГ минимально – 2 чел. (3,4 %), граждане иных государств отсутствуют.

Субъект рассматриваемого преступления характеризуется высокой степенью оседлости: 56 чел. (96,6 %) являются постоянными жителями той местности, где были осуждены, лишь 2 чел. (3,4 %) – жители иной местности. Беженцы, вынужденные переселенцы и лица без определенного места жительства отсутствуют.

Уровень образования: высшее профессиональное образование имеет 21 чел. (36,2 %), среднее профессиональное имеют 16 чел. (27,6 %), среднее общее – 18 чел. (31,0 %). Лица с основным общим, начальным образованием или без образования составляют 3 чел. (5,2 %).

Социальное положение (род занятий) характеризуется наличием нескольких ключевых групп. Наибольшую долю составляют трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 20 чел. (34,5 %), рабочие – 13 чел. (22,4 %), служащие коммерческих или иных организаций – 7 чел. (12,1 %), предприниматели – 5 чел. (8,6 %), нетрудоспособные (неработающие) – 4 чел. (6,9 %), лица прочих занятий – 5 чел. (8,6 %). Особую категорию составляют 2 чел. (3,4 %), осужденные к реальному лишению свободы, причем оба совершили преступление в период отбывания наказания*.

В качестве примера приведем приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1–87/2023 (1–438/2022), согласно которому ФИО29, ФИО5 и ФИО6 признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282³ УК РФ. Согласно материалам дела, *каждый из них по месту жительства характеризовался положительно, на учетах в региональных психиатрических и наркологических диспансерах не состоял, состоял в браке, имел на иждивении малолетних детей, супругу и пожилых родителей, социально обустроен.*

Характеристика следовой картины

Под следовой картиной преступлений, связанных с ФЭД, понимается совокупность материальных, идеальных и цифровых следов, отражающих механизм преступления, а также иных обстоятельств его совершения, возникающих в процессе подготовки, совершения и сокрытия актов ФЭД.

К материальным следам относятся:

- средства финансирования: денежные средства в наличной форме, иные материальные ресурсы (учебная, полиграфическая и материально-техническая база: предметы обмундирования, экипировки, средства связи, транспортные средства и др.);

- документы, отражающие движение денежных средств: банковские выписки, платежные поручения, квитанции о денежных переводах, записи в реестрах криптобирж и блокчейнах, выписки с криптовалютных бирж об обмене валюты/покупке криптовалюты и пр.;

- документы, подтверждающие факт создания и осуществление деятельности формально-легитимными организациями, специально созданными для ФЭД: учредительные документы, первичная учетная документация, регистры бухгалтерского учета, бухгалтерская и налоговая отчетность и пр.;

- документы, подтверждающие факт легализации денежных средств, предназначенных для ФЭД: договоры, квитанции к приходным/расходным кассовым ордерам, чеки контрольно-кассовых машин, договоры, акты выполненных работ, счета-фактуры и пр.;

- средства хранения, передачи и обработки информации: флеш-накопители, жесткие диски, SIM-карты, персональные компьютеры и пр.;

- иные материальные объекты: упаковочные материалы (конверты, пакеты, используемые для передачи наличных денежных средств). Записки с реквизитами, шифрами; списки лиц, осуществляющих финансирование; отчеты о расходах/поступлениях и пр.

* Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.06.2025).

К идеальным следам относятся:

- показания свидетелей, т. е. лиц, наблюдавших процесс привлечения, предоставления, сбора, перемещения и использования средств, предназначенных для ФЭД (например, сотрудников банков и иных кредитных организаций);
- показания потерпевших, т. е. лиц, подвергшихся вымогательству средств под предлогом «помощи делу» или пострадавших от действий членов экстремистской организации;
- показания подозреваемых/обвиняемых: информация о структуре сети лиц и организаций, причастных к ФЭД, ролях участников, источниках и каналах движения средств, способах сокрытия и пр.

К цифровым следам относятся:

- следы в банковских и платежных системах: логи доступа к интернет-банкингу, IP-адреса, данные об устройствах, используемых для операций;
- следы использования криптовалют: адреса кошельков отправителей/получателей, записи транзакций в блокчейне, логины на криптобиржах, следы использования миксеров/тумблеров;
- следы коммуникации между участниками, причастными к ФЭД: переписка в мессенджерах, электронная почта, сообщения в социальных сетях и на форумах с обсуждением сбора, перевода, получения и использования средств, с инструкциями. Метаданные сообщений (время, отправитель, получатель);
- следы в интернет-трафике: история посещения сайтов (в том числе ресурсов экстремистского содержания, платежных систем, криптобирж), поисковые запросы, связанные с ФЭД. Данные о геолокации устройств;
- иные следы на персональных компьютерах и на иных устройствах: файлы (документы, таблицы с учетом средств, списки контактов, реквизиты), история браузера, кэш-приложений, лог-файлы программ и пр.

Характеристика способов совершения преступлений.

1. Действия, направленные на осуществление финансирования экстремистской деятельности: организация финансирования; привлечение; предоставление, сбор (в том числе приискание, получение, сохранение), перемещение, использование средств (в том числе финансовых услуг).

Лица, осуществляющие ФЭД, также совершают деяния, направленные на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и обеспечение организации финансовой безопасности экстремистского формирования. Для минимизации рисков выявления преступной деятельности ими внедряются многоступенчатые системы контроля: разделение каналов поступления и расходования средств; использование анонимных платёжных инструментов (дроп-карты, криптовалютные кошельки и т. п.); создание ложных финансовых следов через недействительные сделки или формально-легитимные организации; инструктаж рядовых участников по правилам конспирации при проведении транзакций.

Другой немаловажный компонент деятельности лиц, причастных к ФЭД, – взаимодействие с другими структурными подразделениями экстремистского формирования. Данные лица координируют свою деятельность с идеологами и организаторами, региональными ячейками и вербовщиками. В транснациональных экстремистских организациях и сообществах обеспечивают переводы между региональными отделениями, используя неформальные системы денежных переводов (например, «Хавала»), а также перемещение денежных средств через курьеров [5, с. 221] и пр.

2. Инструменты финансового обеспечения экстремистской деятельности:

- ресурсы, аккумулируемые через международные организации, функционирующие на территории Российской Федерации под прикрытием псевдофилантропических

программ (гуманитарные миссии, образовательные иностранные гранты и целевые иностранные гранты, маскируемые под проекты культурного сотрудничества или научные инициативы);

- доходы от квазизаконных коммерческих предприятий, формально дистанцированных от материнских организаций;

- целевые пожертвования этнорелигиозных диаспор, организованные через транснациональные сети;

- прямые транши от аффилированных зарубежных экстремистских и террористических формирований;

- внутренние некриминальные источники (например, членские взносы, краудфандинг и т. п.);

- криминальные активы (например, от незаконного оборота огнестрельного оружия, боеприпасов, наркотических средств и психотропных веществ и т. п.), интегрируемые в экономику экстремистского формирования через разнообразные схемы обналичивания.

Необходимо также отметить, что финансовая база формируется за счет диверсифицированных ресурсов – денежных средств, ценных бумаг, объектов недвижимости, интеллектуальной собственности. Особую значимость имеют высоколиквидные активы (криптовалюты, драгметаллы и т. п.), обеспечивающие конвертацию капитала в транснациональном масштабе.

В качестве примера следует привести приговор Санкт-Петербургского городского суда по делу № 2–22/2023, согласно которому ФИОЗ признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 228¹, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 282³ УК РФ. Согласно материалам дела, ФИОЗ, имея умысел на финансирование экстремистской деятельности экстремистской организации, разделяя ее преступные цели, по указанию членов указанной экстремистской организации, неоднократно, находясь на территории г. Санкт-Петербурга, в разное время передавал наличные денежные средства через посредника для материального обеспечения данной экстремистской организации.

В настоящее время также наблюдается активное использование гибридных торговых платформ, включая международные коммерческие хабы с минимальным SLA-контролем и теневую экономику даркнета, оперирующую анонимными платежными системами и блокчейн-технологиями. Указанные механизмы отражают эволюцию финансового обеспечения экстремистских формирований в сторону институциональной *mimicry* – имитации легитимной деятельности при сохранении криминальной функциональности.

Интересным также представляются материалы зарубежных авторов. Как отмечают Ф. Тейхман и М.-К. Фалькер, в целях финансирования обычно используются для перевода денег либо онлайн-банки, либо поставщики финансовых услуг, специализирующиеся в определенном регионе. Одна из главных причин использования онлайн-банков заключается в том, что отношения между банком и клиентом основаны на письменной переписке, а не на личном общении. Банки с зарубежными филиалами также могут быть удобны для преступников. Преимущество международных внутригрупповых транзакций заключается в том, что они, скорее всего, менее контролируются. Также лицами, причастными к данной преступной деятельности, используются предприятия в качестве прикрытия, что позволяет им осуществлять международные банковские переводы, не вызывая подозрений со стороны правоохранительных органов. В частности, ими создаются юридические лица и используются счета-фактуры для обоснования своих транзакций. Особенно популярны инвестиционные и консалтинговые компании. Также в качестве правдоподобных прикрытий могут использоваться похоронные бюро, туристические агентства или логистические компании. В качестве альтернативы могут использоваться неправительственные организации или благотворительные фонды [6].

Характеристика условий (обстановки) преступной деятельности

Обстановка преступной деятельности по финансированию экстремизма представляет собой сложный, динамичный и многоуровневый комплекс взаимосвязанных условий. Ее ключевыми характеристиками являются:

- трансграничность. Данная преступная деятельность часто охватывает территории нескольких субъектов Российской Федерации или иностранных государств. Источники средств, промежуточные звенья и конечные бенефициары могут находиться в разных юрисдикциях;
- «серые зоны» и зоны конфликтов. Использование территорий со слабым государственным контролем, нестабильной политической обстановкой или идущими вооруженными конфликтами для сбора, хранения и распределения средств;
- цифровое пространство. Интернет как основная среда для коммуникации, вербовки, сбора пожертвований и управления финансами, стирающая географические границы;
- временная динамика. Финансирование может быть разовым, периодическим или постоянным. Активизация сбора средств часто связана с подготовкой конкретных экстремистских акций, ответом на происходящие в государстве геополитические события.

Так, сотрудниками правоохранительных органов России была выявлена и задокументирована противоправная деятельность жителя г. Владимира, являющегося сторонником идеологии некоммерческой организации, деятельность которой запрещена на территории России. *Обвиняемый совершил несколько денежных переводов на открытые в США расчетные счета, распространяемые представителями указанной запрещенной организации, для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности**.

Таким образом, финансирование экстремистской деятельности – сложный, высоколабильный и постоянно эволюционирующий вид преступной деятельности. Криминалистическая характеристика финансирования экстремистской деятельности представляет собой информационную модель, включающую четыре взаимосвязанных элемента: субъект, следовую картину, способ, условия (обстановку). Установлено, что криминалистическая характеристика рассматриваемой преступной деятельности детерминирована его транснациональностью, активным использованием цифровых технологий и гибридных инструментов финансирования, а также методов институциональной мимикрии. Следовая картина охватывает материальные, идеальные и цифровые следы. Способы совершения преступлений направлены на конспирацию и легализацию финансовых потоков.

Список источников

1. Муратжан З. Сущность, методы, виды, формы и способы финансирования террористической и экстремистской деятельности в современных условиях // *Colloquium-Journal*. 2020. № 7–7(59). С. 35–38.
2. Иванов П. И. Оперативно-розыскное сопровождение противодействия финансированию экстремистской деятельности: основные проблемы и пути решения // *Труды Академии управления МВД России*. 2019. № 4 (52). С. 82–89.
3. Баранов В. В. Некоторые аспекты противодействия финансированию экстремизма в условиях цифровой трансформации общества // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 10 (226). С. 217–219.
4. Гучок А. Е. Развитие взглядов о системном представлении преступления в криминалистике // *Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр.* Минск: Белорус. гос. ун-т, 2005. С. 347–356.
5. Серова Е. Б. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих исследованию по делам о финансировании экстремистской деятельности // *Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность: сб. материалов науч.-практ. конф. (Симферополь, 8 июня 2017 г.)*. Симферополь: Ариал, 2017. С. 220–223.
6. Teichmann F, Falker M.-C. Terrorist financing via the banking sector // *Crime Law Soc Change*. 2024. V. 82. P. 143–163.

* Жителя Владимира обвинили в финансировании ФБК // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22784877?ysclid=mc0a809ry7537439177> (дата обращения: 17.06.2025).

Информация об авторе

А. Д. Абаринов – адъюнкт.

Information about the author

A. D. Abarinov – post-graduate.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 136–142.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 136–142.

Научная статья

УДК 343.98

ОБЪЕКТЫ И ЗАДАЧИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алексей Фёдорович Купин^{1, 2}

¹ Управление научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательский институт криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, Москва

² Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва
alexcrim@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрен ряд теоретических и прикладных аспектов, связанных с криминалистическим исследованием документов в рамках теории цифровизации судебно-экспертной деятельности, а именно:

- проанализирован круг объектов, которые могут исследоваться экспертами, обладающими специальными знаниями в области технико-криминалистической (технической) экспертизы документов, исходя из тенденций и особенностей современного документооборота;
- рассмотрены задачи, которые могут ставиться на разрешение экспертов отдельных специальностей при изучении электронных документов и электронных образов документов;
- обозначены методы, которые могут применяться в процессе изучения документов и электронных образов документов в зависимости от обстоятельств обнаружения и изъятия этих объектов, а также ряда других факторов, обуславливающих назначение экспертных исследований документов;
- уточнены возможности некоторых программных средств (специализированных программ), с помощью которых представляется возможным проводить исследования электронных документов и электронных образов документов.

Ключевые слова: документ, электронный документ, электронный образ документа, судебная экспертиза, задачи технико-криминалистического (технического) исследования документов, методы криминалистического исследования документов

Для цитирования: Купин А. Ф. Объекты и задачи криминалистического исследования документов в свете теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 136–142.

Original article

OBJECTS AND TASKS OF FORENSIC DOCUMENT EXAMINATION IN LIGHT OF THE THEORY OF DIGITIZATION OF FORENSIC ACTIVITIES

Alexey F. Kupin^{1, 2}

¹ Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow

² Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Moscow
alexcrim@rambler.ru

Abstract. The article examines a number of theoretical and applied aspects related to forensic document examination within the framework of the theory of digitization of forensic activities, namely:

- the range of objects that can be examined by experts with special knowledge in the field of technical forensic (technical) examination of documents is analyzed based on the trends and characteristics of modern document management;
- the tasks that may be set for experts in specific fields when studying documents and electronic images of documents are considered;
- methods that can be used in the process of examining documents and electronic images of documents have been identified, depending on the circumstances of the discovery and seizure of these objects, as well as a number of other factors that determine the appointment of expert document examinations.
- examples of specific software tools (specialized programs) are proposed, with the help of which it is possible to conduct research on documents and electronic images of documents.

Keywords: document, electronic document, electronic image of a document, forensic examination, tasks of technical-criminalistic (technical) examination of documents, methods of criminalistic examination of documents

For citation: Kupin A. F. Objects and tasks of forensic document examination in light of the theory of digitization of forensic activities // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 136–142.

В настоящее время практически каждый человек ежедневно взаимодействует с различными средствами вычислительной техники. Это могут быть стационарные компьютеры, смартфоны, ноутбуки и другие устройства. С их помощью выполняются различные функции, в том числе составляются и пересылаются документы. Традиционные технологии хранения информации на таких материальных носителях, как бумага, картон, различные виды полимерных субстратов, постепенно заменяются более простыми и дешевыми, предполагающими использование различных средств вычислительной техники для изготовления и хранения документов.

Складывающиеся тенденции в переводе информации в электронно-цифровую форму, с одной стороны, безусловно, положительным образом влияют на многие процессы жизнедеятельности общества в части упрощения передачи информации во времени и в пространстве, а с другой стороны, создают широкие возможности к неправомерному ее использованию для совершения преступлений и правонарушений, в том числе путем изготовления поддельных документов и (или) их цифровых изображений. Работа с документами, изготовленными с помощью цифровых технологий, в особенности с хранящимися на электронных носителях информации, несомненно, требует пересмотра сложившихся методических подходов и разработки новых методов и приемов, позволяющих проводить исследования таких объектов.

Поскольку сама возможность принятия электронных доказательств в настоящее время не подвергается сомнению [1; 2], нами будут рассмотрены возможности криминалистического исследования электронных документов в рамках сложившихся тенденций цифровизации судебно-экспертной деятельности и сформированной Е. Р. Россинской на этой основе частной теории [3].

Обращаясь к современным возможностям криминалистического исследования документов и их реквизитов в цифровой форме, определим объекты, которые могут направляться на подобные исследования, и опишем возможности решения по ним отдельных задач как одной из форм реализации обозначенной теории – «судебно-экспертного исследования цифровых следов». Рассматривая документы в цифровом формате как объекты экспертных исследований, нужно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, следует разграничивать юридическое и криминалистическое понимание электронного документа. Содержание электронного документа и требования, предъявляемые к нему, закрепленные в различных нормативных и нормативно-технических актах, были подробно рассмотрены нами ранее [4, с. 109–115; 5, с. 91–99]. В настоящее время указанные требования, предъявляемые к электронным документам, не претерпели значительных изменений, в связи с этим нет необходимости повторно останавливаться на их рассмотрении.

С позиций криминалистики электронный документ рассматривается значительно шире: как компьютерная информация, с помощью которой различными методами можно получить сведения об определенных фактах [6, с. 16–17; 7, с. 6–7]. Наличие у таких документов ряда реквизитов, а также правила и процедура изготовления имеют вторичное значение по отношению к другим обстоятельствам – изготовлению конкретным человеком, в рассматриваемом месте, с помощью определенных технических средств и т. д. Так, факт выполнения рукописной записи в документе определенным исполнителем с позиций доказывания обстоятельств совершенного преступления может иметь большее значение по сравнению с тем, сколько реквизитов содержит данный документ, соответствуют ли эти реквизиты определенным правилам их нанесения и т. д.

В связи с этим к электронным документам в криминалистическом понимании будут относиться не только файлы, содержащие текстовые и графические материалы, оформленные надлежащим образом и подписанные электронной подписью, но и копии бумажных документов, полученные посредством перевода их в цифровую форму путем создания электронных образов этих документов. Причем в отношении электронных образов документов возможно решение широкого круга разнообразных экспертных задач. Приведем пример успешного изучения электронного образа документа. В 2025 г. в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации в рамках расследования уголовного дела по факту безвестного исчезновения гр-на В. на территории иностранного государства (в территориальных водах) было проведено комплексное экспертное

исследование цифрового изображения рукописного документа на электронном носителе информации* Оригинал данного документа находился в другой стране, в распоряжение следователя была предоставлена его цифровая копия, полученная путем фотографирования с помощью мобильного устройства оригинала документа и направленная путем мгновенного обмена сообщениями. Несоблюдение правил криминалистической фотографии при получении цифрового изображения документа, а также последующие действия, связанные с отправкой данного изображения по электронным каналам связи, привели к ухудшению качества цифрового изображения документа, представленного на исследование. В связи с этим на первом этапе специалистом-видеотехником было произведено улучшение изображения документа, содержащего рукописные записи, а затем специалистом-почерковедом установлен исполнитель этих рукописных записей.

Во-вторых, касаясь возможностей исследования электронных образов документов, следует брать во внимание условность некоторых выводов экспертов, даваемых по результатам проведенных исследований. Не всегда, изучая изображение документа в цифровой форме, в процессе экспертных исследований удается установить признаки технической подделки некоторых реквизитов, а также другие обстоятельства, связанные с изготовлением документов [8, с. 76–77; 9, с. 29; 10, с. 243–244]. В связи с этим, например, вывод эксперта о том, что рукописный текст, расположенный в документе, представленном на исследование в цифровой форме, выполнен определенным исполнителем, должен содержать ссылку на следующие условия его допустимости:

- существует либо существовал оригинал документа, цифровое изображение которого исследуется;
- при выполнении рукописного текста в документе-оригинале технические средства не применялись.

С учетом отмеченных особенностей полагаем возможным произвести классификацию электронных документов как объектов криминалистического исследования на следующие группы с выделением круга задач, которые могут решаться в ходе непосредственного изучения электронных документов.

1. Документы в электронной форме, представляющие собой файлы текстового, графического или тексто-графического содержания. Изучение таких документов, а также их реквизитов проводится в рамках компьютерных (компьютерно-технических) и фотовидеотехнических экспертиз и может быть связано с решением ряда диагностических и идентификационных задач. Например, в рамках компьютерно-технической (компьютерной) экспертизы по рассматриваемым объектам могут решаться следующие задачи:

- установление факта и обстоятельств внесения изменений в компьютерную информацию после ее создания, выявление признаков такого изменения посредством изучения метаданных электронных документов;
- установление общего источника происхождения содержания информации, представленной на разных носителях (создание ее определенной программой и т. п.) [11, с. 383–384].

Для проверки электронного документа на предмет внесения в него определенных изменений может проводиться, например, анализ хеш-суммы. Хеш-сумма – это уникальный цифровой код файла, рассчитанный по определенному алгоритму в момент создания документа. Если хеш-сумма файла, созданная при его отправке, совпадает с хеш-суммой, высчитанной на момент исследования, то можно утверждать, что файл не изменялся.

* По материалам уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту безвестного исчезновения гр. В., расследованном Краснодарским следственным отделом на транспорте Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в 2024 году // Архив уголовных дел о преступлениях, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации.

В рамках фотовидеотехнической экспертизы решаются следующие задачи по этой группе объектов:

- проведение цифровой обработки (шумоочистка, фильтрация, восстановление) фото-, видеоизображений с целью повышения различимости запечатленных объектов;
- установление общего источника происхождения нескольких фото-, видеоизображений;
- установление технических обстоятельств изготовления фотоснимков и видеозаписей (дата и время изготовления, перекодировка и копирование, монтаж или иные изменения и пр.) [12, с. 9–10].

2. Документы, созданные изначально в цифровой форме (текстовый, графический или текст-графический файл), распечатанные на материальный носитель, а в последующем переведенные в цифровой формат с помощью технических средств, например, путем фотографирования либо сканирования. К таким документам можно отнести договор, созданный в цифровой среде, подписанный электронной подписью и распечатанный на материальный носитель, впоследствии представленный в виде электронного образа. Криминалистическое исследование таких документов, а точнее их электронных образов, будет выполняться с участием лиц, обладающих специальными знаниями как в области фотовидеотехнической и компьютерно-технической (компьютерной) экспертиз, так и в других областях. Например, работа эксперта по специальности технико-криминалистической (технической) экспертизы документов при изучении таких объектов будет заключаться в выяснении следующих обстоятельств:

- в выявлении признаков изменения первоначального содержания документа или его отдельных реквизитов, например, факта монтажа;
- в установлении первоначального содержания документа либо его отдельных реквизитов;
- в установлении факта соответствия электронного образа документа документу, созданному изначально в электронной форме, по наличию, расположению и взаиморасположению реквизитов и т. д.

При решении этих задач эксперт в области судебной технико-криминалистической экспертизы документов может устанавливать факт изменения первоначального содержания документа посредством применения программного обеспечения, связанного с графической обработкой изображения документа, включая изменения яркости, контрастности и т. д. [13, с. 101; 14, с. 110]. Следует учитывать, что возможности графического редактора не позволяют устанавливать часть признаков, содержащихся в метаданных файла-документа и свидетельствующих об изменении документа посредством именно технических средств и специализированного программного обеспечения, что входит в область знаний судебной компьютерно-технической (компьютерной) экспертизы.

3. Документы, реквизиты которых созданы первоначально на бумаге либо ином носителе информации с помощью пишущих приборов и различных материалов письма, а также любых иных инструментов и веществ, используемых в качестве таковых, переведенные в последующем в цифровой формат с помощью технических средств, например, путем фотографирования либо сканирования этих документов и получения их электронных образов.

При изучении документов данной группы помимо экспертов, специализирующихся в производстве судебных компьютерно-технических (компьютерных), фотовидеотехнических, технико-криминалистических (технических) экспертиз документов, могут привлекаться также эксперты-почерковеды для установления исполнителя подписи либо рукописной записи, изображения которых имеются на цифровом изображении документа. В ряде случаев по таким документам, при условии наличия в распоряжении эксперта подлинника документа, цифровое изображение которого является объектом исследования, может быть поставлен вопрос: не с этого ли документа было получено цифровое изображение? В такой ситуации при изучении цифровых изображений документов и документов-оригиналов в бумажном виде

нужно брать во внимание то, что непосредственная идентификация их физически невозможна в силу отличия природы компьютерных файлов от природы бумажного документа. Документ в цифровой форме может сравниваться с бумажным документом только после перевода его в аналогичный вид путем распечатывания.

В процессе раздельного исследования бумажного документа и цифровых изображений документов важно определить последовательность их изучения. Эта последовательность связана с различными ситуациями, возникающими в процессе расследования, которые определяют, какие объекты могут быть предоставлены в распоряжение экспертов, будут ли обнаружены или нет на средстве вычислительной техники либо на ином носителе информации следы подготовки документов, представленных на бумажных носителях, и если да, то какие именно, а также с некоторыми другими обстоятельствами. В случае, если на экспертизу поступит несколько бумажных документов, то необходимо в ходе их изучения выбрать наиболее визуально похожие по общим признакам документы и начать исследование с них, таким образом устанавливая порядок исследования объектов от наиболее информативных к менее информативным. Кроме того, требуется учитывать особенности размещения признаков и в дальнейшем – при изучении цифровых изображений документов.

Также следует обратить внимание на другие обстоятельства, указывающие на способ нанесения реквизитов бумажного документа, на взаиморасположение этих реквизитов относительно друг друга и т. д. В частности, если будет установлено, что определенная строка бумажного документа отпечатана с помощью другого печатающего устройства, по сравнению с остальным текстом документа, то при изучении цифровых изображений таких документов в первую очередь следует обратить внимание на те цифровые изображения, где ничего не напечатано, кроме интересующих эксперта строк текста из бумажного документа. В случае выявления подобных документов, при предоставлении в распоряжение эксперта принтера, который мог использоваться для печати, происходит их распечатывание и последующее сравнение признаков, отобразившихся в распечатанном документе и в документе-оригинале, поступившем на бумажном носителе. При этом необходимо точно воспроизвести все настройки печати, поскольку иначе неизбежно возникает искажение признаков. Если печатающее устройство не предоставлено, либо возникают затруднения при печати цифрового изображения документа, производится сканирование исследуемого бумажного документа и последующее сравнение изображений документов на экране монитора стендового компьютера.

При создании цифровой копии бумажного документа необходимо обращать внимание на то, что получаемое изображение должно не только отражать в достаточной мере содержание и топографические признаки бумажного документа, но и быть достаточно хорошего качества для того, чтобы было возможно проводить сравнительное исследование текста. В частности, необходим подбор высокого разрешения (не менее 600 dpi) сканирования. Осуществляя перевод бумажных документов в цифровой вид, нужно учитывать особенности работы отдельных программ, применяемых для этого. Так, например, при переводе графической информации в текстовый вид (с помощью программ типа Fine Reader) неизбежны искажения, вызванные параметрами работы программы и рядом иных причин.

Таким образом, учитывая, что с развитием современных технологий документы на электронных носителях информации все чаще становятся объектами экспертных исследований, необходимо продолжить разработку методологических основ проведения таких исследований. В значительной мере этому способствует частная теория цифровизации судебно-экспертной деятельности, применяя которую возможно не только определить круг объектов, задачи и методы криминалистического исследования документов в цифровом формате, но также и описать пределы компетенции экспертов различных специальностей, которые могут принимать участие в изучении данных документов.

Список источников

1. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учеб. пособие / В. Ф. Васюков [и др.]. М., 2023. 1086 с.
2. Основы теории электронных доказательств: моногр. / под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
3. Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. № 19 (3). С. 20–32.
4. Купин А. Ф. Документ как источник получения доказательственной информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. 2025. № 1 (70). С. 109–115.
5. Купин А. Ф. Копии и изображения документов как источник получения доказательственной информации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1 (43). С. 91–99.
6. Иванов Н. А. Экспертиза электронных документов и машинограмм. М.: Юрлитинформ, 2009. 144 с.
7. Основы обнаружения и изъятия цифровых следов / О. В. Тушканова [и др.]. М.: СК РФ, 2022. 150 с.
8. Жижина М. В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым фотографическим копиям документов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15, № 2. С. 70–80.
9. Рубцова И. И., Волкова С. В. Проблемные вопросы исследования копий почерковых объектов: материалы межвед. науч.-практ. конф. (Москва, 28 мая 2013 г.). М.: Моск. ун-т МВД России, 2013. С. 27–32.
10. Шведова Н. Н. О доказательственном значении результатов экспертных исследований цифровых изображений рукописных реквизитов документов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1 (29). С. 239–245.
11. Криминалистика: учеб. / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2015. 970 с.
12. Вознюк М. А. Назначение, производство и оценка результатов судебной фотовидеотехнической экспертизы: метод. рекомендации для следователей и экспертов. М.: СК РФ, 2021. 58 с.
13. Жижина М. В. Судебно-почерковедческое исследование по цифровым скан- и фотокопиям документов (часть 2) // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3. С. 94–103.
14. Четверкин П. А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов: моногр. / под ред. А. А. Проткина. М.: Юрлитинформ, 2009. 200 с.

Информация об авторе

А. Ф. Купин – кандидат юридических наук, доцент, старший инспектор Управления научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательский институт криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации; доцент кафедры «Безопасность в цифровом мире» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана.

Information about the author

A. F. Kupin – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, senior inspector of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, associate professor of the Department of Security in the digital world of the Moscow State Technical University named after N. E. Bauman.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 143–152.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 143–152.

Научная статья

УДК 343.982.356

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛОТО-РЕЗАНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ КЛИНКАМИ НОЖЕЙ, НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ШИНАХ

Ольга Владимировна Становая

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

stanovoy.70@mail.ru, ORCID: 0009–0008–4509–5935

Аннотация. Колото-резаные повреждения, причиненные ножами, являются частым объектом исследований в экспертной практике. Трасологические экспертизы с данными повреждениями проводятся по широкому спектру уголовных дел, начиная с убийств, грабежей, ДТП и заканчивая причинением вреда имуществу. Основная криминалистическая литература, различные справочники посвящены возможностям диагностики и идентификации колото-резаных повреждений, образованных на одежде или теле человека, на различных тканях. Однако изучению колото-резаных повреждений, образованных на автомобильных шинах, уделено недостаточно внимания.

В статье рассмотрены, описаны и проиллюстрированы общие и частные признаки колото-резаных повреждений на автомобильной шине, образованных клинками ножей с различными видами и остротой заточки их лезвий, а также имеющих деформацию острия клинка.

Ключевые слова: колото-резаные повреждения, нож, заточка клинка, шина автомобиля, острие клинка, серрейторная заточка

Для цитирования: Становая О.В. Трасологическое исследование колото-резаных повреждений, образованных клинками ножей, на автомобильных шинах // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 143–152.

Original article

TRACEOLOGICAL STUDY OF STAB-AND-CUT INJURIES ON CAR TIRES CAUSED BY KNIFE BLADES

Olga V. Stanovaya

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd

stanovoy.70@mail.ru, ORCID: 0009–0008–4509–5935

Abstract. Stab-and-cut injuries caused by knives are a frequent subject of research in forensic practice. Traceological examinations with such injuries are conducted across a wide range of criminal cases, starting from murders, robberies, traffic accidents, and ending with property damage. To date, the main forensic literature and various reference books are dedicated to the possibilities of diagnosing and identifying stab-and-cut injuries formed on clothing or the human body, as well as various tissues. However, the study of stab-and-cut injuries formed on automobile tires has not received sufficient attention.

The article discusses, describes, and illustrates the general and specific characteristics of stab-and-cut injuries on an automobile tire, formed by the blades of knives with various types and sharpness of their edges, as well as those having deformations of the blade's tip.

Keywords: stab-and-cut injuries, knife, blade sharpening, automobile tire, blade tip, serrated sharpening

For citation: Stanovaya O. V. Traceological study of stab and cut injuries on car tires caused by knife blades // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 143–152.

Многие тяжкие преступления против личности и собственности совершаются с применением предметов, имеющих режущую кромку (лезвие). Это могут быть разные заточки, опасные битвы и т. д. Но в основном на трасологическое исследование поступают различные объекты со следами (повреждениями), образованными ножами. Клинки ножей имеют множество конструкций, различающихся по форме, размерам, заточкой лезвия и др. Основными повреждениями, которые наносит клинок ножа объектам, являются резаные и колото-резаные повреждения. Механизм образования таких повреждений на различных объектах в криминалистике давно изучен и достаточно хорошо описан (Р. С. Белкин, Н. П. Майлис, Ю. Г. Корухов, Е. И. Зуев, С. Д. Кустанович, Г. Л. Грановский, И. В. Кантор, Н. И. Нестеров, И. В. Латышов). Широко освещено образование данных повреждений и в судебной медицине, в частности, механизм образования повреждений от клинка ножа на теле человека и его одежде*. Также уделяется много внимания изучению морфологических признаков колото-резаных повреждений на различных объектах**.

Тем временем одним из наиболее частых объектов трасологической экспертизы, проводимой по фактам ДТП и умышленного повреждения имущества, являются шины колес транспортных средств. Установление механизма образования повреждений на шинах колес способствует успешному раскрытию дорожно-транспортных происшествий, позволяя реконструировать событие по его следам, получить представление о его динамике. Изучение повреждений, сделанных ножом на шинах колес автомобиля, позволяет идентифицировать орудие преступления.

Важность решения в определении точного механизма образования повреждений на шинах при ДТП и установлении истины по делу видно на примере из практики. Так, при движении по дороге водитель Н. не справился с управлением, выехал на полосу встречного движения и столкнулся с автомобилем под управлением водителя П. В результате столкновения в машине под управлением П. погиб человек. На допросе виновник ДТП пояснил, что машину резко повело влево, и он не смог предотвратить аварию. При осмотре его машины было изъято левое переднее колесо. Комплексное транспортно-трасологическое исследование колеса показало, что на его боковине имеется сквозное колото-резаное повреждение, образованное ножом уже после совершения ДТП. Под давлением улик виновник аварии признался, что сам совершил порез шины для оправдания причины выезда на встречную полосу.

Кроме того, проведенный анализ заключений экспертов позволяет сделать вывод о том, что эксперты испытывают затруднения в решении диагностических и идентификационных вопросов по колото-резаным повреждениям автомобильных шин.

Осложняет ситуацию появление ножей, имеющих серрейторную заточку клинка, которая широко используется в ножах различного назначения – от охотничьих до хозяйственно-бытовых и специального назначения.

* См., напр.: Волков В. И., Датий А. В. Судебная медицина: учеб. пособие / под ред. А. Ф. Волынского. М., 2000.

** См., напр.: Колото-резаные повреждения, образованные ножами и предметами, сходными с ними, на различных тканях: учеб.-метод. пособие / сост. Е. В. Китаев, В. А. Абрамов. Волгоград: ВА МВД России, 2025.

Рассмотрим особенности образования общих и частных признаков колото-резаных повреждений на шине автомобиля, причиненных различными ножами. Для проведения экспериментов была взята б/у шина BRIDGESTONE, BLIZZAK REVOGZ, 185/65 R15, 88S японского производства. При нанесении повреждений шина лежала на земле. На боковине шины четырьмя ножами (рис. 1) были образованы 14 сквозных колото-резаных повреждений. Для проведения исследования фрагмент шины с повреждениями был вырезан (рис. 2).

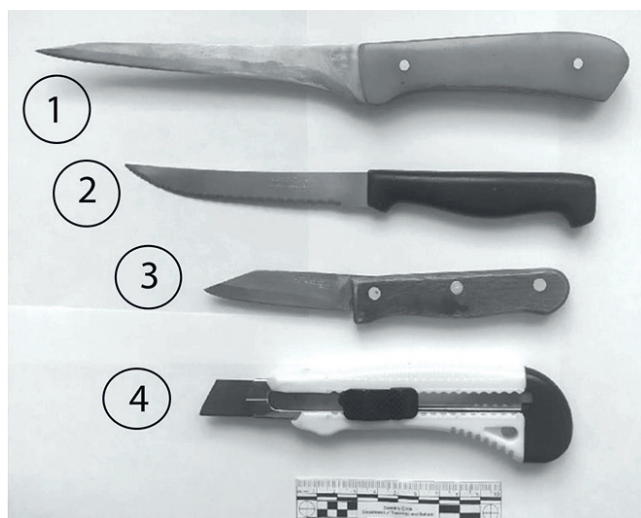

Рис. 1. Четыре ножа, которыми наносились колото-резаные повреждения на шине

Толщина резины в вырезном фрагменте неравномерная – от 5 мм в верхней части до 8 мм в нижней. Повреждения наносились как в верхнюю, так и в нижнюю часть. Для исследования торцевых поверхностей резины шины у всех повреждений они были разрезаны на две части вдоль повреждения, при этом не затрагивались первичные следы от лезвия ножа. С лицевой и оборотной сторон выреза шины было установлено следующее.

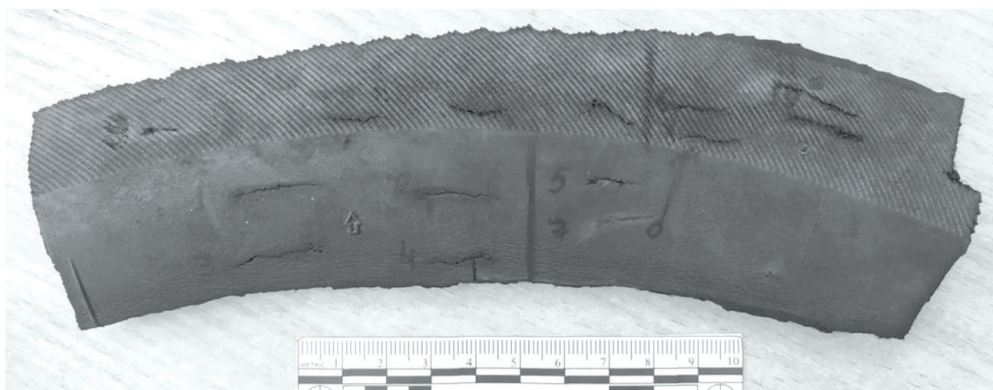

Рис. 2. Фрагмент боковины шины с колото-резаными повреждениями

Повреждения № 1, 2, 3, 4 и три повреждения в верхней части шины были нанесены ножом № 1. Клинок ножа слабо заточен, образован двусторонней заточкой, обух прямоугольной формы толщиной 2,3 мм. Повреждения № 1, 2 нанесены клинком по направлению обуха слева, повреждения № 3, 4 – справа (рис. 1, 3).

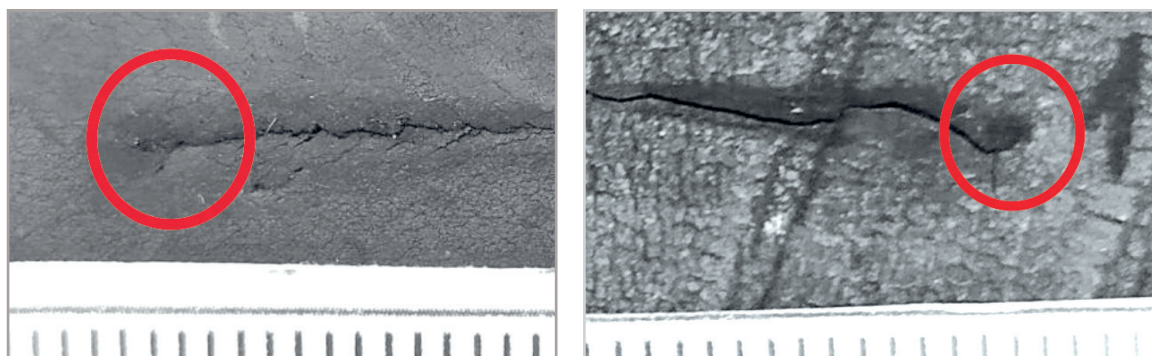

Рис. 3. Повреждение, образованное ножом № 1
(слева – с лицевой стороны шины, справа – с оборотной,
отмечено отображение обуха клинка)*

В повреждениях № 1, 2, 3, 4 отчетливо просматриваются общие признаки обуха и острия клинка – в месте проникновения обуха на резине с лицевой и оборотной стороны четко отображаются два луча, расходящихся в стороны, лезвие клинка оставляет острый конец повреждения. Признаки обуха клинка на оборотной стороне шины выражены более четко. Длина повреждения с лицевой стороны – 17 мм, с оборотной – 15 мм, форма повреждения с лицевой стороны прямолинейная, с оборотной – извилистая.

Кроме того, на оборотной стороне шины, во всех четырех повреждениях, по их краям отобразилось поперечное сечения клинка, имеющее сужение к лезвию. Данный признак отображается в виде пояса обтирания при извлечении клинка из шины и выражается в более темном окрасе цвета резины. Данный признак выражен сильнее на резине толщиной 8 мм.

При детальном исследовании торцевых поверхностей повреждений № 1, 2, 3, 4 с использованием сравнительного микроскопа МСК-3-1 (увел. 0,5), на их плоскостях были выявлены следы от воздействия лезвия клинка ножа в виде отдельных групп, параллельно расположенных по всей площади валиков и бороздок (трасс) дуговой формы. Трассы неровные, широкие, имеют смятие резины, нити корда разволокнены (рис. 4).

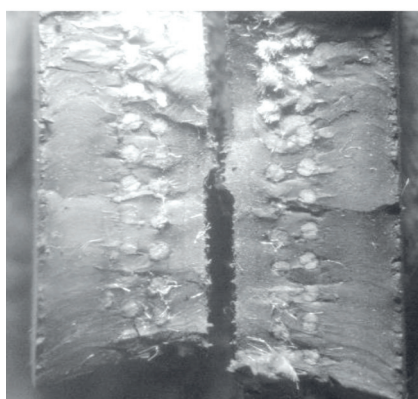

Рис. 4. Следы от лезвия клинка ножа № 1
в повреждении № 1 (микроскоп МСК-3-1).

Также колото-резанные повреждения с лицевой стороны шины могут иметь и извилистую форму (ломаная линия). Данный признак может быть обусловлен несколькими факторами – свойствами самой резины (срок использования, толщина), углом проведения реза, остротой лезвия (рис. 5).

* Иллюстрация проведена по повреждению № 1 ввиду того, что общие признаки во всех четырех повреждениях одинаковы.

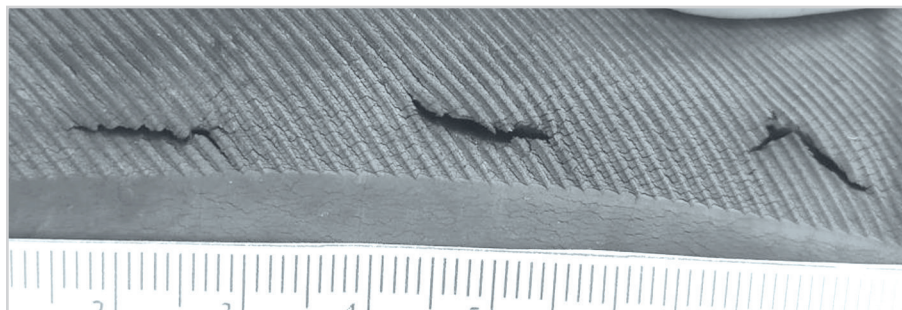

Рис. 5. Три не пронумерованных повреждения, образованных ножом № 1

Повреждения № 5, 6, 7, 8 были нанесены ножом № 2 (рис. 1, 6) с различными условиями слеодообразования. Повреждения № 5, 6 были нанесены клинком ножа, имеющего слабую заточку, острие клинка отломлено и имеет изгиб (скрутку) вокруг своей оси, заточка клинка двусторонняя, обух имеет скос прямоугольной формы толщиной 1, 2 мм.

Повреждения № 7, 8 были нанесены тем же клинком ножа, но уже с заточенным лезвием и устранением деформации острия. Все повреждения нанесены клинком по направлению обуха слева.

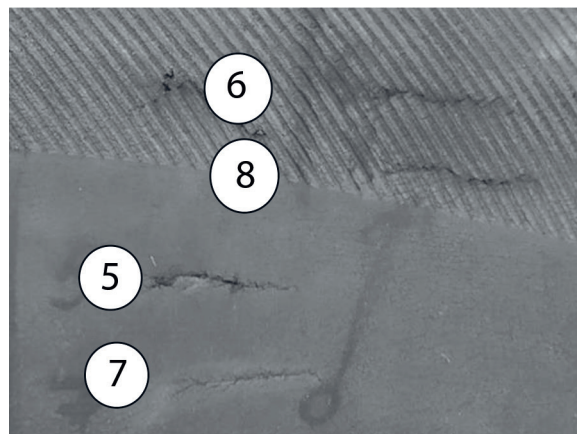

Рис. 6. Колото-резаные повреждения, нанесенные клинком ножа № 2

В повреждениях отчетливо просматриваются общие признаки обуха и острия клинка – в месте проникновения обуха на резине с лицевой и оборотной стороны четко отображаются два луча, расходящихся в стороны, лезвие клинка оставляет острый конец повреждения. Длина повреждения с лицевой стороны – 11 и 10 мм, с оборотной – 8 мм, форма повреждения с лицевой прямолинейная, извилистая, с оборотной – извилистая.

При детальном исследовании торцевых поверхностей повреждений № 5, 6, 7, 8 с использованием сравнительного микроскопа МСК-3–1 (увел.0,5) на их плоскостях были выявлены следы от воздействия лезвия клинка ножа в виде параллельно расположенных по всей площади валиков и бороздок (трасс) дуговой формы (рис. 7).

При сравнении данных следов установлено, что клинок ножа, имеющего тупое лезвие и деформацию клинка (отлом острия и его изгиб (скрутка), оставляет на поверхности резины следы в виде грубых шероховатых неровностей с наложением друг на друга и идущих в разном направлении, валики и бороздки (трассы) дуговой формы, неровные, широкие, имеют смятие резины, нити корда разволокнены (рис. 7 слева). Тот же клинок ножа, но уже с заточенным лезвием и устранением деформации острия, оставляет на поверхности резины ровные валики и бороздки (трассы) дуговой формы, нити корда не разволокнены, рассечены на одном уровне (рис. 7 справа).

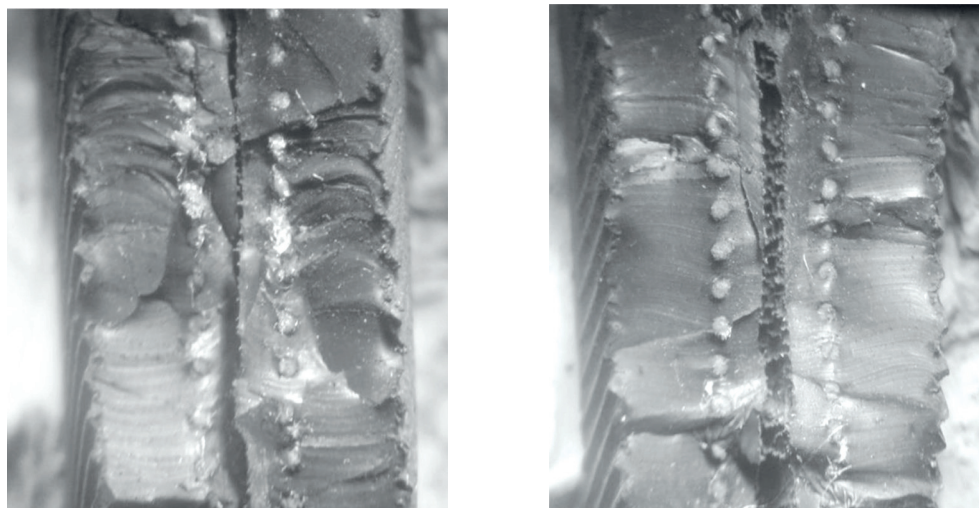

Рис. 7. Следы на шине от лезвия клинка ножа № 2
(слева – с тупым лезвием и деформацией острия, справа – с заточенным лезвием и устранением деформации острия)

Анализ колото-резаных повреждений на шине, образованных клинком ножа № 2 (с разными условиями следообразования), позволяет сделать вывод о том, что клинку с тупым лезвием и деформацией присущи свои характерные признаки, а тому же клинку с острым лезвием и без деформации – свои. Данные признаки визуально сильно отличаются друг от друга и пригодны в обоих случаях для идентификации клинка ножа.

Кроме того, имеется сложность, которая может возникнуть при диагностике и идентификации колото-резаных повреждений на шинах, образованных клинками ножей с острым и тупым лезвием. Внешний вид следов на резине от воздействия острого и тупого клинка различный, и поэтому велик соблазн сделать вывод том, что два повреждения на шине оставлены разными ножами. Поэтому в случае предоставления на исследование шины автомобиля с двумя колото-резаными повреждениями, следы которых различаются по частным признакам, а нож не представлен на исследование, и если эксперт не располагает достоверными данными, что клинок ножа мог быть заточен или деформирован, делать вывод об идентификации этих повреждений можно только в вероятной форме.

Повреждения № 10, 11 были нанесены ножом № 3 (рис. 1, 8). Клинок ножа имеет слабую одностороннюю серрейторную заточку, обух прямой толщиной 1 мм. Повреждения нанесены клинком по направлению обуха слева (рис. 8).

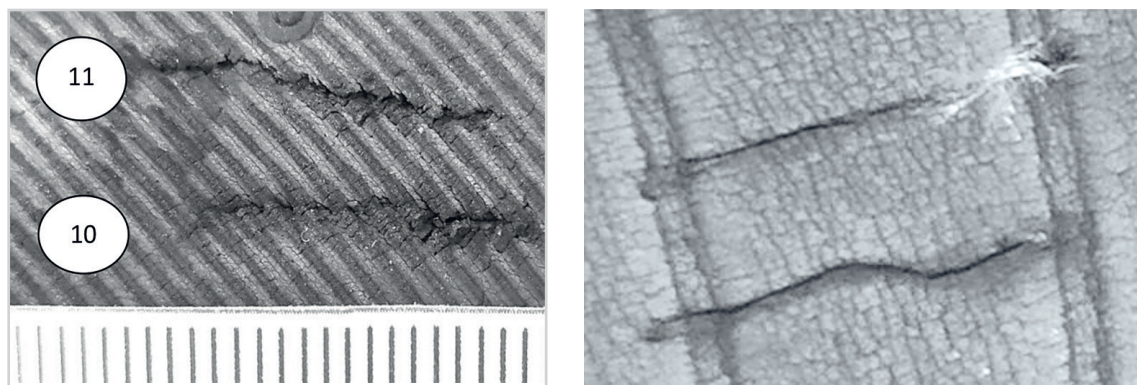

Рис. 8. Два повреждения, образованных ножом № 3
(слева – с лицевой стороны, справа – с обратной стороны шины)

Серрейтор клинка имеет два вида заточки: возле клинка – волнообразную в виде чередующихся овалов, далее – из 8 зубьев различной длины, шириной 0,5 мм, которые повторяются на всем протяжении лезвия клинка.

В данных повреждениях просматриваются общие признаки обуха и острия клинка: в месте проникновения обуха на резине с лицевой и оборотной стороны отображается один луч, также с оборотной стороны имеется выход наружу нитей корда, лезвие клинка оставляет острый конец повреждения. Длина повреждения с лицевой и оборотной стороны – 14 мм, форма повреждений с лицевой и оборотной стороны – прямолинейная и извилистая.

При детальном исследовании торцевых поверхностей с использованием сравнительного микроскопа МСК-3-1 (увел.0,5) на плоскостях повреждения выявлены следы от воздействия лезвия клинка ножа в виде параллельно расположенных по всей площади валиков и бороздок (трасс) дуговой формы (рис. 9).

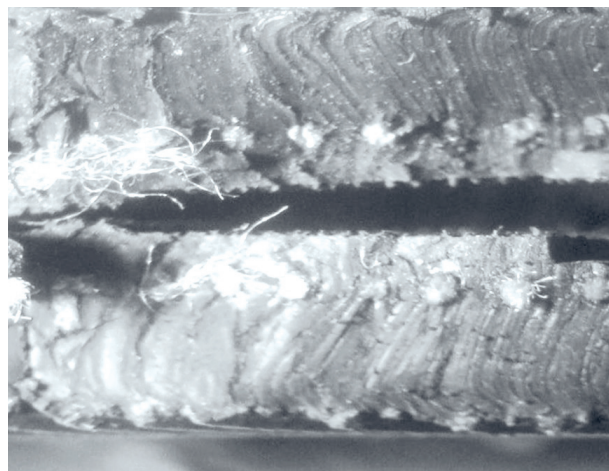

Рис. 9. Следы от лезвия клинка ножа с серрейторной заточкой на торцевых частях в следе № 10 (микроскоп МСК-3-1)

Кроме того, в данных следах отобразились признаки внедрения обуха клинка в резину (разволоknение нитей корда, грубые неровности на поверхности резины с наложением друг на друга и идущие в разном направлении). Направление вершины дуговых трасс указывает на то, что рез был проведен слева направо.

Для проверки возможности идентификации клинка ножа, на том же микроскопе было проведено сравнительное исследование торцевых поверхностей этих двух колото-резаных повреждений способом совмещения. В результате сравнения было установлено совпадение по частным признакам. Данное совпадение позволяет судить о том, что ножи, имеющие серрейторную заточку клинка, при нанесении ими колото-резаных повреждений на шине автомобиля оставляют на торцевых поверхностях резины следы в виде трасс (валиков и бороздок), пригодных для идентификации ножа.

Также проведя сравнительное исследование следов на резине шины от клинка с серрейторной заточкой и следов от тупого клинка с деформацией острия, можно констатировать, что морфология их образования сходна между собой. Просматриваются те же разволоknения нитей корда, грубые неровные трассы, замятие резины, что свидетельствует о том, что дифференцировать следы от воздействия ножа с серрейторной заточкой от следов ножа с тупым лезвием или с деформацией острия очень затруднительно (см. иллюстрацию № 13, 14). Поэтому для более точной диагностики всегда необходимо делать экспериментальный разрез.

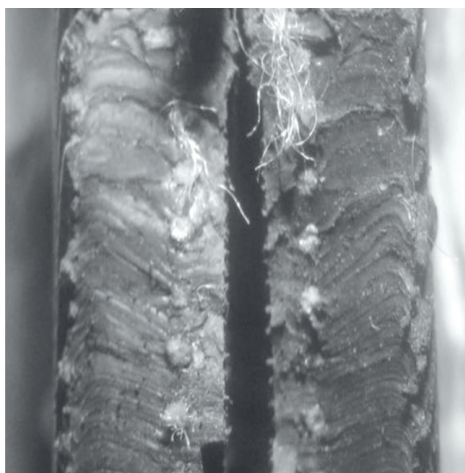

Рис. 10. Следы на шине от лезвия клинка ножа № 3 с серрейторной заточкой

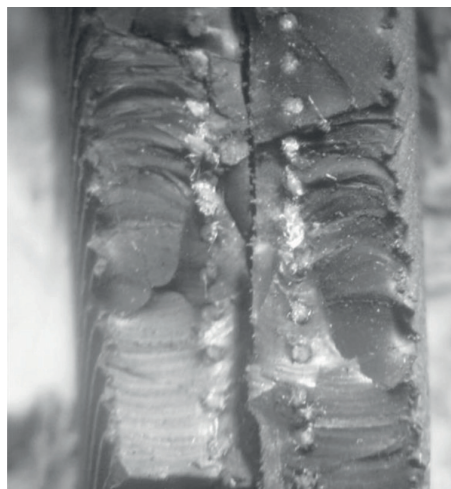

Рис. 11. Следы от ножа № 2 с тупым лезвием и деформацией острия

Повреждение № 9 было нанесено канцелярским ножом № 4 (рис. 1) в часть шины толщиной 5 мм. Клинок ножа слабо заточен, образован двусторонней заточкой, обух толщиной 0,5 мм, ширина клинка – 17 мм. Скос обуха и лезвие клинка, сходясь, образуют острие под углом около 45°. Острие имеет незначительный дефект в виде отлома металла. Повреждение нанесено клинком по направлению обуха слева (рис. 12).

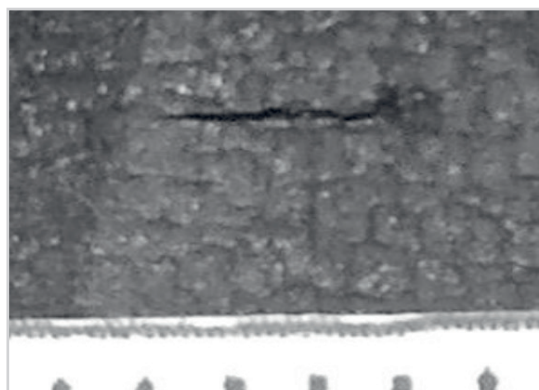
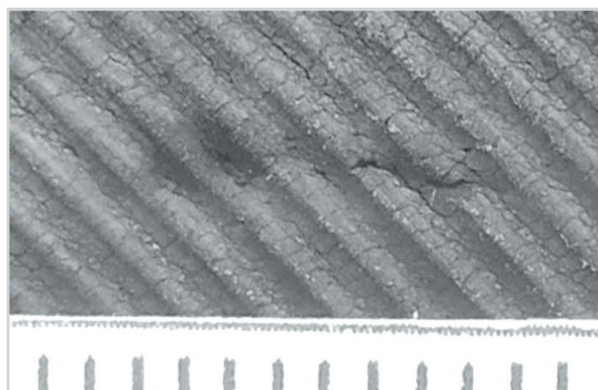

Рис. 12. Колото-резаное повреждение, нанесенное клинком канцелярского ножа № 4 (слева – с лицевой стороны, справа – с оборотной)

В повреждении отчетливо просматриваются общие признаки обуха и острия клинка – в месте проникновения обуха на резине с лицевой стороны четко отображается вмятина, лезвие клинка оставляет острый конец повреждения. Признаки обуха клинка на лицевой стороне шины выражены более четко. Длина повреждения с лицевой стороны – 8 мм, с оборотной – 3,5 мм, форма повреждения с обеих сторон прямолинейная.

При проведении реза данным ножом имелись значительные трудности в части нанесения сквозного колото-резаного повреждения. Это связано с толщиной клинка (0,5 мм), с большим углом схождения лезвия с обухом (45°) и относительно тупым лезвием с деформацией острия. Произвести сквозное колото-резаное повреждение удалось только с четвертой попытки при сильном нажатии на клинок.

При детальном исследовании торцевых поверхностей с использованием сравнительного микроскопа МСК-3-1 (увел.0,5) на плоскостях повреждения были выявлены следы в виде отдельных групп валиков и бороздок (трасс) прямолинейной формы (рис. 13).

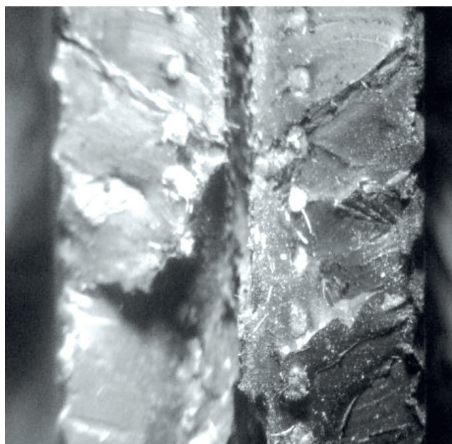

Рис. 13. Следы от лезвия клинка канцелярского ножа в следе № 9 (микроскоп МСК-3-1)

Кроме того, на поверхности резины отобразились следы в виде неровных выступов и уступов с наложением друг на друга, имеется смятие резины, нити корда разволокнены. В месте проникновения острия клинка на резине отобразились контур его обуха и следы утыкания острия в резину.

Проведенные исследования и анализ колото-резаных повреждений на шине автомобиля, образованных клинками четырех ножей с различной заточкой, позволяют сделать следующие выводы.

1. Материал (резина) автомобильной шины по своим свойствам благоприятен для отображения на нем индивидуальных признаков клинков.

2. Клинки всех ножей при нанесении ими сквозных повреждений оставляют общие признаки обуха и лезвия на поверхности автомобильной шины. Признаки воздействия обуха на резину имеют вариационность: тупой угол, отходящие два или один луч, вмятины на резине, разволокнение нитей корда и грубые неровности резины, идущие под разными углами внутри реза.

3. Форма повреждений с лицевой и оборотной стороны шины может быть различной: прямолинейной, дуговой, извилистой, ломаной.

4. Длина повреждений с оборотной стороны меньше, чем с лицевой. Общая длина повреждений зависит от глубины проникновения клинка в толщу резины или от длины общего реза при узком клинке.

5. На оборотной стороне шины по краям повреждений может отображаться поперечное сечение клинка. Данный признак отображается в виде пояска обтирания и выражается в более темном окрасе цвета резины. Данный признак выражен сильнее на резине толщиной 8 мм и при нанесении жестким клинком толщиной 2,3 мм.

6. Заточка лезвия клинков оставляет на резине свой неповторимый микрорельеф. Острый клинок – параллельно расположенные по всей площади ровные валики и бороздки (трассы) дуговой формы. Тупой клинок с деформацией острия – грубые широкие неровные дуговой формы трассы, замятие резины, бугристую поверхность. Направление вершин трасс указывает о противоположном направлении реза.

7. Клинок с серрейторной заточкой оставляет характерные следы от зубьев в виде валиков и бороздок (трасс) дуговой формы, которые пригодны для его идентификации. Однако эти трассы более грубые и выраженные, широкие. Следы (трассы) от серрейторной заточки клинка по внешнему виду сходны со следами (трассами) от воздействия клинка с тупой заточкой с деформацией острия.

8. Клинок канцелярского ножа с тупым лезвием и незначительным отколом острия в отдельных случаях может отображать на резине контур его обуха и следы утыкания острия в резину, по которым возможно установить угол схождения острия с лезвием, что является дополнительным диагностическим признаком о типе, виде ножа (канцелярский, сапожный).

9. Главным критерием идентификации ножа являются следы (трассы) от воздействия его клинка на торцевых частях повреждений резины. Общие признаки – длина, форма повреждений, виды и острота заточки и т.д. – позволяют только установить групповую принадлежность слеодообразующего объекта.

Кроме того, делать вывод о том, что колото-резаное повреждение образовано не ножом, представленным на исследование, только по имеющейся разнице в длине повреждения и ширине его клинка или по наличию на клинке ножа серрейторной заточки – неверно. Обязательно нужно проводить экспериментальный рез.

Также необходимо учитывать, что отображение следов лезвия клинков на резине шины автомобиля зависит от очень многих факторов, главными из которых являются острота заточки лезвия, ее вид (серрейторная или нет), наличие дефекта острия или лезвия клинка, жесткость (толщина) клинка, толщина резины и многих других, которые невозможно в точности повторить на экспериментальном резе. Такие общие признаки колото-резаных повреждений, как длина, форма, степень выраженности валиков и бороздок (трасс), наличие обуха и лезвия, могут по-разному отображаться в следе.

Полагаем, что приведенные в данной статье особенности механизма образования колото-резаных повреждений на автомобильной шине, причиненных ножами с различной заточкой лезвия, а также описание и иллюстрации общих и частных признаков клинков будут востребованы экспертами, выполняющими трасологические исследования, а также курсантами и слушателями образовательных учреждений МВД России при изучении дисциплины «Трасология и трасологическая экспертиза».

Информация об авторе

О. В. Становая – старший преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел.

Information about the author

Olga V. Stanovaya – senior lecturer at the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 01.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 01.11.2025.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2026. № 1 (74). С. 153–161.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 153–161.

Научная статья
УДК 343.98

ОБРАЩЕНИЯ ОРГАНОВ, НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Василий Владимирович Семенчук¹, Василий Дмитриевич Ларичев²

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва

¹ semenchuk_ord@mail.ru, ORCID: 0000–0001–9793–8385

² larichev48@mail.ru, ORCID: 0000–0002–7066–9434

Аннотация. В статье проведен анализ законодательства, регламентирующего взаимодействие органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с другими органами власти. Авторами отмечено, что в качестве одного из условий взаимодействия закон, как правило, предусматривает специальное основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий. При этом в контексте взаимодействия с органами, не осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, имеется ряд проблемных вопросов регламентации такого основания. Во-первых, отсутствует специальное основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках взаимодействия с налоговыми органами. Во-вторых, ряд нормативных правовых актов наделяет Банк России и антимонопольные органы правом обращаться с просьбой о проведении оперативно-розыскных мероприятий, что противоречит Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». На основе комплексного анализа данных проблем предложена типовая модель правовой регламентации обращений органов, не осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, органы власти, антимонопольные органы, налоговые органы, Банк России, взаимодействие, информационный обмен, запрос, обращение

Для цитирования: Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Обращения органов, не осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шиловой. 2026. № 1 (74). С. 153–161.

Original article

APPEALS OF THE BODIES THAT DO NOT CARRY OUT OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY AS BASIS FOR CONDUCTING OPERATIVE-INVESTIGATIVE MEASURES

Vasilii V. Semenchuk¹, Vasilii D. Larichev²

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk

² National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow

¹ semenchuk_ord@mail.ru, ORCID: 0000–0001–9793–8385

² larichev48@mail.ru, ORCID: 0000–0002–7066–9434

Abstract. The article considered an analysis of the legislation regulating the interaction of bodies that carry out operative-investigative activity with other authorities. The author noted that as one of the conditions of interaction, the law, as a rule, contains the special basis for conducting operative-investigative measures. Moreover, in the context of interaction with bodies that do not carry out operative-investigative activity, there are a number of problematic issues of regulating such a basis. Firstly, there is no special basis for conducting operative-investigative measures in the framework of interaction with tax authorities. Secondly, a number of regulatory legal acts are vested in the Bank of Russia and Antimonopoly authorities with the right to apply for conducting operative-investigative measures, which contradicts the Federal Law “About operative-investigative activity”. Based on a comprehensive analysis of these problems, a typical model of the legal regulation of the appeals of bodies that do not carry out operative-investigative activity is proposed, as a basis for conducting operative-investigative measures.

Keywords: operative-investigative activity, operative-investigative measures, authority, anti-monopoly authorities, tax authorities, Bank of Russia, interaction, information exchange, request, appeal

For citation: Semenchuk V. V., Larichev V. D. Appeals of the bodies that do not carry out operative-investigative activity as basis for conducting operative-investigative measures // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2026; 1 (74): 153–161.

Организация деятельности органов государственной власти осуществляется с учетом дифференциации задач и полномочий. Такого рода разделение труда вызывает потребность во взаимодействии, в том числе путем доступа к полномочиям других органов и получения результатов их деятельности. Устойчивость этой потребности способствует формированию механизмов межведомственного информационного обмена, их нормативному закреплению. В рассматриваемом контексте сфера оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) не является исключением.

Анализ положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) позволяет привести перечень субъектов,

которые вступают во взаимодействие с органами, осуществляющими ОРД, в рамках использования их полномочий и обмена информацией:

- международные правоохранительные организации, правоохранительные органы и специальные службы иностранных государств;
- органы, осуществляющие ОРД;
- участники уголовного судопроизводства (суд, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа);
- иные органы власти и управления (например, в процессе исполнения запросов, направляемых в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

В рамках правовой регламентации взаимодействия с указанными субъектами, как правило, учитываются следующие условия:

- выделение самостоятельного основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в виде запроса (поручения) субъекта взаимодействия;
- закрепление обязанности по исполнению соответствующего запроса (поручения);
- включение субъекта взаимодействия в перечень получателей результатов ОРД.

Закрепление таких условий является гарантией законности и самого факта проведения ОРМ, а также исключает необоснованное распространение сведений, полученных в ходе осуществления ОРД.

Среди приведенных условий немаловажное значение имеют основания для проведения ОРМ, которые в теории ОРД рассматриваются как юридические факты, вследствие которых возникают оперативно-розыскные отношения [1, с. 15; 2, с. 46]. Их правовая регламентация выполняет ряд функций:

- вкупе с целью и задачами ОРД определяет сферу ее осуществления, выступая инструментом целеполагания для оперативных сотрудников;
- ограничивает субъективное усмотрение правоприменителя, тем самым защищая физических и юридических лиц от необоснованного вовлечения в оперативно-розыскные отношения;
- служит инструментом профилактики преступлений за счет уведомления о причинах, по которым отдельные лица могут стать объектами ОРД и понести неблагоприятные для себя последствия в виде ограничения прав и последующего уголовного преследования.

История развития ОРД свидетельствует о том, что данный вид правоохранительной деятельности изначально был направлен на борьбу с преступностью, что стало определяющим фактором при построении перечня оснований проведения ОРМ. Вместе с тем, в силу познавательного значения ОРД, уже в момент принятия ФЗ об ОРД помимо оснований для проведения ОРМ, предназначенных для противодействия преступности (ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД), были предусмотрены основания для работы по ряду других направлений (ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД), которым А. Ю. Шумилов дал обобщенное наименование «административной оперативно-проверочной работы» [3].

Впоследствии ФЗ об ОРД помимо корректировки перечня оснований для административной оперативно-проверочной работы был дополнен группой оснований, предназначенных для проверки достоверности сведений, предоставляемых должностными лицами и кандидатами на замещение соответствующих должностей на основании запроса, направленного в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ч. 3 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Несмотря на то, что ФЗ об ОРД в целом соответствует динамике развития рассматриваемых отношений, все же существует ряд вопросов проблемного характера, касающихся оснований проведения ОРМ в контексте взаимодействия с органами власти, не осуществляющими ОРД.

I. Отсутствует специальное основание для проведения ОРМ в контексте взаимодействия с налоговыми органами.

В 2013 г. перечень получателей результатов ОРД был дополнен новым субъектом в лице налоговых органов. При этом перечень оснований для проведения ОРМ остался неизменным, что вызывает вопрос о законности их проведения и допустимости использования получаемых результатов.

Ввиду отсутствия в ст. 7 ФЗ об ОРД упоминания запроса налогового органа оперативные подразделения могут опираться только на общие основания для проведения ОРМ. Представляется, что наиболее применимым из них будут сведения о признаках преступлений и причастных к ним лицах (пп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Такой выход не представляет существенной проблемы, т. к. история взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, и налоговых органов свидетельствует, что первые были всегда ориентированы на инициативное выявление преступлений, а вторые – на осуществление налогового администрирования, в том числе в рамках налогового контроля. В точке совпадения интересов данных органов возникали условия для использования результатов ОРД, указывающих на нарушения налогового законодательства. Соответственно, при выборе оснований проведения ОРМ оперативные подразделения в большей мере ориентируются на самостоятельно получаемые сведения, а не находятся в ожидании поступления запросов или другой информации из налоговых органов. При этом в условиях существующей законодательной регламентации запрос налогового органа обязательно рассматривается через призму оснований для проведения ОРМ, предусмотренных ст. 7 ФЗ об ОРД. Это замечание характерно и для запросов, направленных в целях привлечения сотрудников органов внутренних дел к участию в совместной выездной налоговой проверке [4, с. 84]. Тем более не будет являться надлежащим основанием обычный запрос налогового органа о проведении ОРМ, если в нем отсутствуют сведения о признаках преступления и причастных к нему лицах. О справедливости такого вывода свидетельствует практика признания недопустимыми доказательствами сведений, полученных в ходе таких ОРМ*. Это, однако, не означает, что на уровне закона нет необходимости закрепить право налоговых органов направлять обращения о проведении ОРМ. Для того, чтобы такое основание стало жизнеспособным, а также для обеспечения интересов субъектов взаимодействия, необходимо разрешить ряд вопросов.

1. О содержании и форме основания.

Следует поддержать позицию М. А. Родичева о том, что без определения правового статуса запроса налогового органа как основания для проведения ОРМ останутся сомнения в легитимности проведенных ОРМ и законности последующего использования их результатов [5, с. 70]. Однако любое дополнение в ст. 7 ФЗ об ОРД должно соответствовать общим принципам построения оснований для проведения ОРМ.

Запросы (поручения) как основания для проведения ОРМ, как правило, имеют непосредственную связь с достижением цели и задач ОРД. При этом в содержании таких документов указываются иные основания (например, в виде сведений о признаках преступлений и причастных к ним лицах). Так, поручение может быть направлено в рамках расследования уголовного дела или проверки сообщения о преступлении, а в его содержании описываются обстоятельства, установленные в ходе предварительного расследования (процессуальной проверки) и подлежащие выяснению, т. е. сведения о преступной деятельности.

В части запросов других органов, осуществляющих ОРД, законодатель прямо указал, что они могут направляться по основаниям, указанным в ст. 7 ФЗ об ОРД.

В теории ОРД также сложилось общее представление, что поручение о проведении ОРМ следует рассматривать в качестве повода, а не собственно основания проведения ОРМ.

* Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 10.05.2023 по делу № А63–8469/2022 // Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru>.

В нем должны содержаться фактические основания в виде сведений, обосновывающих необходимость ОРМ. В свою очередь, запросы других органов, осуществляющих ОРД, также должны указывать фактические основания для проведения ОРМ [6, с. 138, 140].

Таким образом, органы, осуществляющие ОРД, при получении запроса (поручения) становятся обладателями сведений о преступной деятельности, не являясь слепыми исполнителями чужой воли.

Проводя аналогию, можно сделать вывод о том, что без наполнения конкретным содержанием обращения налоговых органов нельзя рассматривать как основания для проведения ОРМ.

Относительно формы следует отметить, что запрос в большей степени характерен для иных органов, осуществляющих ОРД, а поручения – для лиц, производящих предварительное расследование или проверку сообщений о преступлениях. Обе группы лиц являются самостоятельными субъектами оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных отношений и направляют запросы (поручения), когда по каким-то причинам не могут получить определенные сведения самостоятельно.

Налоговые органы, осуществляя мероприятия налогового контроля в рамках проведения налоговых проверок, не являются субъектами оперативно-розыскных или уголовно-процессуальных отношений. Использование ими искомой информации осуществляется в рамках реализации ими своих полномочий вне таких отношений. Переход же к уголовно-процессуальным и связанным с ними оперативно-розыскным отношениям возможен только после формирования специального повода для возбуждения уголовного дела, предусмотренного ч. 1³ ст. 140 УПК РФ, и направления соответствующих материалов в подразделения Следственного комитета Российской Федерации.

С учетом изложенного, при определении формы основания для проведения ОРМ уместнее вести речь об обращении налоговых органов, нежели о запросе. Схожий подход был использован при разработке ряда нормативных правовых актов, анализ которых будет приведен ниже.

Таким образом, считаем возможным дополнить часть 2 ст. 7 ФЗ об ОРД новым основанием для проведения ОРМ – «обращения налоговых органов о проведении оперативно-розыскных мероприятий по основаниям, указанным в подпунктах 1, 2 пункта 2 части первой настоящей статьи».

Одновременно с этим в ст. 14 ФЗ об ОРД следует закрепить обязанность, корреспондирующую предлагаемому основанию. Реализация данного предложения позволит учесть интересы субъектов взаимодействия и обеспечить:

- создание дополнительного официального канала поступления информации для осуществления оперативного обслуживания по линии противодействия налоговым преступлениям;
- пресечение немотивированных обращений, не содержащих сведения о признаках преступлений и нацеленных больше на выполнение технических действий, а не на проведение ОРМ (например, привод свидетелей);
- создание дополнительного инструмента информационного обеспечения деятельности налоговых органов за счет сочетания корреспондирующих друг другу права налоговых органов и обязанности органов, осуществляющих ОРД.

2. О приеме, регистрации и проверке обращений о проведении ОРМ.

Существующий в настоящее время порядок направления запросов налоговых органов, в том числе о привлечении оперативных подразделений ОВД к проведению налоговых проверок, имеет ряд недостатков в контексте их рассмотрения как сообщения о преступлении. Так, в случае если запланировано проведение выездной налоговой проверки (далее – ВНП) и имеется информация о совершении налоговых преступлений, незаконного возмещения

налога на добавленную стоимость из бюджета или неправомерных действиях при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве налогоплательщика, по запросу налогового органа к участию в проведении ВНП должны быть привлечены сотрудники ОВД*.

Согласно форме запроса, предусмотренной совместным приказом МВД России и ФНС России**, в нем должна быть отражена информация о необходимости участия сотрудников ОВД в ВНП, в том числе указаны формы, характер и содержание предполагаемого налогового правонарушения.

Кроме того, согласно п. 5 Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями, не позднее 10 суток после утверждения плана ВНП на следующий квартал в целях своевременного проведения комплекса ОРМ подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных ОВД должны быть проинформированы об имеющихся в отношении конкретных налогоплательщиков сведениях о возможном уклонении от уплаты налогов и (или) сборов на сумму, подпадающую под признаки налогового преступления***.

Способ информирования инструкцией не определен. В связи с этим подобные сведения могут быть отражены как в запросе на участие в проверке, так и в форме отдельного уведомления.

В настоящее время независимо от формы документа представление его в гласном порядке повлечет юридические последствия в связи с необходимостью рассмотрения такого документа как сообщения о преступлении. При этом такие сведения, по общему правилу, следует регистрировать в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП).

Вместе с тем, ввиду существования специального повода для возбуждения уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 198–199² УК РФ, такая регистрация изначально бесперспективна, так как без решения налогового органа о привлечении лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах может быть принято только решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Совершенствование информационного обмена возможно путем развития системы взаимодействия налоговых органов и ОВД в контексте обмена первичной информацией, указывающей на признаки нарушения налоговых преступлений, без их регистрации в качестве сообщений о преступлениях.

Для обоснования такого подхода могут быть использованы нормы, содержащиеся в п. 23 Типового положения о едином порядке организации и приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, запрещающие отражать в КУСП конфиденциальную информацию, охраняемую законом****. К такой информации, в частности, могут быть отнесены сведения, составляющие налоговую тайну. Хотя сведения о нарушениях законодательства о налогах и сборах не охватываются понятием налоговой тайны (пп. 3 п. 1 ст. 102 НК РФ), информация, направляемая налоговым органом, имеет характер предположения, для проверки которого и требуется проведение ОРМ. Соответственно, достоверный вывод о налоговом правонарушении (преступлении) будет сделан уже после проведения проверки, а на начальном этапе речь будет идти о наличии его отдельных признаков.

* Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках: письмо ФНС России от 24.08.2012 № АС-4-2/14007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений: приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями: приказ от 08.06.2015 Генпрокуратуры России № 286, ФНС России № ММВ-7-2/232@, МВД России № 675, СК России № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** О едином учете преступлений: приказ от 29.12.2005 Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399: ред. от 15.10.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, с учетом положений ст. 82 НК РФ, Типового положения о едином порядке организации и приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, на уровне МВД России и ФНС России следует урегулировать вопрос направления обращений о проведении ОРМ с отметкой об ограничении распространения информации. Обмен информацией позволил бы решить ряд проблем:

- исключить необоснованную регистрацию первичной непроверенной информации в КУСП;
- снизить риск преждевременного разглашения информации об интересе правоохранительных органов к проверяемому лицу;
- исключить обвинение в разглашении налоговой тайны, так как обмен будет носить упорядоченный характер.

II. Противоречие ФЗ об ОРД и законодательства, регламентирующего деятельность отдельных органов власти, не осуществляющих ОРД.

Ряд нормативных актов наделил Банк России правом обращаться в установленном законодательством РФ порядке в органы, осуществляющие ОРД, с просьбой о проведении ОРМ (ст. 25 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте», ст. 34 Федерального закона от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах», ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах», ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации», ст. 55 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»).

Этим же правом с тождественной формулировкой наделены и антимонопольные органы (ст. 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 15.2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»). Данное право воспроизведено в п. 5.3.6 Положения о Федеральной антимонопольной службе (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331) и в п. 7.3, 7.6 Положения о территориальном органе Федеральной антимонопольной службы (утв. ФАС России от 23 июля 2015 г. № 649/15).

С учетом близости подходов к законодательной регламентации данные полномочия следует рассмотреть совместно.

В науке по поводу возможности их реализации существуют противоположные мнения. Ряд авторов высказался по данному вопросу утвердительно. Так, в комментарии к Федеральному закону «О клиринге и клиринговой деятельности» было дано расширительное толкование положения ст. 7 ФЗ об ОРД, допускающее проведение ОРМ на основании запросов иных органов, в том числе Федеральной службы по финансовым рынкам (в настоящее время данный орган упразднен, а его функции переданы Банку России – В.С., В.Л.)^{*}.

Возможность получения информации Банком России в ответ на обращение о проведении ОРМ также отмечалась авторами комментария к Федеральному закону «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации»^{**}.

В свою очередь, Д. А. Петров допускал реализацию такого рода полномочия антимонопольным органом в целях получения в ходе проведения ОРМ переписки по электронной почте [7, с. 65]. Другие ученые также косвенно допускали возможность направления обращений о проведении ОРМ антимонопольными органами [8; 9]. Однако существуют мнения

^{*} Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности»: постатейный / Е. Г. Хоменко, Е. А. Игнатъева, Е. Е. Подкопаева [и др.]. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2012.

^{**} Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации»: постатейный / Е. А. Черешева, А. В. Мякотина, Е. А. Поваляева [и др.]. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2017.

противоположного характера. Одно из них – обращение антимонопольного органа может быть направлено только при наличии оснований для проведения ОРМ, предусмотренных ст. 7 ФЗ об ОРД*.

Также А. Ю. Кинев отмечает, что, согласно ст. 7 ФЗ об ОРД, запросы ФАС России не являются основанием для проведения ОРМ [10, с. 75].

Считаем, что без внесения изменений в ст. 7 ФЗ об ОРД рассуждать о правомерности такого рода обращений преждевременно.

В соответствии со ст. 4 ФЗ об ОРД правовую основу ОРД помимо данного закона также составляют иные законы. Эта норма создает предпосылки для более широкого усмотрения в сравнении, например, с положениями ст. 1 УПК РФ, установившими жесткие рамки правовой регламентации уголовного судопроизводства. Вместе с тем положения ФЗ об ОРД в целом и ст. 7 в частности носят специальный характер, а другие нормативные акты, затрагивающие полномочия по проведению ОРМ, должны соответствовать им.

Признание правомерности рассматриваемых обращений в текущей ситуации тем более необоснованно в связи с тем, что аналогичным правом не обладают налоговые органы, уже отнесенные к числу получателей результатов ОРД.

Возможно, допуская направление обращений Банком России и антимонопольными органами, законодатель исходил из предположения, что вслед за этим произойдут изменения в ФЗ об ОРД. Однако соответствующие изменения все же следовало бы проводить комплексно. Сейчас же имеет место недопонимание в процессе межведомственного взаимодействия в связи с возможным обоснованным отказом от выполнения обращений о проведении ОРМ.

Для обеспечения реализации полномочий Банка России и антимонопольных органов в рассматриваемой сфере необходимо осуществить правовую регламентацию по аналогии с тем, как это предложено нами для налоговых органов:

- включение в ст. 7 ФЗ об ОРД основания для проведения ОРМ в виде обращения о проведении ОРМ по основаниям, указанным в пп. 1, 2 п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ об ОРД;
- включение в ст. 14 ФЗ об ОРД обязанности, корреспондирующей новому основанию;
- включение указанных органов в перечень получателей результатов ОРД, предусмотренный ст. 11 ФЗ об ОРД.

Во избежание преждевременной регистрации обращения о проведении ОРМ как сообщения о преступлении, на уровне межведомственных нормативных актов также следует определить возможность проверки такого рода информации в рамках ОРД.

Предлагаемая модель имеет универсальный характер в контексте регламентации обращений органов, не осуществляющих ОРД, как оснований для проведения ОРМ. Ее конструкция основана на сочетании интересов субъектов взаимодействия, призвана обеспечить законность при проведении ОРМ, одновременно с этим исключить избыточную нагрузку на органы, осуществляющие ОРД. Вместе с тем любое дополнение перечня оснований для проведения ОРМ должно проходить предварительное научное обсуждение, исключающее принятие изначально нежизнеспособных норм.

Список источников

1. Давыдов С. И., Пинчук А. П. О критериях выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 10–18.
2. Кузнецов Е. В. Оперативно-розыскное право в системе отраслей российского права: учеб. пособие. М.: ДГСК МВД России, 2018. 120 с.
3. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. М., 2006. 368 с.
4. Ларичев В. Д., Милякина Е. В., Панкратев А. Н. Взаимодействие налоговых органов с органами внутренних дел и следственными органами при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям // Lex russica. 2023. Т. 76, № 12. С. 80–91.

* Батрова Т. А., Артемьев Е. В. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»: постатейный. Подготовлен для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2018.

5. Родичев М. А. Взаимодействие налоговых органов и оперативных подразделений: основные проблемы и возможные пути их решения // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 65–71.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2022. 304 с.
7. Петров Д. А. Право антимонопольных органов на информацию в ходе осуществления контроля за соблюдением антимонопольного законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. № 2. С. 56–65.
8. Волков А. М., Заббаров К. В. Особенности применения антимонопольного законодательства в сфере недропользования // Административное право и процесс. 2012. № 9. С. 45–50.
9. Шевченко Ю. П., Косицин И. А. Состояние защищенности общества от противоправных посягательств (административно-правовой аспект) // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 42–46.
10. Кинев А. Ю. Проблемы совершенствования административно-правового статуса антимонопольных органов Российской Федерации // Соблюдение прав человека и гражданина в деятельности сотрудников органов внутренних дел: материалы Всерос. заоч. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2014. С. 68–80.

Информация об авторах

В. В. Семенчук – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса;

В. Д. Ларичев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник.

Information about the authors

V. V. Semenchuk – *kandidat nauk*, degree in Economic, Associate Professor, Head of the Department of the criminal procedure;

V. D. Larichev – Doctor in law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Chief researcher.

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; принята к публикации 19.08.2025.

The article was submitted 19.08.2025; accepted for publication 19.08.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала (уголовно-правовые науки).

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/003/378/423/Litsenzionnyy_dogovor_2.pdf) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде по электронной почте vestnikdvui@yandex.ru.

5. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

6. Представляемые к опубликованию научные статьи должны соответствовать следующим требованиям:

- объем – 10–18 страниц при наборе текста в программе Word шрифтом Times New Roman размером 14 пунктов с использованием полуторного межстрочного интервала;

- статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»;

- после названия статьи указываются фамилия, имя, отчество всех авторов полностью, полное название организации – места работы каждого автора (на русском и английском языках). Указывается адрес электронной почты каждого автора, а также ORCID автора (**пройти регистрацию на сайте <http://orcid.org/>**) или другие его идентификационные номера;

- информация об авторе (авторах) указывается в конце статьи после списка источников. Указываются: ученая степень, ученое звание, занимаемая должность (на русском и английском языках);

- название статьи, аннотация (не более 250 слов), ключевые слова (не менее 3 и не более 15 речевых единиц) приводятся на русском и английском языках;

- указывается код универсальной десятичной классификации (УДК);

- приставленный список источников размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованную при написании статьи литературу;

- ссылки на официальные документы, авторефераты диссертаций, интернет-источники оформляются по тексту как подстрочные;

- статья должна быть подписана автором (авторами). Статья адъюнкта (аспиранта, соискателя), кроме того, должна быть подписана его научным руководителем.

7. Ответственность за достоверность фактов, приводимых цитат, за правильность ссылок на источники, точность предоставленных персональных данных, а также корректность перевода на английский язык несут авторы.

8. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

9. Плата за опубликование статей не взимается.

10. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте. При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,

редакционно-издательский отдел, журнал «Вестник ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова».

Тел. (4212) 92-02-59

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru